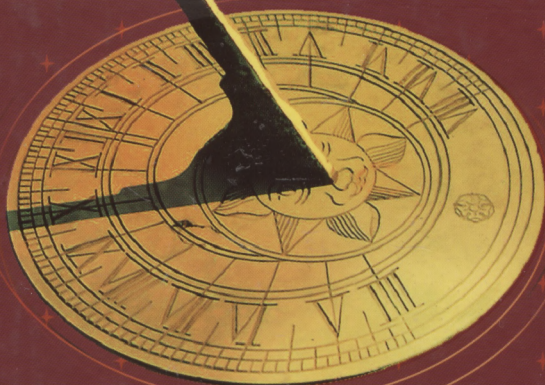

ВЕЛИКАЯ
КНИГА
Пророков

ПРОРОЧЕСТВА
НОВОГО ВРЕМЕНИ

**ВЕЛИКАЯ КНИГА
ПРОРОКОВ**

ОЛМА
МЕДИАГРУПП

НИКОЛАЙ НЕПОМНЯЩИЙ

ВЕЛИКАЯ КНИГА ПРОРОКОВ

Книга 3

ПРОРОЧЕСТВА НОВОГО
ВРЕМЕНИ

МОСКВА

«ОЛМА-ПРЕСС Образование»

2006

ББК 86.4

Н 53

Непомнящий Н.

Н 53 Великая книга пророков:

Кн. 3.

Пророчества Нового времени. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2006.— 320 с., илл.

ISBN 5-94849-808-5 (Общ.)

ISBN 5-94849-816-6 (Кн. 3)

Когда мы слышим слово "пророк", нам, как правило, вспоминаются библейские пророки. Но и последние века нашей истории подарили миру немало ясновидцев. Екатерина I и блаженная Ксения, госпожа Ленорман и Григорий Распутин, Серафим Саровский и Михаил Булгаков... Столь разных, казалось бы, людей объединяет особый дар — дар видеть сквозь время. Читайте в нашей книге об этих и других интереснейших провидцах и об их удивительных предсказаниях.

ББК 86.4

ISBN 5-94849-808-5 (Общ.)

ISBN 5-94849-816-6 (Кн. 3)

©Издательство «ОЛМА-ПРЕСС
Образование», 2005

«В сем созвездии, якобы в зеркале...»

В 1667 г. воспитателем царевича Федора Алексеевича и царевны Софьи был назначен один из самых образованных людей того времени, иеромонах Симеон Полоцкий, автор нравоучительных, поэтических и драматических сочинений, астроном и астролог. В узорах звездного неба он наблюдал и недолговечное правление слабоумного царя Федора, и грядущий стрелецкий бунт. Историки до сих пор гадают, как сумел первый русский энциклопедист во многих подробностях предсказать великую и необыкновенную судьбу Петру I... еще до его рождения.

28 августа 1671 г. царь Алексей Михайлович венчался с Натальей Кирилловной. На следующее утро к царю явился Полоцкий и сообщил: ночью явилась недалеко от Марса «весьма светлая звезда» — знак того, что молодая царица зачала «во чреве матернем сына». Еще более изумился Алексей Михайлович от вести, что царевич появится на свет Божий

30 мая следующего года и будет наречен именем Петр.

— Сей царевич взойдет на престол твой, — вещал иеромонах, — никто из современников с ним не сравнится, и он приобретет величайшую похвалу. Слава его непрестанно будет возрастать, он будет великим и удивления достойным победителем; многие падут от меча его. Он победит враждующих своих соседей, сделает множество славных дел, каких никто еще из предков его произвести не мог, и učinится страшным. Он будет посещать многие ближние и дальние земли.

Но собственные его подданные будут делать ему много препятствий в его благополучии, он прекратит многие неурядицы и возмущения, и при жизни его произведено будет много великих дел на море и сухом пути. Он истребит злых, будет любить прилежных, утвердит веру, и еще много славного произведет, как то необманчивое предсказание созвездия показывают. В сем созвездии, якобы в зеркале, видел я все теперь сказанное и письменно Вашему величеству подношу.

Немало подивился речи Симеона царь всея Руси. А еще более — бесстрашию прорицателя, рисковавшего не только местом при дворе, но и собственной головой.

Пригласив Наталью Кирилловну, Алексей Михайлович зачитал ей предвещание, облобызал и познакомил с пророком, который, глядя царице в глаза, произнес:

*Обручение царя Алексея Михайловича
с Натальей Кирилловной Нарышкиной.
По старинной французской гравюре*

— При разрешении от бремени три дня
будешь ты терпеть великое страдание и
болезнь, но Ваше величество и новорож-
денный царевич останетесь живы, здоровы
и Богом хранимы.

После этого Полоцкий многожды был приглашаем к великому государю для сокровенных бесед о звездоблюстительности и уже не сомневался, что «течение звезд по воле Божией показывает много настоящих и будущих приключений...»

Со дня венчания прошло, как и положено, девять месяцев.

«В 1673 году, 28 мая, царица мучилась уже родами, как Полоцкий пришел во дворец. Он прошел прямо в ту комнату, где был государь, и, нашедши его в печали, выслав всех из комнаты, притом же объявил, что царица еще двое суток будет страдать. Он остался у государя и проводил время в молитве. Наконец царица пришла в такое состояние, что должна была приобщаться святым тайн. Но Полоцкий утешал царя и всех прочих, находившихся между страхом и надеждою, и уверял, что царица останется жива и через пять часов разрешится от бремени. По происшествии четвертого часа Полоцкий пал на колени и молил Бога, чтоб царица еще час не разрешилась. Государь, разгневавшись на него, сказал ему:

— О чем ты молишься! Царица и так уже почти мертва!

Он же отвечал:

— Великий государь! Если царевич родится в первой половине часа, то жизнь его продлится около пятидесяти лет, если же в другой половине часа родится, то проживет лет семьдесят».

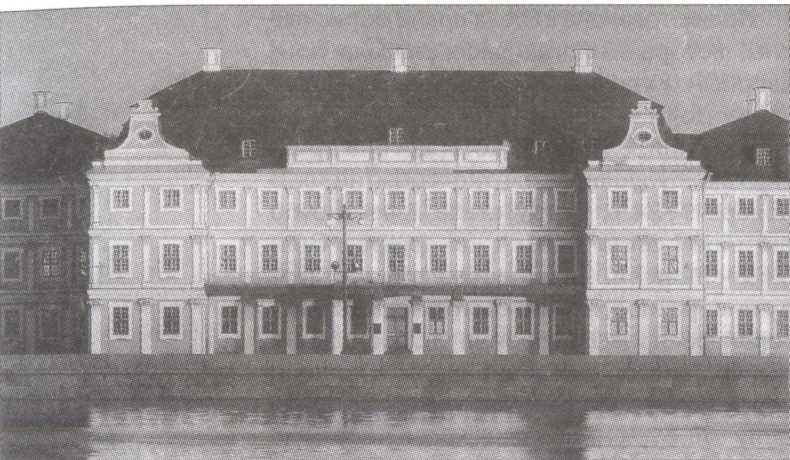
Как в воду глядел Симеон Полоцкий! Царица разрешилась от бремени в первой половине часа. Это и предопределило кончину Петра Великого в январе 1725 года, на пятьдесят третьем году жизни.

Вещие сны Екатерины I

Фаворитка, потом жена Петра Великого, а после его смерти — первая российская императрица, Екатерина I была из тех женщин, кого перст Божий отметил уже в раннем детстве.

Чума, косившая в конце XVII в. народ в Ливонии, пощадила маленькую девочку, которую ждала удивительная судьба. Осиротевшая кроха сама выбрала себе приемного отца, пастора Глюка. Когда тот навещал обезлюдевший во время эпидемии приход, она бросилась к нему с радостным криком «Папа!», умоляя накормить. Сердце пастора не выдержало, и он взял ее в свою семью. Воспитанницу не научили ни читать, ни писать, зато природа с лихвой вознаградила ее способностями, которые сегодня назвали бы экстрасенсорными.

Как известно, Петр I страдал тяжелыми припадками якобы из-за яда, поданному ему в детстве сестрой Софьей. В эти моменты его неукротимый гнев обрушивался на приближенных. Грозному самодержцу

*Дворец А. Д. Меншикова.
Санкт-Петербург*

казалось, что они желают его смерти. После припадка царя несколько дней мучили сильные головные боли. Когда во дворце поселилась Екатерина, царедворцы вздохнули с облегчением. Как только по губам Петра пробегала судорога, первый признак приступа, — тотчас посылали за супругой. Она была единственной, кто мог без страха смотреть в искаженное яростью лицо царя. Ее голос, слова, движения производили магическое действие на Петра. Он успокаивался, клал ей голову на грудь и погружался в глубокий сон. А через два-три часа пробуждался бодрым и в прекрасном расположении духа. Судя по всему, Екатерина обладала даром внушения или гипноза.

Кроме того, она видела яркие образные сны, которые иногда рассказывала придворным и удивительно точно истолковывала. До нас дошло описание двух ее сновидений, благодаря которым она предсказала будущее развитие событий. ...В ноябре 1724 г. Петру стало известно об интимной связи жены с камергером Виллимом Монсом. Зная необузданную натуру императора, можно было ожидать жестокой расправы с обоими любовниками. Монса арестовали, обвинили во взятках и через две недели отрубили голову. Екатерину эта буря миновала. За две недели до ареста Монса она увидела сон. ... Будто бы вся ее постель покрылась омерзительными змеями, злобно шипящими и ползающими в разных направлениях. Одна из них, самая большая, бросилась на нее, обвила кольцами и стала душить. Екатерина борется из последних сил и наконец убивает ее. После этого все гады помельче поспешно сбежали с ее ложа. Она истолковала этот сон так, что ее ждут сильные потрясения и грозные испытания. Но она выйдет из них невредимой. Так и произошло. Единственным наказанием за измену стало резкое охлаждение отношений между супругами.

Петра I уже больше двух лет как не было в живых, когда императрице привиделся другой сон. ...Она сидит за столом, окруженная придворными. Вдруг появляется ее покойный супруг, облаченный в древнеримскую тогу. Петр пристально смотрит на

жену, а потом властным движением манит к себе. Она подходит к нему — и они уносятся под облака. Бросив прощальный взгляд на землю, она видит своих дочерей, Анну и Елизавету, окруженных бурлящей толпой народа. В ней представители всех наций, перебивая друг друга, громко спорят между собой... Екатерина пришла к выводу, что скоро умрет, а после ее кончины в государстве начнутся смуты. И здесь она не ошиблась. В апреле 1727 г. 43-летняя императрица, прежде отличавшаяся завидным здоровьем, сильно заболела и в начале мая отошла в мир иной, завещав трон одиннадцатилетнему Петру II. Между регентами юного государя и родовой знатью началась борьба за реальную

След вещуны

Историки всех времен, начиная с тех, что были современниками светлейшего князя Меншикова, гадали и гадают о причинах его совершенно неожиданного, свершившегося за считанные дни, падения. Ни одной достоверной версии не существует и по сей день.

...Предрождественская ночь 1726 г. выдалась в российской столице особенно морозной и темной. Часов в одиннадцать вечера поручик Арсеньев подходил к великолепному дворцу светлейшего князя Меншикова, своего высокопоставленного родственника.

Надо сказать, что поручик был от природы человеком, лишенным каких бы то ни было заметных дарований, чего нельзя было утверждать про его амбиции и честолюбие... Впрочем, для безбедной и бесхлопотной жизни ему вполне хватало и сестры Дарьи, княгини Меншиковой, бывшей вот уже несколько лет замужем за светлейшим. И в особенностях второй из сестер поручика — Варварушки... Хотелось, однако, как это и водится с жадными и честолюбивыми людьми, большего.

В тот момент, когда поручик подходил к дворцу князя, на одном из боковых балкончиков замаячила одетая в светлое невысокая женская фигурка. Присмотревшись повнимательнее, легко можно было определить, что женщина эта сильно горбата. Отойдя в тень, поручик наблюдал некоторое время за хорошо знакомым ему силуэтом. Между тем Варвара (а это была именно она, любимая и обладающая властью в доме свояченица Меншикова), стоя на балкончике, производила странные манипуляции, ничуть не удивившие ее брата. Движения рук горбуны могли бы напоминать движения регента перед хором, если бы не их итог: поначалу еле заметное, затем все более отчетливое багровое мерцание залило балкончик, хотя никакой свечи в руках Варвары и в помине не было. Постепенно свет как будто сконцентрировался в шар, замерший на ладонях у женщины. Поручик, прятаясь в темноте, хорошо разглядел со своего места неестественно огромный глаз с вертикальным зрачком, замаячивший в глубине светового сгустка прямо перед лицом Варвары. Через мгновение балкон опустел...

Постояв еще немного, поручик, на всякий случай перекрестившись, продолжил свой путь к парадному подъезду дворца. То, что все старшие в роду Арсеньевых женщины ведают колдовство, для него не было секретом. И хотя грех этот к представителям мужской части семьи отношения не имел, все же было Арсеньеву слегка боязно.

Когда спустя около часа Варвара, празднично убранная, вышла к брату в свою собственную гостиную, он отметил и бледность ее длинного, как у всех горбунов, лица, и лихорадочный блеск прекрасных темных глаз. «Ну?..» — поручика снедало нетерпение. Знал, что сегодня, накануне святого праздника, результат от Варвариных темных дел точно будет. «16 месяцев осталось Ей буйствовать, — ответила она тихо. — Ах, еще шестнадцать, братец, терпеть будет наша Дашенька, сущее дитя...» — «Вот именно дитя, — усмехнулся Арсеньев. — Она и не понимает ничего. Разве это значит терпеть? И ТУ любит не менее светлейшего князя...» — «Тс-с-с... — Варвара испуганно приложила палец к губам. — Какой ты все же... Здесь и у стен уши есть!» — «Ну а как насчет племянницы Марьи? — перебил поручик нетерпеливо. — Быть ли ей императрицею, быть браку, что задумали?» — «Не знаю, братец, — лицо Варвары потускнело, она задумчиво покачала головой. — Смутно все... Даже ОКО мутнеет, не вижу... После еще глядеть буду, а нынче нельзя больше, всенощная к концу идет, скоро и разговляться пора. И так через это все с князем и Дарьей Михайловной во дворец не поехала, сильно больной сказала».

...Спустя часа три в императорском дворце, где как всегда бурно справляли Рождество, Екатерина, все еще необычайно красивая в полных сорок два года,

неожиданно погрузилась и, против обыкновения, пожелала отправиться в свои апартаменты немедленно. Как обычно, сопровождал ее генералиссимус, светлейший князь Меншиков. И — тоже как обычно оставшись наедине с императрицей, — спросил, обращаясь к ней по имени, данному до крещения в православие: «Что с тобою, Марта, дитя?» — «Ничего, солдат... — Она усмехнулась собственной шутке, не слишком удачной. — Ах, Алексашенька, что-то смутно мне, дурно...»

Из императорской спальни Меншиков спустился прямо вниз, где уже минут двадцать как ждала его, кутаясь в пышную шубу, милая и тихая супруга — княгиня Меншикова, Дарья Михайловна. Жена, любимая им, заботливая, так и оставшаяся навеки «девицей из терема» — покорной и семейной, обожающей своего всевластного мужа...

Так наступило Рождество, которому суждено было стать предпоследним для Екатерины Алексеевны, в юности просто Марты. Девицы, переходившей из рук в руки с легкой руки графа Шереметева и наконец «подаренной» Петру I ее последним мил-другом Меншиковым. На протяжении последующих шестнадцати месяцев все сильнее будет иссушать чахотка ее соблазнительную грудь, накладывая пелену желтоватой бледности на красивое лицо, придавая неестественный блеск темным глазам. Екатерина I угаснет 6 мая следующего года, успев обручить стар-

Екатерина I. Худ. И. Никитин

шую дочь Меншикова Марию с юным наследником Российского престола Петром. Самому же Меншикову оставив «в дар», как ближайшему из близких, убившую ее болезнь.

Предчувствовала ли такую развязку горбатая ведунья, пославшая в Рождество 1726 г. лично для императрицы бутылку темного вина, испробованного Екатери-

ной за праздничным столом?.. Сестру самого Меншикова, присутствовавшую при этом, поразила фраза, сказанная Варварой Михайловной: «Прощай, Марта...», и еще несколько слов на непонятном, однако не немецком, языке. О чем и оставлена была запись в дневнике впечатлительной девицы. Возможно, именно из-за ее неводержанности к следующему Рождеству, когда болезнь и угасание Екатерины стали уже очевидны, и пополз слух о посвященности Варвары Михайловны в самые черные тайны оккультизма. Переговаривались тихо — ведь Меншиков был всевластен и сказочно богат по-прежнему. Однако и сложа руки тоже не сидели...

А вслед за всем этим особенно удивительной была стремительность падения со всех придворных высот светлейшего князя: сутки семейство Меншиковых получило на то, чтобы покинуть свой дворец и отправиться в ссылку. Непосредственно в дороге императорский гонец, нагнав огромный обоз князя, вернул от имени нового императора Марье Александровне обручальное кольцо, забрав то, что прежде дарил ей Петр. Еще через несколько дней Варвара Михайловна — единственная из семьи Арсеньевых отправленная в ссылку (братьев не тронули!) — была разлучена с Меншиковым, отправлена в монастырь, а чуть позже насильно пострижена под именем инокини Варсонофии. Это и было началом конца Меншиковых. Что же касается версий — вот еще одна, запечатлен-

ная на пожелтевшей от времени бумаге и представляющая собой письмо все того же поручика Арсеньева, брата Дарьи Михайловны, ссыльному князю. Еще несколько лет назад письмо это хранилось в архивах Тобольской губернии и уже тогда было в трудночитаемом состоянии. Но основной текст разбору поддавался.

«...Каюсь, каюсь, любезный мой братец, в надежде, что примете Вы мое покаяние сейчас, когда, как стало известно мне, потеряли навеки жену свою, а мою единокровную сестрицу Дарью Михайловну... Быть бы Вам и по сей день в чести, славе достойной и богатстве, кабы не треклятый язык мой да не подлая ведьма, цыганка красоты неопикуемой, подосланная, должно быть, врагами Вашими, что ныне у власти. Должно быть, зельем меня опоила ведьма-Сашка, телом своим дивным опутала, ежели рассказал я ей сдуру все, что Варварой Михайловной, прости меня, Господи, задумано и содеяно было с помощью коловских сил. Только Сашка-то, цыганка, посильнее Варвары Михайловны оказалась, поскольку на семь поколений старше в их треклятом роду ведовство... Всего-то за три дни до беды Вашей вошел я в дом свой, Вами же мне и презентованный. Чую — запах из залы: вроде как травками тянет да смолками душистыми, дурманными. Бросился я, значит, туда: стоит подлая ведьма супротив зеркала, совершенно голая, в чем мать родила, свечи по сторонам ее горят, да не светлые, а смоля-

ные, чернее мрака. А в зеркале-то вовсе не она отражается, а старуха какая-то поганая. Тоже голая, только страшная, сморщенная вся, патлы седые распущены, и глаза дьявольским огнем горят! Ну увидела меня Сашка-цыганка, повернулась и — ну хохотать! „Все, — говорит, — поручик, кончилась власть светлейшего Алексашки! И Варваре твоей не завидую, прапрабабка моя всю власть ее себе теперь заберет и употреблять будет... И попомни слова мои: двести лет меншиковскую могилу разрывать да искать будут, однако же не найдут — унесут его воды ледяные, серые... И на ТОМ свете не видать ему покоя!“

Ну тут я, братец мой любезный, как стоял, так и хлопнулся, лишившись чувств, словно красная девица. А когда оклемался, светало уже за окнами и ни цыганки моей, ни свечек ее в помине не было, только смолами колдовскими в зале все еще пахло. А денщик мой, как после мне известно стало, чуть ли не сутки спал, не просыпался.

Ну а спустя три дни Вас вместе со всем семейством и вправду без всякого на то предупреждения в Ранненбург по этапу...»

Письмо это датируется приблизительно 1728 г. и доставлено было, видимо, уже в Березов, где год спустя, в 1729-м, умер и сам Меншиков, и его дочь Мария, так и не ставшая императрицей.

Ну а сбылись ли слова ведьмы-цыганки относительно княжеской могилы?.. Вот свидетельство, зафиксированное документами, историческое.

Меншиков в Березове. Худ. В. Суриков

Александр Меншиков похоронен предположительно рядом с церковью, срубленной собственноручно, опущен в вечную мерзлоту. Могилу его забыли... ровно на сто лет. Целых два поколения сменилось, прежде чем появился в Березове губернатор, некто Батыш-Каменский, историк по образованию, решивший эту могилу найти. Вроде бы нашел с помощью столетнего старожилы в 1825 г. А дабы точно не ошибиться — постановил вскрыть... Обнаруженный там покойник признан был князем Меншиковым. Сомнения, однако, остались, и до 1842 г. место предположитель-

ного погребения вскрывалось еще трижды! Пока император Николай I самолично не направил губернатору письмо, в котором определил его действия как «по меньшей мере неуместные». В результате этих «раскопок» все же пришли к выводу, что вскрытая могила, пожалуй, не княжеская, а Меншиков захоронен вовсе у другой церкви. Дальнейшие раскопки — уже куда более поздние — не дали ничего. В итоге историки не без оснований сделали заключение: могила светлейшего князя Меншикова размыта коварной и бурной рекой Сосьвой, ею же унесено и тело, останки которого, должно быть, покоятся и донныне в ледяных и темных ее водах.

Пророчества чухонских старцев

В истории российского Севера есть малоизвестные страницы, связанные с таинственными чухонскими старцами — финноугорскими волхвами, имевшими огромное влияние на своих соплеменников. С незапамятных времен они выступали в роли жрецов чухонских языческих богов, старательно поддерживая в своем народе древние верования даже после принятия православия большей частью населения.

Вопреки широко распространенной легенде царь Петр I не стал первооснователем поселений на берегах седой Невы. На мшистых, топких, поросших лесом, но отнюдь не диких берегах полноводной широкой реки издревле обитали лапландцы, карелы, воль, ижоры, вепсы и представители других малочисленных племен. Причем после принятия ими православия, кстати, проходившего вполне мирно, они упорно продолжали тайком поклоняться своим древним языческим богам и почитали служивших этим божествам чухонских

старцев-жрецов, а в затруднительных ситуациях и при решении жизненно важных вопросов непременно обращались к ним за советом.

Роковые пророчества

В те далекие времена примерно там, где сейчас самый центр современного Санкт-Петербурга, между Троицкой площадью и зданием Нахимовского училища, в начале XVIII в. находилось древнее языческое капище. Его главной достопримечательностью и ценностью для чухонцев была причудливо искривленная балтийскими ветрами священная сосна. По ней жрецы точно предсказывали грядущие наводнения и даже могли указать уровень подъема воды: во время волховских мистерий на этой высоте на корявых ветвях дерева появлялись «огни Святого Эльма», что неизменно приводило в мистический трепет зрителей.

Естественно, чухонским старцам не слишком пришлось по нраву соседство беспокойного белого царя, затеявшего на берегах Невы грандиозное строительство. Поэтому волхвы сначала очень осторожно, а потом все смелее и громче начали пророчествовать о странных и ужасных несчастьях, неминуемо ожидающих в будущем строящийся по велению царя город и всех его жителей. Они наивно надеялись, что царь услышит их и, узнав всю

Петербург. План 1716 г.

горькую правду о будущем, одумается и бросит свою опасную затею. Да, Петр I услышал их, но вот относительно дальнейшего волхвы просчитались.

Передаваемые из уст в уста и не на шутку будоражившие народ мрачные пророчества чухонских старцев вкупе с крайне переменчивым военным счастьем в бесконечных баталиях со шведами не улучшали царского настроения.

Не откладывая дела в долгий ящик, царь решил раз и навсегда покончить с «чухонскими чудесами». Краснея от натути и матерясь сквозь зубы, Петр самолично срубил старую священную сосну и приказал отправить на дрова в солдатские кухни. А жрецам, чтобы больше не болтали чего не попадя, приказал срубить головы!

Перед казнью чухонские старцы, имен которых история не сохранила — возможно, их просто заставили навсегда забыть? — сделали последние пророчества: каждый из трех языческих жрецов дал свой собственный прогноз развития событий в далеком будущем. Причем все они были неразрывно связаны с разоренным царем святилищем и местом их жестокой казни.

Первый из волхвов пробормотал заклинания и, стоя на коленях перед плахой, провещал:

— Заложенный царем новый город простоит ровно триста лет — столько же, сколько отпущено времени правления его потомкам. А потом городу на Неве быть пусту!

Фактически жрец «отпустил» заложенному Петром I в 1703 г. на Неве городу столько же лет, сколько правлению династии Романовых. Это достаточно хорошо известное предсказание, и оно имеет множество различных вариантов толкования. По одному из них, город утонет, весь уйдет под воду во время небывало сильного наводнения. Согласно другим, население вымрет от страшных болезней, голода и тому подобного.

Надо признать, что это жуткое пророчество древнего чухонского волхва чуть было не исполнилось в страшные дни блокады во время Отечественной войны, но тогда до трехсотлетия город оставалось еще 60 лет.

Второй чухонский старец предсказал, перед тем как его лишили головы:

— Все проживающие на территории России финноугорские народы объединятся в «Коотимаа», и тогда придет неминуемый конец владычеству белых царей!

«Коотимаа» — «общий дом финнов» — так называется некое почти мифическое единение всех финноугорских народов, населяющих необъятную Россию. Это пророчество можно понимать не только как указание на неизбежное падение самодержавия в России, но и как предсказание неизбежного конца главенствующей роли представителей славянской расы.

Третий жрец перед смертью предрек, громко выкрикнув в серое низкое небо:

— Город Петра исчезнет с лица земли, когда в нем будут захоронены «три царя с востока»!

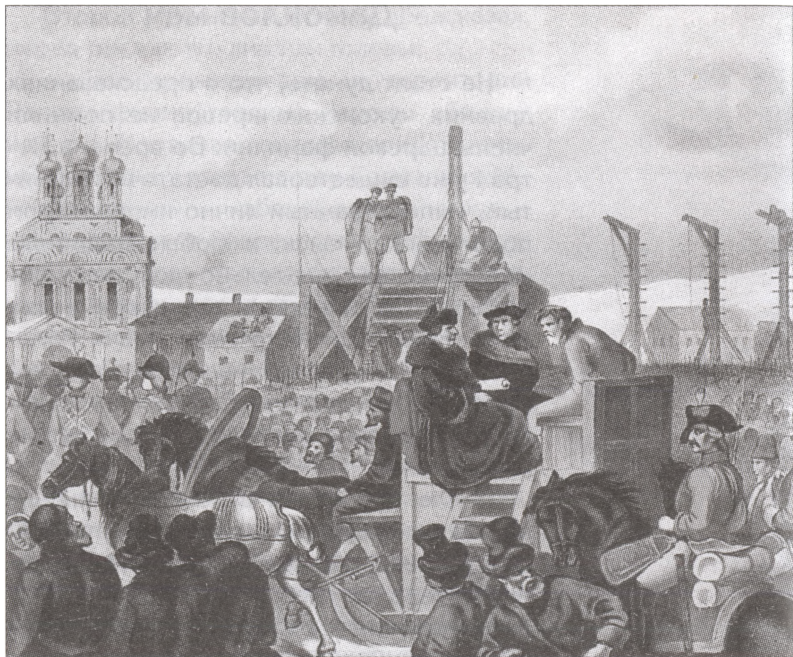
Царский приказ выполнили неукоснительно: чухонских жрецов-пророков обезглавили. Но казнь проходила при стечении народа, и последние слова чухонских старцев слышали многие. Бесконечные страшные наводнения, наносившие городу огромный ущерб и уносившие немало жизней, по мнению множества людей разного звания, подтверждали пророчества, сделанные чухонскими старцами перед лютой казнью, и их вещие слова передавались из поколения в поколение.

Дамоклов меч

Не стоит думать, что о предсказаниях древних чухонских жрецов не помнили члены царской фамилии. Во времена Петра I уже существовал достаточно развитый, выпестованный лично императором политический сыск, и любые подобные «пророчества» тщательно документировались. Как известно из исторических источников, сам Петр Алексеевич Романов, жестоко расправившийся с волхвами, тем не менее очень боялся «чухонского колдовства», особенно в последние годы жизни.

После обвинения в измене, лишения наследия и казни сына царя и смерти Петра I в новой столице империи Санкт-Петербурге, в царской усыпальнице — Петропавловском соборе — оказались захороненными уже два русских вождя или царя, «рожденные на востоке»: сам император Петр и его сын, которые родились в Москве, т. е. к востоку от города на Неве.

Абсолютно не склонная к суевериям и весьма расчетливая императрица Екатерина II, обладавшая трезвым и практическим складом ума, никогда не жаловалась всяких магов и прорицателей, не без оснований считая их мошенниками и шарлатанами. Тем не менее она внимательно прислушалась к докладу шефа тайной канцелярии о «чухонских пророчествах». Естественно, доклад был сугубо секретным.

*Казнь Емельяна Пугачева в Москве
10 января 1775 г. Литография. 1860-е гг.*

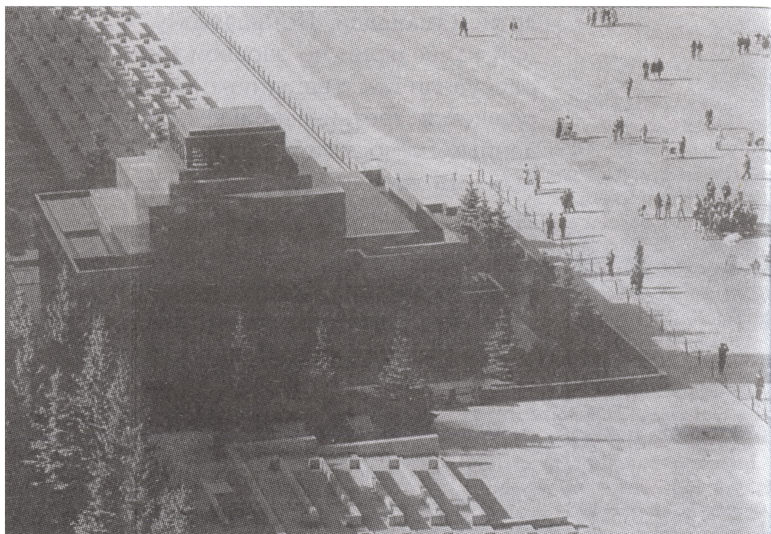
Некоторые исследователи считают: именно этим обстоятельством объясняется то, что самого страшного бунтовщика Емельяна Пугачева, поднявшего в 1773-1774 гг. на окраинах империи крестьянское восстание и объявившего себя царем Петром III, после поимки и пленения не повезли в Санкт-Петербург! Это важнейшего-то государственного преступника! Следствие в отношении него провели в Москве и по окончании дознания казнили там же, на Бо-

лотной площади. По-видимому, чины тайной канцелярии по здоров размышлении рассудили так: а вдруг паче чаяния Пугачев окажется третьим «вождем-царем», рожденным на востоке?! Пусть даже самозванным, но все же? Ведь это положение в предсказаниях не уточнялось!

А вот поднявших восстание на Сенатской площади декабристов суровый Николай I за вождей не посчитал, и поэтому бестрепетно повесили их и похоронили в окрестностях Северной Пальмиры. Позже власти предержащие столь же пренебрежительно относились к разного рода «бомбистам» и революционерам. Вообще же вплоть до падения династии Романовых в 1917 г. в Санкт-Петербурге так и не захоронили ни одного из вождей или рожденных «на востоке» царей. А все самодержцы рождались в новой столице. Так что третье пророчество не осуществилось.

Предосторожность безбожников

Как выяснилось в последнее время, когда открылись доступы ко многим ранее спрятанным в секретных архивах документам, о пророчествах чухонских старцев прекрасно знали и лидеры большевиков, взявшие власть в октябре 1917 г. Особенное внимание эти пророчества привлекали у руководителей «вооруженного отряда партии» — ВЧК-ГПУ-НКВД.

Мавзолей Ленина в Москве

Некоторые независимые эксперты-политологи, занимающиеся изучением национального вопроса в России, полагают, что Ленин, серьезно опасаясь катаклизма в Петрограде и создания пресловутого «Коотимаа» — «общего дома финнов», очень быстро согласился дать независимость Финляндии. О пророчествах ему сообщил Дзержинский. Тогда же было принято решение о создании «преторианской гвардии» большевиков — красных латышских стрелков — в противовес возможному объединению финноугорских народностей под флагом контрреволюции.

Судьба большинства из этих «преторианцев» оказалась незавидной: их уничто-

жили свои же товарищи и, возможно, роковую роль в этом сыграли все те же древние предсказания.

Кстати, вскоре после предоставления независимости Финляндии большевики дали независимость Эстонии и Карелии. Вполне возможно, что и тут сыграли свою роль пророчества чухонских старцев. Иначе в той обстановке этот непонятный политический шаг больше походил на филантропию, которая была чужда большевистскому руководству, чем на стремление к «мировой революции», как это пытались трактовать официальные историки.

Самое любопытное, что не исключено влияние предсказаний чухонских волхвов на принятие решения о построении мавзолея В. И. Ульянова-Ленина в Москве на Красной площади и бальзамировании тела «вождя мирового пролетариата». Ведь Владимир Ильич вполне мог стать третьим «вождем-царем», рожденным на востоке и захороненным в Санкт-Петербурге, пусть даже и переименованном в Ленинград.

Известно, что вопросами национальной политики в СССР занимался лично товарищ Сталин, любовь которого к спецслужбам прекрасно знали все соратники. Постоянно учитывавший личные интересы в борьбе за безраздельную власть, «отец народов» согласился предоставить автономии народам Коми, Чувашии, Мордовии, Мари и Удмуртии. В то же время, внимательно изучив предоставленные чекистами материалы, вождь дал распоря-

жение немедленно разыскать и ликвидировать еще возможно оставшихся всех тайных и явных чухонских старцев. Его приказание выполнили быстро и четко, «для верности» ликвидировав и пару-тройку сотен подозреваемых. Так было окончательно покончено с волхвами.

Что будет дальше, сказать трудно, а гадать — занятие неблагодарное. Сбудутся ли когда-нибудь предсказания обезглавленных Петром I чухонских старцев? Как знать...

Чудеса блаженной Ксении

В последний раз, как утверждает молва, ее недавно видели в Чечне, в одном из воинских подразделений, противостоящих басаевским бандитам. Она пришла сюда пешком, с ветхим рюкзачком за плечами — захватила с собой нехитрые лакомства для сына и его товарищей, которым выпала доля нести службу в здешних горах...

— Кто вы? К кому? — остановил ее часовой.

— Кто я? — переспросила она и задумалась...

В поисках ответа надо было заглянуть в век XVIII, что и сделал писатель Н. Синдаловский, работая над книгой «Санкт-Петербург. История в преданиях и легендах» (изд. «Норинт»). В те времена вся Северная столица говорила о подвижнице с Петербургской стороны — Ксении, прозванной в народе Петербургской, или Блаженной. Она стала героиней многочисленных преданий, ее причислили к лику святых. Она как бы официально стала небесной покровительницей народа, а когда умерла, ее смерть,

Ксения Петербургская (прижизненный рисунок)

случившаяся более двухсот лет назад, игнорировалась петербургским обывателем. О Ксении Блаженной складывались и передавались из уст в уста легенды как о современнице. Так было в XIX в. Так было в XX. Это продолжается и в наши дни.

Тогда в одной из небогатых улиц Петербургской стороны, рассказывает одна из первых легенд о юродивой Ксении, жила счастливая пара: придворный певчий Андрей Петров и жена его Аксинья Ивановна. Так любили друг друга, что «и вообразить невозможно». Но муж неожиданно умер, оставив неутешную 26-летнюю вдову. И тут что-то случилось с Аксиньей Ивановной, будто бы «съехала с ума с пе-

чали». По преданию, Акси́нья будто бы не смогла перенести того, что ее муж скончался скоропостижно, а значит, не успел по православному обычаю исповедоваться и причаститься. И чтобы исправить эту несправедливость и избавить любимого человека от вечных мук, она решила отказаться от самое себя. Она убедила себя, что не Акси́нья она, а Андрей Петрович, что это Акси́нья умерла, а он только обратился в нее, а «в существе остался Андреем Петровичем». На свое прежнее имя она не откликалась, ходила в мужском платье, и только когда ей говорили: «Андрей Петрович», она отвечала: «Ась?»

Народ со всего Петербургского острова сходиллся смотреть на нее. И улицу прозвали улицей Андрея Петровича. В середине XIX в. эта улица называлась Петровской, а затем ее переименовали в Лахтинскую.

На вопрос одной благожелательницы и покровительницы, как же она теперь будет жить без мужа, Ксения, по преданию, ответила: «Ну какое вам дело до усопшей Акси́ньи, которая мирно покоится на кладбище. Ведь я похоронил свою Ксеньюшку, и мне теперь больше ничего не нужно. Дом я передаю тебе, Прасковья, только ты даром бедных жить пускай. Вещи сегодня раздам, а деньги на церковь снесу, пусть молятся об упокоении души рабы Божьей Ксении». С тех пор никто не знал, где жила Ксения, чем питалась и где скрывалась от дождя и стужи.

Той же Прасковье, которой она отдала свой дом, Ксения велела однажды идти на Смоленское кладбище, сказав, что там найдет она себе сына. Не дойдя до кладбища, Прасковья увидела толпу вокруг сбитой извозчиком женщины. Женщина была мертва. Рядом рыдал осиротевший ребенок. Прасковья взяла ребенка, приютила его «и воспитала в христианском духе». Говорят, много лет спустя именно он стал старостой того храма, который якобы помогла строить Ксения Блаженная. Могила этого легендарного старосты Ивана Ивановича Антонова находится и сейчас на семейном участке Антоновых на Смоленском кладбище. На ней установлен мраморный памятник в виде плакальщицы с урной.

По преданию, Ксения пользовалась особенным уважением у петербургских извозчиков. Завидев ее где-нибудь на улице, они наперебой предлагали ей свои услуги. Считалось, если кому-то удастся хоть немного провезти Ксению, то ему непременно будет сопутствовать счастье.

Такая же примета была и у торговцев Сытного рынка. Весь день будет удачная торговля, если Ксения Блаженная возьмет у них с лотка или прилавка хоть какой-нибудь товар.

В городе рассказывали, как однажды, встретив свою знакомую, Ксения подала ей медный пятак со словами: «Возьми, возьми пятак. Тут царь на коне. Пожар потухнет». Ничего не понявшая знакомая,

расставшись с Ксенией, пошла домой, но едва дошла до своей улицы, увидела, что дом ее горит. Она бросилась к нему, но не успела добежать, как пожар был потушен.

Придя к другой знакомой и увидев, что та пьет кофе со своей дочерью, уже невестой, Ксения будто бы обратилась к девице: «Вот ты кофе распиваешь, а твой муж на Охте жену хоронит». Ни мать, ни дочь не могли понять этих загадочных слов, но на Охту все же пошли. По пути встретили процессию, провожавшую на кладбище какую-то покойницу. Спустя некоторое время, рассказывает легенда, вдовец стал мужем той девицы.

В то время на Смоленском кладбище шло строительство новой каменной церкви. Стены поднялись уже высоко, и каменщики, прежде чем вести кладку, заготавливали кирпичи на лесах. Тогда-то, рассказывает одно предание, и надумала Ксения помочь строителям. По ночам будто бы носила она кирпичи и складывала на лесах. Поутру мастеровые не могли понять, откуда берутся кирпичи. Наконец решили они выследить своего таинственного помощника. Вот тогда-то и стало известно всей округе, что этот неженский труд взяла на себя Блаженная Ксения.

Смерть императрицы Елизаветы Петровны, которая, как известно, наступила в день Рождества Христова, согласно старинному преданию, также предсказала Ксения. Накануне кончины государыни она ходила по городу и повторяла: «Пеки-

те блины, вся Россия будет печь блины!» Петербуржцы мало обращали внимания на это, т. к. обычай печь блины на Рождество, как и вообще на всякий день рождения, был широко известен и повсеместно чтим. И только на следующий день потрясенным смертью императрицы горожанам стало понятно необычное предсказание юродивой. Дело в том, что старинный обычай печь блины распространяется также и на дни кончин.

Доподлинно не известно, когда умерла Ксения Блаженная. По одним источникам, это случилось в 1777 г., по другим — в 1803-м. Похоронили ее на Смоленском кладбище. В скором времени после погребения посетители разобрали по домам всю могильную насыпь. Была сделана другая насыпь, и на нее положена каменная плита. Но и плиту вскоре разломали и растаскали местные жители. Это повторялось не один раз. Ломая камень и забирая землю, посетители взамен оставляли деньги. На собранные таким образом пожертвования над могилой Ксении поставили памятник в виде часовни. На могиле надпись: «Кто меня знал, да помянет мою душу для спасения своей души». По преданию, эти слова тоже принадлежат Ксении.

Существует и другая, ленинградская легенда о Ксении Петербургской. Будто бы в августе 1940 г. одна вдова пошла на Смоленское кладбище навестить могилку мужа. Вдруг видит, как навстречу ей прямо по воздуху женщина идет. То, утверж-

*Блаженная
Ксения*

дает легенда, была святая Ксения Блаженная. И говорит ей Ксения: «Не по мужу плачь. Готовь себе смертное к осени, к наводнению великому. Вода до купола на Исаакии дойдет, семь дней стоять будет!»

А совсем недавно, уже в наше время, в печати было опубликовано письмо одной женщины: «Мой родной брат живет в Белоруссии, — пишет она, — на днях там по телевидению показали сюжет о Ксении Блаженной. Брат увидел эту передачу и страшно обрадовался, что наконец может поблагодарить ту, что спасла его в годы войны. Он был совсем молодым солдатом, освобождал Прагу, отстреливаясь в паре с бывалым солдатом в подвале одного из домов. И вдруг откуда ни возьмись около них оказалась женщина в платке и по-русски сказала, что они немедленно должны уйти (указала куда), ибо сюда попадет снаряд и они погибнут. Оба солдата опешили и удивленно спросили: „Кто ты?“ — „Я Ксения Блаженная, пришла спасти вас“, — последовал ответ. После этих слов она исчезла. Солдаты спаслись. Но очень долго не знал молодой воин, кто такая Ксения, искал ее, и вот через сорок пять лет — такое чудо! После передачи он срочно позвонил в наш город своей сестре, чтобы та немедленно поехала в часовню — поблагодарить».

Появилась Ксения Блаженная и совсем недавно в воюющей Чечне. Будто бы однажды на удаленном посту в Чеченской республике командир вызвал молодого

солдата и сказал, что к нему приехала мать. Солдат вышел навстречу матери, и она предложила ему пойти в поле, подальше от поста. Отсутствовали они около двух часов, а когда вернулись, увидели, что все солдаты на посту перебиты чеченцами. Чудесным образом в живых остался только он один. Мать уехала, а еще через некоторое время солдат демобилизовался и вернулся домой. Каково же было его удивление, когда из разговоров с матерью он узнал, что та никогда в Чечне не была и сына своего не видела со дня его призыва в армию. Только в тот день, вспомнила изумленная мать, она долго молилась перед иконой Ксении Блаженной, прося ее прийти на помощь сыну. Вот так, согласно легенде, Ксения в образе матери и пришла на помощь солдату.

Несмотря на воинствующий атеизм советской власти, несмотря на явные и тайные запреты, к Блаженной Ксении на Смоленское кладбище ходили верующие и неверующие, отцы, жены, сестры — кто помолиться и попросить заступничества за родных, узников режима, кто поблагодарить за оказанную помощь.

Особым почитанием пользовалась знаменитая часовня Ксении Блаженной на Смоленском кладбище у студенток Ленинградского университета. Одно время вокруг часовни стоял строительный забор. На него постоянно наклеивали записки к Ксении с просьбой помочь при сдаче экзаменов. Кусочки дерева, отщепленные от

*Блаженная
Ксения
Петербургская*

досок и унесенные домой, согласно давнему устойчивому поверью, способствуют удачному зачатию и благополучным родам.

В 1957 г. городские власти решили построить в часовне сапожную мастерскую. Могилу Ксении замуровали и над ней построили постамент. На этом постаменте и работали мастера. Но работали «словно на трясине». Все валялось из рук, ни одного гвоздика не удалось вбить как следует.

Тогда решили в часовне наладить изготовление широко распространенной в то время парковой скульптуры вроде «Женщины с винтовкой» или «Девушки с веслом». Но и из этого ничего не вышло. Каждое утро мастера находили в запертой с вечера часовне одни осколки вместо готовых скульптур. Пришлось отказаться и от этой нелепой затеи.

И это не единственный пример наказанного кощунства. Рассказывают, как один молодой сторож Смоленского кладбища, изрядно выпив с друзьями, поспорил, что «переспит с Ксенией Блаженной». И отправился-таки ночевать в часовню на ее могиле. Наутро, проснувшись, он обнаружил сначала на своей одежде, а затем и на всем теле следы подозрительной плесени. Причем особенно заметными они были на участках, которые вплотную прилегали к могильной плите. Еще через несколько дней молодой человек понял, что его здоровье, еще совсем недавно не вызывавшее опасений, становится все более слабым и непредсказуе-

мым. Как рассказывается в легенде, проявление этой непонятной болезни были похоже на симптомы так называемого «проклятия фараонов» — болезни, сопутствующей всем, кто хоть однажды побывал внутри египетских пирамид и присутствовал при вскрытии древних саркофагов. Спасли будто бы юношу с огромным трудом, после того как он обратился в один из военных институтов.

Говорят, будто Ксения Петербургская и сейчас бродит по России — старая, похожая на обычную пенсионерку с палочкой, бедная женщина. Говорят, как и прежде, она многим помогает. Петербуржцы уверены, что и сейчас она покровительствует городу и защитит его, если беда все-таки нагрянет. «Иной раз она является доброму человеку и подает полезный совет, в другой — предстанет перед человеком дурным и стыдит его, а порой просто сидит где-нибудь одиноко на скамеечке в садике и о чем-то плачет...»

Синдром Кассандры, или Земной круг монаха Авеля

Кто не слышал о красавице Кассандре — дочери последнего царя Трои Приама и царицы Гекубы? Пленный ее красотой, стреловержец, блюститель космической и человеческой гармонии, бог Аполлон, добиваясь взаимности, одарил Кассандру редкостным даром предвидения. Но отвергла красавица его притязания. Взбешенный отказом бог сделал так, что ее пророчествам никто не стал верить. Много потеряли люди из-за того, что пренебрегли пророчествами Кассандры. Так, троянцы, в частности, не вняли ее предостережениям о похищении Елены Прекрасной Парисом, и это привело к Троянской войне. После взятия Трои Кассандра попала в плен к Агамемнону и погибла вместе с ним от руки его ревливой супруги Клитемнестры. Прорицания Кассандры — в переносном смысле — предсказания, вызывающие недоверие окружающих.

Но история, как говорится, повторяется. И снова столь же таинственны источник и обстоятельства получения порази-

тельного дара предвидения, обретенного героем этого повествования, постоянно обострявшего его взаимоотношения с властями предержащими, бросавшего его в тюрьмы и ссылки, в конечном счете погрузившего даже имя его в странную, почти непроницаемую тьму.

Многие годы его жизни прошли в тени монастырских келий и скитов, хуже того — крепостных и тюремных стен, сырости камер, куда и солнце-то лишено было права заглядывать.

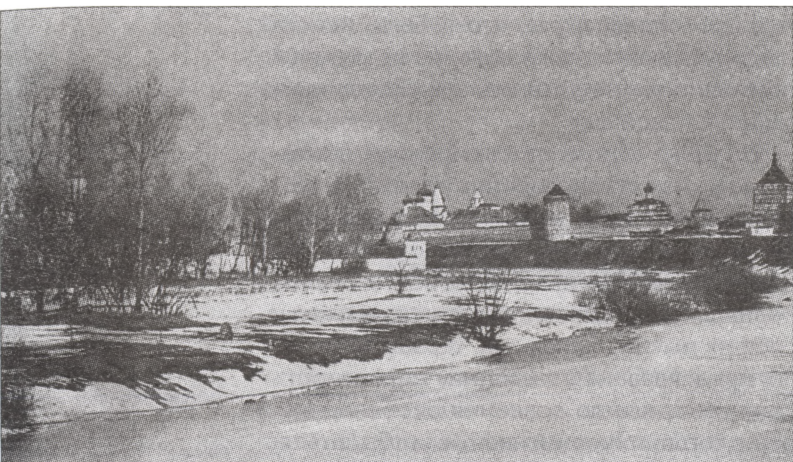
Сознательно нарушу традиционную очередность повествования о делах и жизни героя моего. Более ста пятидесяти лет тому назад, морозным метелистым февральским утром 1841 г., приняла в свое стылое лоно его прах российская земля. Она не была ему пухом. Комья промерзшей земли барабанили по крышке гроба, когда по традиции каждый присутствующий бросал горсть земли в отверстую пасть могилы.

Вряд ли в тот день на монастырском погосте, где состоялось погребение, собралось много народу. Обстановка была, мягко говоря, не та, поскольку... хоронили заключенного.

Хоронили монаха Авеля, умершего на восемьдесят четвертом году жизни в стенах странной обители — суздальского Спасо-Ефимьевского монастыря, что и поныне стоит на берегу реки Каменки — с XVI в.

Мрачная слава этой обители сейчас мало кому известна. А между тем эти темные

Спасо-Евфимиев Суздальский монастырь

сырые кельи, замшелые, высоченные, под стать кремлевским, стены, денно и нощно охраняемые солдатами, отдававшими честь коменданту — настоятелю этой обители, недвусмысленно говорили о том пристальном внимании, которое уделялось особам, сподобившимся удостоиться царского внимания.

Темница эта, как показало время, была крепче Бастилии, коли дожила до наших дней.

В этих стенах опальный монах провел последние годы жизни. Из Указа Святейшего синода от 28 августа 1826 г. мы узнаем, что по Высочайшему повелению Императора Николая Павловича монаха Авеля приказано было изловить и... «заточить для смирения в суздальском Спасо-Ефи-

мьевском монастыре», что и было исполнено чуть позже, хотя дата его вселения в обитель пока не установлена. Здесь он и закончил свои дни.

Но даже сквозь стены мрачной обители, даже из могилы тюремно-монастырского погоста Авель, даром своим, делами и писаниями своими, воздействовал на жизнь людей, его никогда не встречавших, родившихся после его смерти, привлекал к себе их мысли, лишая сна, терзая дух и тело предсказаниями своими, серьезность коих доходила до сознания особенно хорошо тогда, когда они начинали сбываться.

А так с предсказаниями монаха Авеля было всегда.

Есть все основания полагать, что и через 77 лет после смерти Авеля, т. е. в середине 1918г., пребывая в стенах Ипатьевского особняка в Екатеринбурге, последний из императоров российских Николай II и его супруга Александра Федоровна не раз и не два не без основания вспоминали монаха Авеля.

Я далек от мистики. Она чужда мне. Все гораздо проще. Жизнь таровата на такое, что даже и в кошмарном сне не всегда присниться может. Я и не думал никогда, что буду жадно искать бумаги, документы, публикации, воспоминания, высказывания, даже слова и фразы, тем или иным образом относящиеся к монаху Авелю, его жизни, делам, предсказаниям. А вот поди ж ты! Ищу... Тоже не сплю ночами, думая о нем, правдолюбце, патриоте, соотечест-

веннике, умнице. Это был сильный, достойный, честный и мужественный человек, готовый на смерть за свои идеи и убеждения.

Да будет ему земля пухом!

Кем же он был, прорицатель Авель?

Приступая к публикации в XIX в. материалов о монахе Авеле, известный русский историк, журналист и общественный деятель, издатель и первый редактор специального журнала «Русская старина» Михаил Иванович Семевский пишет:

«Мы имеем возможность ответить на этот вопрос, т. к. располагаем документами, относящимися к личности Авеля. Документы эти следующие:

1) Две тетрадки, в малую 8-ю долю, написанные по-славянски: на первой странице этих «книжек» изображены разные кружки, литеры славянской азбуки и точки треугольником, среди которых написано: «печать Господа Бога и Христа Его». В этих тетрадках содержится: а) «Житие и страдание отца и монаха Авеля»; б) «Жизнь и житие отца нашего Дадамия»; в) «Бытие книга первая». В одной из этих тетрадок, на 26 страницах, находятся разные символические круги, фигуры с буквами славянской азбуки и счета, при них находится краткое толкование.

2) Тетрадка (в 16-ю долю) в двух экземплярах, озаглавленная: «Церковныя потребы монаха Авеля»; в ней сокращенно изложена «Книга бытия», помещенная в двух первых тетрадках.

3) 12 писем Авеля к графине Прасковье Андреевне Потемкиной, написанные то по-славянски, то обыкновенным почерком; все письма относятся к 1815-1816 гг.

4) Письмо Авеля к В. Ф. Ковалеву, управляющему фабрикой П. А. Потемкина в Глушкове (1816 г.).

Всем этим материалом мы нашли удобным воспользоваться таким образом, что сначала помещаем жизнеописание Авеля в подлиннике, с изменением только самых крупных орфографических неправильностей и с пропуском некоторых мистических измышлений; затем обращаем внимание на статьи Авеля, заключающиеся в упомянутых тетрадках, наконец, говорим о письмах его. Из последних документов мы выписываем лишь наиболее характерные места.

Ред.»

Однако не богат перечень документов, которыми располагал в ту пору М. И. Семевский. Да и содержащаяся в публикации информация дана в форме выдержек, размер и тематика которых определялись как издателем журнала Семевским, так и мнением цензора, с которым ему приходилось считаться.

Что касается оригиналов перечисленных выше документов, то, несмотря на довольно энергичные их поиски, мною пред-

принятые, обнаружить их пока не удалось, хотя интересующие меня документы должны были осесть в Ленинграде, ибо именно здесь издавался Семейским журнал «Русская старина».

Приступим к ознакомлению с имеющимися материалами.

Итак, биография нашего героя.

«Житие и страдание отца и монаха Авеля» (биография, пересказ)

Торжественно и чинно, в духе времени, названный документ начинается следующими словами: «Сей отец Авель родился в северных странах, в Московских пределах, в Тульской губернии, Алексенской округи, Соломенской волости, деревня Акулово, приход церкви Ильи пророк. Рождение сего монаха Авеля в лето от Адама семь тысяч и двести и в пять годов, а от Бога Слова тысяча и семьсот пятьдесят и семь годов... рождение... месяца марта в самое равноденствие, и дано ему имя, якоже и всем человеком, Василий...

Жизни отцу Авелю от Бога положено восемьдесят и три года и четыре месяца...

Родители его были земледельцы, а другое у них художество коновальская работа; научили тому ж своего отрока... Он же о сем мало внимаша, а больше у него было внимания о божестве и о божественной судьбе».

*Валаамский Спасо-Преображенский
монастырь*

И было ему девятнадцать лет, когда он отправился странствовать в «южные и западные, а потом и восточные страны», и ходил он так девять годов.

Наконец, придя в самую северную страну, вселился он в Валаамский монастырь, удаленный от мира на острове Ладожского озера. В нем в то время игуменом был благочестивый и разумный Назарий. Он принял Авея в свой монастырь «как должно со всякою любовью, дал ему келью и послушание и вся потребныя: потом же приказал ходить вкупе с братиею в церковь и в трапезу, и во все нужные послушания».

Отец Авель прожил в монастыре только один год, присматриваясь и вникая в жизнь монастырскую.

Позже отец Авель взял от игумена благословение и «отыде в пустыню; которая пустыня на том же острове недалеко от монастыря; и вселился в той пустыне один и со единым» (здесь «пустыня» или «пустынь» — одинокое жилье, так сказать «нештатный монастырь», уединенная келья).

И начал отец Авель в той пустыни предлагать труды к трудам и подвиги к подвигам. И «явился от того ему многие скорби и великия тягости душевныя и телесныя. Попусти Господь Бог на него искусы великие и превеликие, и едва в меру ему понести», послав на него темных духов и много других искушений. Авель же, изнемогая от различных искушений, обратился к Богу: «Господи помилуй и не вводи меня во искушение выше силы моея!»

Позже стал Авель видеть темных духов и с ними говорить, вопрошая: кто их послал к нему? Они же отвечали: «Нас послал к тебе тот, кто и тебя на сие место послал!» В результате Авель проявил характер и, одержав над ними победу, посрамил духов!

Обретение пророческого дара

Авель, как сказано было выше, проявил характер и победил в битве «темных духов».

Далее говорится: «Господь же видя раба своего таковую брань (т. е. битву) творяща с бесплотными духами и рече к нему, сказывая ему тайныя и безвестныя, и что будет ему и что будет всему миру и прочая таковая».

И вот тут-то начинаются в жизни Авеля странные проявления, описания которых, к сожалению, вычеркнуты из текста Жития в публикации 1875 г. цензурой и заменены отточиями!

Ниже приводятся цитаты в том виде, в каком они вышли из-под рук цензуры и дошли до нас в журнале «Русская старина» в 1875 г.

«По семуж взяли отца Авеля два духа... (Далее в скобках внутри текста примечание редактора: «Далее составитель жития Авеля рассказывает, как он от высших сил получил великий дар прорицания судеб будущего... (отточие цензуры), и рекоша ему: «буди ты новый Адам и древний отец Дадамей, и напиши яже видел еси; и скажи яже видел еси. Но не всем скажи и не всем напиши, а токмо избранным моим, и токмо святым моим; тем напиши, которые могут вместить наши словеса и наша наказания».

И далее: «Придя в себя, Авель «начаша с того времени писать и сказывать, что вместно человеку... (опять цензурное отточие) и случись ему дивное видение: дивное видение и предивное одному в пустыни в лето от Адама 7295 (т. е. 1787 г.) месяца ноября по солнечным в первое число с полунощи и продолжалось как не

меньше тридесяти (т. е. тридцати!) часов. С того убо время начал писать и сказывать, что кому внятно. И велено ему выйти из пустыни в монастырь. И пришел он в монастырь того же года, месяца февраля в первое число вшел в церковь Успения Пресвятые Богородицы. И стал посреди церкви весь исполнен умиления и радости, взирая на красоту церковную и на образ Божией Матери... (снова цензурное отточие) внидя во внутренняя его; и соединился с ним, якобы един... (цензурное отточие) человек. И нача внем и им делать и действовать, якобы природным своим естеством; и дотоле действоваша в нем, дондеже (дондеже — доколе, пока, куда) и вселися в сосуд, который на то уготован еще издревле. И от того время отец Авель стал вся познавать и вся разумевать: наставляя его и вразумая всей мудрости и премудрости. По семуж о. Авель вышел из Валаамского монастыря, тако ему велено действом... (название овладевшего Авелем везде пропущено цензурой. — Примечание редактора в издании 1875 г.) сказывать и проповедовать тайны Божии и судьбы его».

Из сказанного можно понять, пожалуй, лишь то, что в результате странных обстоятельств, некоторые из которых продолжались более суток, Авель ощутил в себе какой-то порыв, мощную, побуждающую его к различным действиям эмоцию (в постижении сути которой нам сильно вредит вмешательство цензуры XIX в.).

Екатерина II на прогулке Царскосельском парке. Худ. В. Боровиковский

Именно наиболее информативные куски вычеркнуты, реставрация их в значительной мере затруднена. Однако попытаемся все ж.

История, как говорят, повторяется. Носители пророческого дара встречались до

Авея, были и после него, появляются и поныне. И обстоятельства рождения или выявления этой способности в известных от древности до наших дней описаниях весьма сходны. Так, полулегендарный мудрец, прорицатель и поэт Древней Греции критянин Эпименид пас овец и... задремал в пещере, проспав 57 (по другим данным — 40) лет. Проснувшись, он получил дар прорицания. К тому же пещера в мифологии — сакральное убежище, укрытие, куда уходят от мира и где обретают мудрость, как место рождения и смерти.

Фиванский мифологический прорицатель Тиресий, будучи юношей, случайно увидел обнаженную купающуюся Афину, за что был ослеплен оскорбленной богиней, возместившей ему утрату зрения даром прорицания. Интересно, что в мифах и фольклоре, как и в жизни, случаются различные стрессовые ситуации: болезни, эмоциональные потрясения, механическое или физическое воздействие, нередко электротравмы — все это служит каким-то спусковым механизмом рождения или проявления той или иной паранормальной способности.

Этого не избежал и Авея. И его дар появился после перенесенного им в Херсоне тяжелого заболевания, а затем сопровождался или инициировался воздействием неких двух странных существ, кои принимали участие в обретении этого дара.

К тому же в названной выше статье из журнала «Русская старина» удалось найти

в запротоколированных показаниях Авеля довольно подробные описания имевших в разное время явлений и голосов, с некоторых пор ставших постоянными спутниками монаха, позволяющих ему давать безукоризненные прогнозы.

В марте 1796 г. на допросе в Тайной экспедиции на вопрос: «Когда впервые слышал он „Глас“?», Абель ответил: «Когда он был в пустыни Валаамской, во едино время был ему из воздуха глас, яко боговидцу Моисею пророку и якобы изречено ему тако: иди и скажи северной царице Екатерине Алексеевне всю правду, еже аз тебе заповедаю...»

А отвечая на вопрос: «Когда ты сей глас слышал? В какое время? И что ты сам помышлял и что тебе кто советовал и какое ты на то полагал намерение?», Абель ответил: «Сей глас слышан им был в 1778 г. в марте месяце. Он при слышании сего весьма усомнился и поведал о том строителю (т. е. игумену монастыря) и некоторым благоразумным братьям...»

Интересно, что он пытался осмыслить происходящее, выяснить мнение людей, которых считал благоразумными, не действовал слепо.

Итак, Абель, по его утверждениям, «был вознесен на небо», где и увидел некие две книги, содержание которых впоследствии лишь пересказывал в своих писаниях. И кроме того, начиная с марта 1787 г. он слышал некий директивный, суфлирующий, указующий «глас», пове-

левавший ему сделать или сказать тому-то то-то или поступить так-то, что он послушно и тщательно, несмотря на массу личных трудностей и неприятностей для себя, неукоснительно выполнял многие десятилетия.

К этому замечу, что Жанна д'Арк, например, слышала руководящие ее действиями и высказываниями голоса, как она считала — святых, и, надо сказать, не без успеха пользовалась ими, освободив, например, Орлеан!

Важно отметить, что Авель получал как образную (визуальную), так и голосовую (словесную) информацию. Замечу, что оба этих способа известны буквально с библейских времен, что видно и из высказываний Авеля, ссылающегося на библейских персонажей, подобно которым, он был «вознесен», слышал или видел будущее.

Таким образом, монах сформировался как провидец, в силу обстоятельств получил поразительные способности и, побуждаемый извне (или изнутри?), начал пробовать свои силы на новом для него поприще. Его первые пробные шаги на этом тернистом пути отражены в Житии.

Первая «проба пера»

В Житии мы читаем:

В следующие девять лет Авель «обошел многия страны и грады» с проповедью

Слова Божия. Придя на Волгу, он вселился в монастырь Николая Чудотворца — Бабайки, что в Костромской епархии.

В то время настоятелем названного монастыря был Савва, а послушание Авелю в монастыре было «в церковь ходить и в трапезу, и в них петь и читать, а между тем писать и слагать и книги сочинять».

И написал АVELЬ в той обители «книгу мудрую и премудрую»... (снова цензурное отточие, закрывающее смысл писания). В ней же написано о царской фамилии. В то время на Руси правила Екатерина II, а упомянутая в Житии книга была первой из написанных Авелем «зело претрашних», по оценке современников, пророческих книг.

Так, в названной книге по меньшей мере за год до реализации зафиксированного в ней предсказания, сообщалось, в каком году, в каком месяцев, в какой день и час и какой смертью умрет царица. Повторяю, утверждают, что был указан даже час смерти!

Естественно, что такое писание было взрывоопасно и автор вряд ли мог рассчитывать на монаршую милость.

А простодушный АVELЬ имел неосторожность показать написанную им книгу монаху того же монастыря по имени Аркадий, который, в свою очередь, подсунул ее ни много ни мало — настоятелю обители!

Реакция отца-настоятеля, естественно, была скорой: он собрал братию и «сотвориша совет», на котором порешили ту книгу и автора ее — отца Авеля отправить от

Портрет Екатерины II. Худ. Ф. Рокотов

греха подальше — в духовную консисторию. Что и было, естественно, исполнено незамедлительно.

Собравшиеся же в консистории архимандрит, игумен, протопоп, благочинный и секретарь, получив книгу, спросили Авеля: он ли ту книгу писал и отчего и зачем? Естественно, что материалы расследования были отправлены по инстан-

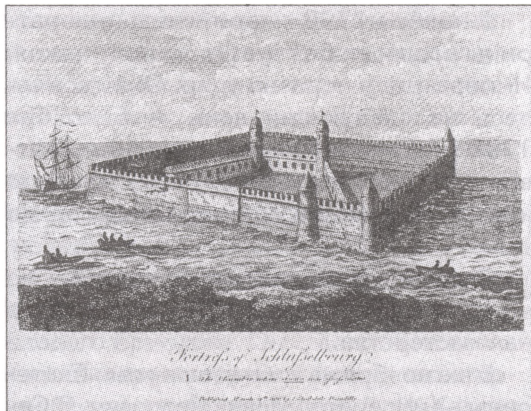
ции Костромскому архиерею — епископу Павлу. Павел ознакомился с книгой, встретился с ее автором, которого предупредил о крайней тяжести проступка, и повелел отправить книгу и ее автора в губернское правление — пусть там решают!

Церковные бюрократы ничем не отличаются от бюрократов светских. Никому не хочется брать ответственности на себя. А посему — Авель и его зловредная книга пошли по третьему или четвертому кругу.

И попал Авель, на всякий случай, «на отдых» в Костромской острог. Но дело на этом не кончилось. Заскрипела колесами бюрократическая машина, и Авель был отправлен на почтовых с караулом солдат в Сенат — в Санкт-Петербург.

Попав к главе Сената — генералу Самойлову, Авель не оробел. Но тут он впервые «ощутил силу власти». Самойлов, раскрыв присланную ему книгу, сразу же узрел в ней крамольную запись о том, что императрица Екатерина II вскорости лишится жизни. И что смерть ее будет скоростижная и тому подобное... Генерал с криком: «Како ты, злая глава, смела писать такие титулы (т. е. слова) на земного бога!» — троекратно ударил беднягу по лицу, при сем вопрошая: «Кто научил его такие секреты писать и зачем он стал такую книгу составлять?»

Стерпел Авель и смиренно ответил генералу, что-де «меня научил писать сию книгу Тот, Кто сотворил небо и землю, и

Вид Шлиссельбургской крепости. Худ. Ж. Кастер

вся иже в них. Тот же повелел мне и все секреты составлять.»

Самойлов воспринял поведение Авеля за юродство и приказал его посадить под секрет в тайную, а сам донес о происшедшем государыне.

Поинтересовалась императрица, кто же такой Апель есть и откуда? И приказала отправить его в Шлиссельбургскую крепость, где быть ему «до смерти живота своего», т. е. — пожизненно.

Это было первое столкновение Авеля с монаршей властью, беспощадной и нестерпимой, но, должен предупредить, не последнее.

А было то в феврале-марте 1796 г... И было по сему исполнено. Шло неумолимое время, истекали последние месяцы, затем недели, дни, наконец, последние часы жизни Екатерины.

5 ноября 1796 г. фрейлины императрицы нашли ее без чувств на полу покоя. Императрицу поразил удар. Она скончалась на следующий день — 6 ноября 1796 г., как утверждают, в полном соответствии с записью в «зело пристрашной книге», сделанной примерно за год до того.

Закончился первый виток спирали, по которой восходил монах Авель к вершинам мастерства.

6 же ноября на трон взошел сын Екатерины — император Павел Петрович. В Сенате место генерала Самойлова занял князь Александр Борисович Куракин. Отыскалась в секретных делах и «зело пристрашная книга» Авеля, которую князь Куракин самолично показал императору Павлу I.

Полагая возможным и некоторые преувеличения или неточности в Житии, рассмотрим дополнительные документы и свидетельства.

Так, случайным современником и свидетелем начала провидческой карьеры Авеля был известный военный и государственный деятель России времен Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I — генерал от инфантерии и артиллерии Алексей Петрович Ермолов (1777-1861), чья блестящая биография многим, вероятно, известна.

Этот глыбоподобный большерукий человек с львиной гривой волос на огромной голове представлял прелюбопытнейший

набор исключительных качеств, включающих честность и порядочность, позволяющих с доверием относиться к его заявлениям и словам.

Независимый и нестигаемый, Ермолов, соблюдая законы общества, как человек благородный и честный, не кривил душой и не лгал.

Свободолюбивые западные веяния в России конца XVIII столетия захватили молодого Ермолова. Он стал членом политического кружка, руководимого его старшим братом по линии матери А. М. Каховским.

Ермолов за связь с декабристами был отправлен в ссылку в Кострому.

Вы помните, вероятно, что волею судьбы Авель проживал в ту пору в монастыре Николая Чудотворца — Бабайки, что в Костромской епархии.

У Ермолова находим следующую запись: «В то время проживал в Костроме некто Авель, который был одарен способностью верно предсказывать будущее. Находясь однажды за столом у губернатора Думпа, Авель предсказал день и час кончины императрицы Екатерины с необычной верностью» (Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1863. Смесь. «Рассказы А. П. Ермолова»).

Вернемся к тексту Жития...

Вторая «проба пера»

Получив через князя А. Б. Куракина рукопись книги Авеля, Павел, видно, смекнул о возможной пользе человека с такими способностями и повелел отыскать автора. Нашли, сообщили императору, что-де сидит таковой в Шлиссельбурге, приговоренный к пожизненному заключению.

Павел повелел Куракину лично, на месте, в крепости, выяснить у арестантов, кто и за что заточен, и снять со всех желез. А монаха Авеля привезти в Петербург, к лицу самого императора. Так и было исполнено.

Император принял Авеля в своем покое, принял со страхом и радостью, попросил благословения себе и на дом свой.

Авель же ответил: «Благословен Господь Бог всегда и во веки веков!»

Император поинтересовался планами Авеля: спросил, чего бы он хотел от жизни. Авель смиренно отвечал: «Ваше Величество, всемилостивейший мой благодетель, от юности мое желание быть монахом, еще и служить Богу». Государь поговорил с Авелем о его нуждах, а в заключение спросил, как бы по секрету, что ему, императору, предстоит в будущем?

В опубликованном тексте Жития не общается, каков был ответ монаха. Однако говорится следующее: князю Куракину Павел повелел отвести Авеля в Невский монастырь (Алекسانдро-Невская лавра в Петербурге), дать ему келью и все потреб-

ное для нормальной монастырской жизни. Все это было предписано выполнить митрополиту Гавриилу через князя Куракина самим императором Павлом Петровичем.

Митрополит Гавриил облек Авеля в черное одеяние и по именному повелению самого государя повелел вкупе с остальной братией ходить в трапезную и на все нужные послушания.

Однако Амель и здесь проявил характер. Прожив в Невском монастыре только год, он перешел в любимый его сердцу Валаамский монастырь, где приступил к составлению и написанию новой, не менее страшной и важной, чем первая, книги! В этот раз он не ограничился робким ее показом лишь одному из монастырской братии, а отдал отцу Назарию, а тот, естественно, показал ее казначею и прочим, и после совета, так сказать, коллегиально, решено было отправить ту книгу не мешкая прямо в Петербург к митрополиту.

Снова пришла в движение бюрократическая машина, набирая ход, заскрипели ее колеса.

Митрополит, ознакомившись с написанным, счел за благо послать книгу в секретную палату. Начальник же той палаты Макаров доложил о книге управляющему Сенатом генералу, а тот, в свою очередь, доложил о происходящем императору Павлу. Государь же, как свидетельствует Житие, повелел забрать Авеля с Валаама и заключить его в Петропавловскую крепость...

Павел I. Худ. С. Шукин

Целесообразно сообщить о странностях Великого князя Павла Петровича, отмеченных его близкими с детских лет. Его неравная система была поразительно восприимчива и возбудима, воображение — исключительно. По замечанию его воспитателя Порошина, по крайней мере с десятилетнего возраста Павел воспринимал воображаемые им предметы как реально существующие. Он верил в сны и предсказания.

И легко представить тот мистический ореол, который окружал как пророчества

и жизнь Авеля и трагическую смерть Екатерины II, так и некоторые личные ощущения Павла, пережитые им в странной ситуации, описанной его достойными доверия современниками. Комплекс этих разновременных обстоятельств заставлял Павла на всех этапах его сознательной жизни обращать пристальное внимание на пророков и пророчества разного вида и мистику вообще. Не исключено, что и его вступление в масонскую ложу было, некоторым образом, предопределено.

Полезно также напомнить и о том, что, например, постройка Михайловского замка, резиденции, в которой Павел провел последние месяцы жизни, находилась в прямой связи с предзнаменованиями.

Но не будем нарушать хронологию.

Приведенный ниже рассказ Великого князя Павла Петровича (т. е. до его вступления на престол, когда еще он был наследником), о странном видении им прадеда — Петра Великого, дошел до наших дней в записях баронессы Беркирх, опубликованных в журнале П. И. Бартенева «Русский архив» за 1869 г., и излагается ниже в сокращенном пересказе, поскольку оригинал весьма громоздок.

Итак.

В 1782 г. Павел с молодой супругой своей Марией Федоровной путешествовал за границей.

«10 июня 1728 г. за ужином зашел разговор о чудесных явлениях.

Принц Де Линь, обратился к Павлу:

— А что же вы, ваше высочество? Разве в России нет чудесного?

Великий князь поднял голову.

— Куракин знает, что и мне было бы что рассказать. Но есть воспоминания, которые я гоню из памяти. — Великий князь посмотрел на Куракина.

— Не правда ли, Куракин, что и со мной было кое-что странное?

— Столь странное, ваше высочество, что, право же, при всем моем к вам доверии, я могу приписать происшедшее порыву вашего воображения.

— Нет, это правда, сущая правда. И если Оберкирх даст слово не говорить об этом моей жене, то я расскажу вам, в чем было дело.

Мы все, пишет Оберкирх, дали это обещание, и я его сдержала. Эти мемуары будут опубликованы лишь тогда, когда наше поколение уйдет со сцены. Передаю этот рассказ, как слышала его от Великого князя.

«Как-то поздним вечером, скорее — ночью, я в сопровождении Куракина и двух слуг шел по петербургским улицам, после вечера, проведенного во дворце. Светила луна, весенняя ночь была довольно теплой.

Разговор имел шуточный характер.

Впереди меня шел слуга, затем Куракин, позади которого шел второй слуга. Куракин шел в нескольких шагах позади меня. Свет луны был ярок. При повороте в одну из улиц я увидел в глубине подъезда

Князь А. Б. Куракин. Худ. В. Боровиковский

высокую худую фигуру, завернутую в плащ, в военной, надвинутой на глаза шляпе. Человек будто ждал кого-то. Когда я миновал его, он вышел и пошел около меня с левой стороны. Громкие его шаги я запомнил навсегда — он шел как статуя. Я почувствовал ледяный холод в левом боку, идущий от незнакомца. Обратившись к Куракину, я сказал:

— Судьба послала нам странного спутника.

— Какого спутника? — спросил Куракин.

— Господина, идущего слева, шаги которого слышны на всю улицу!

Куракин в изумлении заметил, что слева от меня нет никого.

— Как? Ты не видишь этого человека между мной и стеной?

— Ваше высочество! Вы идете почти вплотную к стене!

Я протянул руку и... ощутил камень стены... И все же незнакомец был здесь, шел шаг в шаг со мной, и звук его шагов разносился по всей улице... Я посмотрел на незнакомца и увидел его гипнотизирующий взгляд.

Я дрожал не от страха, но от холода. Вдруг из-под плаща, закрывавшего рот таинственного спутника моего, раздался глубокий и грустный голос:

— Павел!

— Что вам нужно? — Механически ответил я.

— Павле! — повторил сочувственно голос. Незнакомец остановился. Остановился и я...

— Павел! Бедный Павел! Бедный князь!

— Слышишь? — спросил я Куракина.

— Решительно ничего не слышу, — ответил он.

В моих же ушах этот голос звучит и сегодня. Я, сделав над собой усилие, спросил незнакомца, кто он и что ему нужно?

— Кто я? Бедный Павел! Я тот, кто принимает участие в твоей судьбе и кто хочет, чтобы ты не особенно привязывался к этому миру, потому что ты долго не останешься в нем. Живи по законам справедливости, и конец твой будет спокоен. Бойся укора совести: для благородной души нет большего наказания.

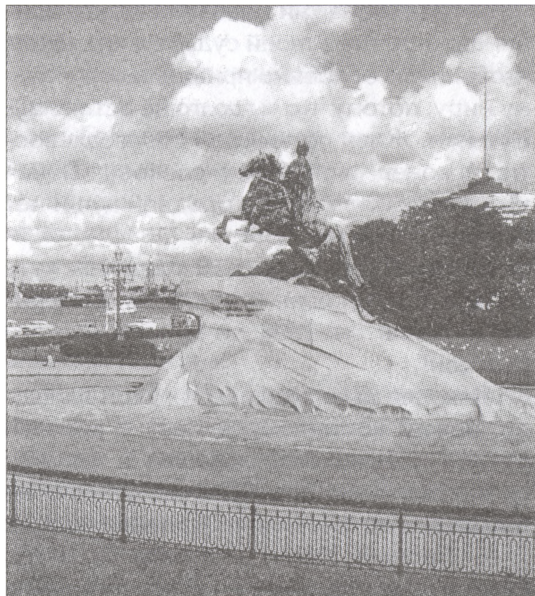
Он двинулся вперед. Я следовал чуть позади. Где мы шли — я не знал. Смотрите, Куракин смеется, он думает, что это был сон!

Наконец мы пришли к большой площади, между мостом через Неву и зданием Сената. Незнакомец подошел к одному, словно заранее им отмеченному месту на площади и остановился. Остановился и я.

— Прощай, Павел! — сказал он. — Ты еще увидишь меня здесь! При этом шляпа его приподнялась; и глазам предстал мой прадед — Петр Великий. Когда я пришел в себя, его уже не было.

На этом самом месте императрица возводит монумент, который скоро будет удивлением всей Европы. Эта конная статуя, представляющая царя Петра, помещенная на скале. Не я советовал матери избрать это место, выбранное или угаданное призраком! И я не знаю, как описать чувство, охватившее меня, когда я впервые увидел эту статую».

Настало время доложить читателю еще об одной любопытной странности, в определенной мере повлиявшей на жизнь Павла.

*Памятник Петру I, установленный
Екатериной II. Скульптор Фальконе*

В начале января 1798 г., когда вышеупомянутая императрица Мария Федоровна готовилась стать матерью десятого младенца, а императору Павлу представлялась в его тогдашней резиденции — Зимнем дворце депутация петербургских старообрядцев, благодаривших царя за оказываемую им поддержку, купец Малахов преподнес императору древнюю икону в драгоценной закованной ризе.

Эта икона сподобилась быть поставлена в кабинете царя, и пред нею затеплена была лампадка.

Опечаленный состоянием супруги, Павел в сумерках вошел в кабинет и сел в кресло, глубоко задумавшись. Тихий шорох побудил его обернуться. У дверей стоял старик в монашеской рясе с красивым, изборожденным морщинами лицом. Как он попал в кабинет государя — Павел никогда никого не спрашивал.

— Что скажешь, сударь? — обратился император к незнакомцу.

— Супруга твоя, — ответил вошедший, — одарит тебя сыном Михаилом. Этим же именем святого ты наречешь дворец, который строишь на месте своего рождения. Помни мои слова!

«ДОМУ ТВОЕМУ ПОДОБАЕТЬ СВЯТЫНЯ ГОСПОДНЯ ВЪ ДОЛГОТУ ДНЕЙ».

Засим, таинственный гость исчез за дверью, как показалось государю.

28 января императрица разрешилась от бремени сыном, по воле Павла нареченным Михаилом.

Именно в то время, когда грохот пушек с бастиона Петропавловской крепости возвестил подданным о приращении царской семьи, любимец государя, граф Кутайсов, доложил, что дежурный по внутренней страже дворца офицер желает сообщить государю нечто важное по секрету.

Поначалу Павел встревожился: при всяком внезапном к нему обращении он ощущал какое-то неприятное чувство. Но нашел в себе силы и произнес: «Пошли его сюда!»

— Честь имею донести вашему императорскому величеству, — отрапортовал вошедший офицер, — что на посту произошел необыкновенный казус с часовым...

— Какой казус, сударь?

— Часовой, вероятно в припадке горячки, доложил мне о каком-то бывшем ему видении... Какой-то старец в монашеской рясе в самый момент разрешения от бремени ея императорского величества, подойдя к часовому, сказал: «Напомните государю, чтобы новорожденный назван был Михаилом, а вновь строящийся дворец — Михайловским».

— Прислать сюда часового! — крикнул государь.

Дрожа от страха, часовой слово в слово повторил то, что дежурный офицер передал императору. К удивлению солдата и офицера, государь произнес:

— Знаю, знаю... это уже исполнено!

Часовому государь приказал выдать щедрую награду, а офицер пожалован был орденом Святой Анны.

На другой день император потребовал к себе архитектора Бренко, ответственного за постройку нового здания дворца.

— На главном фронтоне, обращенном к Итальянской улице, — приказал государь, — сделайте надпись эту самую, — и он подал Бренно клочок бумаги, на котором его величества рукой было начертано: «Дому твоему подобает святыня господня въ долготу дней».

Михайловский замок

Историк, сообщивший об этом событии, отмечает, что число букв вышеприведенной надписи (в транскрипции того времени — 47), доньше сохранившейся на фронтоне Михайловского дворца, равно числу лет, прожитому императором Павлом (1754-1801).

Есть и еще любопытные свидетельства. Так, в журнале П. И. Бартенева «Русский архив», издававшемся в Москве, в № 1-4 за 1872 г. помещены «Воспоминания Федора Петровича Лубяновского», действительного статского советника, в 1802 г. — секретаря министра иностранных дел. Он пишет: «Скоро по приезде князя Николая Васильевича в столицу император приказал ему послать за двумя арестантами, ко-

торые содержались в Динаминде; приказано привести их с дороги прямо ко дворцу и к его величеству. Прямо туда и привез их в начале декабря 1786 г. Егор Егорович Гине, впоследствии президент Лифляндского обергоф-герихта. Были они скопцы из числа главных учителей этого толка. По рассказу Гине, император довольно долго, но тихо говорил с ними в кабинете; потом, обратясь к Гине, велел ему отдать их на руки тогдашнему военному губернатору Николаю Петровичу Архарову, самому же пока остаться в Петербурге, бывать у них и о чем нужно докладывать кому следовать будет. (Обратите внимание на распоряжение императора!) Гине прожил три недели в одной комнате со мною; в один вечер воротился в таком встревоженном духе, с лицом, до того расстроенным, что я не узнал его; спешил собраться в дорогу, послал за лошадьми; с нетерпением ожидал князя с куртага (куртаг — приемный день во дворце); откланялся — получил-де из дому печальное известие — и ускакал. Через несколько дней Гине приезжал в Петербург и жил у меня; тут только, вспоминая былое, сказал мне, отчего тогда чуть было с ума не сошел и так торопился уехать. Скопцы в тот вечер жаловались ему на Архарова, но о себе не просили, а умоляли его, Гине (как они к государю другой дороги не имели), сказать его величеству, чтоб изволил глядеть в оба, а не остережется, то кончит, как и не помышляет — и то не за горами. С такою уверенностью, го-

ворил Гине, они предсказывали, что волосы у него дыбом стали на голове; не знал, на что решиться; вспомнил о жене и детях, зажал себе рот, глаза и уши и уехал».

Таким образом, это предостережение не дошло до государя. Интересно, что имели место довольно много неблагоприятных предсказаний, сделанных разными лицами, которые сходились «на скорое время исполнения».

Далее Лубяновский пишет: «Приходит мне на память... еще молва об арестанте Авеле, который содержался в Шлиссельбурге за какие-то пророчества (интересно, что высокопоставленный чиновник Ф. П. Лубяновский не знал сути предсказаний Авеля! Вот как умело тушевали его работу). Захотели (император Павел) говорить с ним; спрашивали его о многом, из любопытства и о себе. При рассказе об этом разговоре Анне Петровне Лопухиной, с трепетом она зарыдала, испуганная и расстроенная».

Напомню, что после того как супруга Павла I — императрица Мария Федоровна в десятый раз разрешилась от бремени 18 января 1798 г. младенцем мужского пола (Великий князь Михаил), по единодушному решению врачей, ей была противопоказана супружеская близость. Нарушение этой рекомендации, по заключению врачей, грозило императрице смертью.

Императору же Павлу I в ту пору было всего-то 44 года. Нет ничего удивительного в том, что с той поры возникли вначале

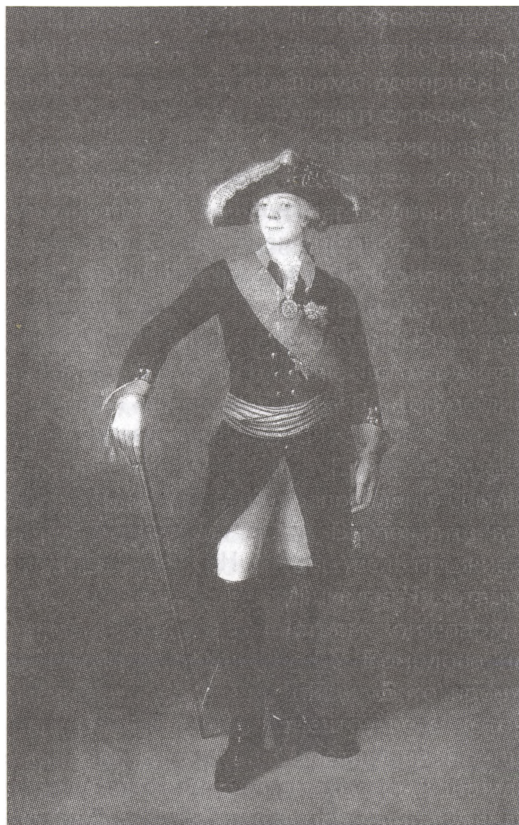
платонические отношения между Павлом I и черноглазой Анной Петровной Лопухиной (в браке — княгиней Гагариной), вероятно, с июля 1800 г. ставшие предельно близкими. С некоторых пор император стал почивать в отдельной спальне, неподалеку от которой располагалась скрытая в толстенной стене Михайловского замка лестница, ведущая к покоям Анны Петровны Лопухиной и графа Кутайсова.

Очевидно, разговор Павла I с наложницей, несомненно, имел доверительный, откровенный без утаек, характер, и теперь, надеюсь, читателю понятно и то возбуждение, в которое Лопухина пришла в ходе рассказа Павла об Авеле, и безудержные ее рыдания, косвенно указывающие на то, что это, скорее всего, был страх за жизнь близкого ей любимого человека.

Видимо, в ходе упомянутой выше беседы (а может, ряда бесед!) императора с Авелем, поначалу неторопливых и благожелательных, последний открыл Павлу ужасные подробности, уготованные ему судьбой.

Внимание, которое Павел уделял пророчествам Авеля, ясное дело, объяснялось тем, что предыдущее его предсказание сбылось с поразительной, как утверждают, точностью, буквально во всех деталях.

Было ли это заявление сделано в устной, или же в письменной форме, как это было свойственно косноязычному Авелю, — неизвестно. Важно, что оно имело

Павел I. Худ. С. Щукин

место. Об этом, кстати, мы знаем из уже упоминавшихся «Записок А. П. Ермолова». Так, он пишет:

«Простившись с жителями Костромы, он (Авель) объявил о своем намерении поговорить с государем. (Довольно смелое и интересное, надо сказать, желание.

Особенно, если учесть некоторую разницу в происхождении и положении собеседников. Можно также предположить, что ему было что сказать). Но был, по приказанию его величества посажен в крепость, из которой, однако, вскоре был выпущен. Возвратившись в Кострому, Авель предсказал день и час кончины и императора Павла. Добросовестный и благородный исправник, подполковник Устин Семенович Ярликов, бывший адъютантом у генерала Воина Васильевича Нащокина, поспешил известить о том Ермолова. Все предсказанное Авелем буквально сбылось...»

Известно, что многие записи А. П. Ермолова исполнены не от первого лица. Этот факт установлен. Не следует сомневаться в авторстве. Источник надежен.

В новый, 1797 г. Василий (Авель) передал Павлу через князя Куракина письмо следующего содержания:

«Ваше Императорское Величество, всемилостивейший Государь!

С ним, с новнаступившим годом усердно поздравляю: да даст Господь Бог вам оный, а по оном и многие богоугодно и душеспасительно препроводить... Осмеливаюсь священную особу вашу просить о следующем и последнем: 1 -е) Благоволите указом не в продолжительном времени посвятить меня в иеромонашеский чин дабы я мог стояти во церкви у престола Божия и приносить Всевышнему Существо жертву чистую и непорочную за вашу особу и за

всю вашу царскую фамилию, да даст вам Бог дни благоприятны и времена спасительны и всегда победу и одоление на враги и супостаты. 2-е) Егда меня заключили на вечное житие в Шлиссельбургскую крепость, и дал я обещание Богу такое егда отсюда освободят (Авель „знал“ это, т. е. рассчитывал на освобождение?), и схожу в Иерусалим поклониться Гробу Господню и облобызать стопы, место ног его. 3-е) Чтоб я был допущен лично к Вашему Императорскому Величеству воздать вам достодолжную благодарность и облобызать вашу дражайшую дестницу и буду почитать себя счастливым. 4-е) Благоволите вы мне объяснить на бумаге, за что меня набольше посадил Самойлов в крепость, в чем остаюсь в ожидании благонадежным».

Согласитесь, что письмо крестьянского сына Васильева к императору написано толково, что в нем выражено многое, не входящее в обычную благодарственную речь. Причем, на мой взгляд, кое-где покорнейшая просьба переходит, я бы сказал, в требование. Стиль письма недурен. Мысли выражены четко. С императором Авель держится достойно, не заискивает.

Но вскоре происходит нечто непонятное, не отраженное в дошедших до нас документах — сообщения об Авеле прекращаются до 1800 г.

Однако известно, что 19 марта 1800 года Амвросий, митрополит Петербургский, уведомил генерал-прокурора Оболяни-

нова о крестьянине Васильеве, постриженном в декабре 1796 г. в Александроневском монастыре с наречением ему имени Авеля и сосланному в 1798 г. в Валаамский монастырь, где он засел за сочинение приорицательных тетрадей.

Что было в этих тетрадях? По дошедшим до нас в небольшом числе документам той поры не представляется возможным хотя бы предположительно датировать письменное или устное сообщение или пророчество в адрес Павла Петровича. А ведь таковое было, мы знаем об этом из «Записок А. П. Ермолова», например.

Но тучи сгущаются. К этому периоду относится и докладная записка митрополита Амвросия генерал-прокурору Оболянину, что по донесению настоятеля Валаамского монастыря Назария Авель якобы обвинен в краже у одного из иеромонахов монастыря серебряных ложек, турецких денег и другого имущества. В то время, когда в монастыре пытались найти пропавшее, Авель, как утверждает Назарий, придя к последнему тайно, принес те вещи, заявив, что они-де подкинута ему и он знает похитителя, но не хочет его называть.

Авель якобы заявил, что истину он установил «через сонное видение» (в состоянии гипнотического сна? Или автогипноза? Или во сне?). По приходе же настоятеля с одним иеромонахом в келью Авеля как бы для освидетельствования, действительно ли последний болен, как сказался, обнаружили у него странную

книгу на непонятном языке, а в ней лист бумаги с русскими литерами. В ответ на вопрос настоятеля: «Что-де за книга?» — Авель сказал, что ему дали ее почитать, и бросился на настоятеля с криком, чтобы тот ее не брал, угрожая ему физической расправой. Но книгу эту у Авеля все же отобрали, обнаружив при этом, что «она писана языком неизвестным». Оную книгу и Авеля настоятель во избежание возможных осложнений препроводил к Оболянинову и просил исходатайствовать высочайшее повеление о ссылке Авеля в Соловецкий монастырь.

На письмо Амвросия Оболянинов наложил резолюцию: «Докладовано. Высочайшее повелено: послать нарочного, который привез бы (Авеля) в Петербург, по привозе же посадить в каземат, в крепчайший караул, в крепости. Мая 21 дня 1800 года. Павловск».

Вряд ли Авель учинил ту кражу. Не таков он был! Козни чьи-то... Быть может, «местного масштаба». Однако репрессии нарастали.

26 мая 1800 г. генерал Макаров донес Оболянинову, что Авель «привезен исправно и посажен в каземат в рavelине. Он, кажется, только колобродит, и враки его ничего более не значат; а между тем думает мнимыми пророчествами и сновидениями выманить что-нибудь; нрава неспокойного».

Снова предсказания Авеля во внимание не принимаются, чиновники высказы-

*Алексеевский равелин
Петропавловский крепости*

вают к провидцу пренебрежение, хотя император и прочие у власти стоящие пристально наблюдают за ним.

Так, на донесении Макарова Оболянинов пишет: «К архиерею, по желанию Его Величества, отпускать; архиерею отписать: при всяком свидании, что объявит, меня уведомлять. Мая 27-го 1800 г.»

С Авеля буквально не спускают глаз, не упускают из вида ничего, все его действия и слова фиксируются.

И вот 28 мая Амель пишет Амвросию: «Я, низайший монах Амель, обошел все страны и пустыни, был и в царских палатах и в великолепных чертогах и видел в них дивная и предивная, а наипаче видел и обрел в пустынных местах великия и тайныя и всему роду полезная; того ради, ваше высокопреосвященство, желаю я с вами видеться и духовно с вами поговорить и оныя пустынные тайны вам показать. Прошу ваших святых молитв».

Интересно, что уже на следующий день, 29 мая, митрополит Петербургский Амвросий принимает Авеля, беседует с ним и в тот же день сообщает письменно Обольянинову:

«Монах Авель, по записке своей, в монастыре им написанной, открыл мне. Оное его открытие, им самим написанное, на рассмотрение ваше при сем прилагаю. Из разговора же я ничего достойного внимания не нашел, кроме открывшегося в нем помешательства в уме, ханжества и рассказов о своих тайновидениях, от которых пустыnnики даже в страх приходят. Впрочем, Бог весть».

Нельзя не обратить внимания на весьма интересные и важные обстоятельства этого донесения.

Первое: в чем состояло «открытие, им самим написанное»? Где оно? В чем его суть? Какой скорее всего действительно важный безотлагательный секрет Авель посчитал должным весьма срочным порядком сообщить в этот раз, довести до сведения государя, коли, пребывая в заключении, потребовал свидания с самим митрополитом?

Второе. Последняя фраза письма митрополита показывает, что было видно в Авеле нечто, вызвавшее какое-то смущение и неуверенность у Амвросия, смутное ощущение силы и правоты, возможной обоснованности его необычайных видений, слов и снов. Видно, Авель жил в каком-то своем, ему одному ведомом, мире и

убежденно служил некой высшей силе, правде и великой цели!

Интересно, что на этом письме Амвросия рукой Оболянинова начертано:

«Докладовано Мая 30-го 1800. Павловск».

Муть менее года оставалось жить Павлу I. Неумолимо приближался трагический, многократно предсказанный момент.

Была, правда, как оказывается теперь, у императора и мысль о том, что его «миновала чаша сия»!

В солидном издании «Цареубийство 11 марта 1801 года (Записки участников и современников». (СПб., Издание А. С. Суворина, 1907 г.), приведены «Записки графа Беннигсена» — одного из главных организаторов и участников заговора против Павла Первого.

Так вот, граф Беннигсен писал: «Павел был суеверен. Он охотно верил в предзнаменования. Ему, между прочим, предсказали, что если первые четыре года своего царствования проведет счастливо, то ему больше нечего будет опасаться, и остальная жизнь его будет венчана славой и счастьем. Он так твердо верил этому предсказанию, что по прошествии этого срока издал указ, в котором благодарил своих добрых подданных за проявленную ими верность, и, чтобы показать свою благодарность, объявил помилование всем, кто был сослан им, смещен с должности или удален в поместья, приглашая всех вернуться в Петербург для поступления вновь на службу».

А. А. Беннигсен.

Приведен в названном источнике и фрагмент этого указа, датированного 1 ноября 1800 г. Вот текст приведенного фрагмента: «1-го ноября 1800 года состоялся указ, коим дозволялось «всем выбывшим из службы... или исключенным... паки вступить в оную».

Известно, что Екатерина II скончалась 6 ноября 1796 г. Таким образом, в ноябре 1800 г. исполнялось четыре года благополучного правления Павла. Возможно, что здесь-то он и потерял бдительность, расслабился, чем и воспользовались заговорщики...

Отмечу одну странную деталь. Действие названного указа не отразилось почему-то на Авеле — ведь он продолжал пребывать в заточении в Петропавловской крепости с 1798 г.! Почему так? Или его вина была больше, существеннее, несоизмеримее? Имеющаяся в распоряжении информация не позволяет определить момент выдачи Авелем трагического прогноза Павлу Петровичу.

Есть смысл задаться вопросом о компетенции Авеля, мощи его дара, временного интервала, им контролируемого, ему подвластного. Что ему было известно о будущем? Где проходила линия его временного горизонта?

Обратимся к художественному произведению конца XIX столетия, принадлежащему, как его некогда называли, «Русскому Дюма» — признанному мастеру отечественного исторического романа,

князю Михаилу Николаевичу Волконскому. Его исторический роман «Слуга императора Павла» охватывает интересующий нас период, и одним из его героев является монах Авель. Насколько мне известно, это первое в художественной литературе упоминание о монахе Авеле.

Надо заметить, что Михаил Волконский родился в 1860-м, и следовательно мог в молодые годы встречать людей, знавших Авеля, слышавших о нем, мог также располагать какими-то неизвестными нам ныне источниками, дневниками современников. Его романы этой серии под общим названием «Мальтийская цепь» были опубликованы в 1901 г. Следовательно, написаны еще в XIX столетии.

Представляет интерес диалог двух героев названного произведения — монаха Авеля с неким Чигиринским. Разговор относится к 1797 г., когда Авель был на свободе.

Авель говорит Чигиринскому: «Положись на волю Божию, а теперь поезжай! Ровно через три года приезжай назад, будет дело. Не бойся, что долго ждать... Сто лет будем ждать... через сто лет будет великая битва с немцами, а потом, бог даст, с его благодатью будет построен на указанном свыше месте храм Михаила Архангела».

Я прошу вас обратить внимание на срок ожидания грядущей великой битвы с немцами — сто лет! К этому мы вернемся позже. Здесь же представляет существенный интерес отнесение предсказания за пределы жизни Авеля и странное упоминание о

великом противостоянии с немцами через сто лет. Конечно, это может быть просто удачным домыслом автора романа, случайным его «попаданием в яблочко»... А что, если нет? Что, если какие-то прогнозы Авеля выходили за пределы XIX столетия? Упоминания о возможности такого рода в докладе Сербова также, видимо, не случайны! Он что-то подозревал или даже нащупал. Быть может, знал, но опасался цензуры, с 1902 г. специальным рескриптом нацеленной на замалчивание имени и пророчеств Авеля, и потому отделался общими фразами? Кстати, обратите внимание на дату выхода рескрипта — 1902 г.! Запомните — пригодится!

Но мы к этому еще вернемся.

Шло время. Закончился 1800 г., сменявшийся новым, 1801-м... Трудами и стараниями ряда высокопоставленных и титулованных лиц, приближенных к императору Павлу, близких ему не по духу, а по должности или положению, он был убит в ночь с 11 на 12 марта 1801 года, и на трон незамедлительно вступил его старший сын Александр Павлович (Александр I), в какой-то мере знавший о существовании заговора против родителя своего.

Авель же, напомним, пребывал в заточении. Завершился второй круг его зловещих предсказаний, как утверждают, в сроки, загодя зафиксированные в его второй «зело пристрашной книге».

Вернемся к тексту Жития...

Третья «проба пера»

На троне — Александр I. Авель же сидел там, куда его «определил» Павел I — в Петропавловской крепости, где провел всего-то 10 месяцев и 10 дней, столько же, сколько ранее в Шлиссельбургской.

По смерти Павла Александр приказал отца Авеля из Петропавловской крепости незамедлительно выпустить и направить в Соловецкий монастырь «под присмотр», а вскоре он и свободу получил.

Но Авель не был бы Авелем, если бы не стал составлять... третью «зело пристрашную» книгу!

В этот раз он побыл на свободе всего-то один год и два месяца, но за это время успел-таки написать свою третью книгу: «В ней же написано, как будет Москва взята и в который год»!

Итак, где-то на рубеже 1803 г. он предрек события, происшедшие в реальной жизни лишь через 10 лет! Интересно, о чем в это время размышлял Наполеон?

История, к сожалению, повторяется! Снова книга дошла до самого императора Александра. Что в ней возмутило покой монарха? Или ему за державу обидно стало? Либо он усмотрел в писании этом личную обиду?

Так или иначе, но решение последовало: «Монаха Авеля абие (тотчас) заключить в Соловецкую тюрьму, и быть там ему дотоле, когда сбудутся его пророчества самую вещь».

Портрет Александра I. Неизв. худ.

Год идет за годом. Что было в это время в России — всем известно из истории. Что было с Авелем? Много претерпеть пришлось ему за эти десять лет! Он «10 раз был под смертью, 100 раз приходил в отчаяние, 1000 раз находился в непрестанных подвигах и прочих искусов было о. Авелю число многочисленное и число бесчисленное. Однако, благодатию Божиею, ныне он, слава Богу, жив и здоров и во всем благополучен», — повествует Житие об этом периоде жизни моего героя.

Настал 1812 г.

Далее в Житии сказано:

«В то самое время, когда Москва взята, вспомнил сам Государь пророчество о.

Башня Соловецкого монастыря

Авеля; скоро приказал князю Голицыну, от лица своего написать письмо в Соловецкий монастырь».

В Соловецком же монастыре в ту пору начальником был архимандрит Илларион. Получив от имени государя письмо, коим предлагалось отца Авеля «выключить из числа колодников и «включить» в число монахов на полную свободу, он был безмерно испуган и озадачен. Сам государь печется о безродном монахе?! К чему бы это... И убоялся, видно, отче... А тут еще, как на грех, к письму приписка: «Ежели он жив и здоров, то ехал бы к нам в Петербург, мы желаем его видеть и с ним нечто поговорить». Так именно и было написано от лица самого государя! Было отчего затрястись поджилкам архимандрита, тем

более что он, как никто другой, знал «кое-какие далеко не детские грешки за собою». И убоялся дюже!

А тут и еще одна приписочка обнаружилась: «Дать отцу Авелю на прогон денег, что должно до Петербурга, и вся потребная».

Письмо пришло в монастырь в самый Покров, первого октября. Архимандрит был в ужасе: уедет Авель в Петербург, там встретится с императором, в результате выяснится, что творится в Соловецком монастыре, управляемом Илларионом, прознают и о его гнусных проделках: воровстве, издевательствах и избиениях заключенных... Вспомнил он и множество пакостей, творимых им над Авелем, о том, что уморить его собирался... и убоялся отче!

И написал он письмо князю Голицыну, что-де: «Ныне отец Авель болен и не может он к вам быть, а разве на будущий год весною...», и так далее, в расчете на то, что все как-то само собой рассосется.

Ан, не тут-то было! Письмо это Голицын показал императору. Государь же не мешкая приказал сочинить именной указ Святейшему синоду и послать архимандриту: «Чтобы непременно Авеля выпустить из Соловецкого монастыря, и дать ему пашпорт, во все российские города и монастыри; при том же, чтобы он всем был доволен, платьем и деньгами».

Увидел архимандрит Илларион тот указ и сей минут понял, что дело-то не шуточно

обернулось... Однако названный указ пришлось исполнить.

И «приказал он на него, отца Авеля, написать пашпорт и отпустить его честно со всяким довольством; а сам сделался болен от многия печали; поразил его Господь любовью болезнью, тако и скончался».

Получил АVELЬ паспорт и свободу и вышел из Соловецкого монастыря 1 июля 1813 г. Душа его пела и ликовала. По прибытии в Петербург он явился к князю Александру Николаевичу Голицыну, с которым был преизрядно знаком.

В Житии их встреча описана следующим образом:

«Князь же Голицын, видя отца Авеля и рад быть ему до зела; и нача вопрошати его о судьбах Божиих и о правде его. Отец же АVELЬ начал ему рассказывать вся и обо всем, от конца веков и до конца, и от начала времен до последних...»

И снова возникает вопрос: какой же период «просматривался» Авелем? Как глубоко во мглу времен, в будущее проникал его пророческий дар и взгляд? Вопрос этот не случаен. К нему мы еще вернемся.

Несомненный интерес вызывает то обстоятельство, что при обыске сказавшегося больным Авеля, учиненном настоятелем Валаамского монастыря Назарием совокупно с одним иеромонахом того же монастыря, в келье Авеля была найдена и изъята книга, «писанная языком неизвестным» и листок с русскими

Князь А. Н. Голицын

литерами. А при пересмотре же переписки об Авеле, упоминаются «разные сочинения его, заключающие в себе пророчества и другие инакозначащими литерами нелепости...».

Создается впечатление, что «литеры» в книге были русскими, т. е. «гражданский шрифт», утвержденный Указом Петра I в 1708 г., или славянскими буквами,

кои нередко Авель применял и, несомненно, знал.

Не пришел ли он, бедняга, в конце концов, в результате множества репрессий в его адрес за «писания нелепые, вздорные и злокозненные и оскорбительные», к шифрованным записям? В этом случае естественным было бы использование им привычных, известных ему литер гражданского, скажем, шрифта, именно в той форме, которая определена в тексте протокола дела как инакозначащие?

А тогда не являлся ли вложенный в книгу и обнаруженный в ней листок с русскими литерами ключом простейшего шифра, примененного Авелем для того, чтобы скрыть записи и свести на нет дальнейшие его обвинения в «семидесяти семи грехах»?

Так или иначе, но было бы крайне интересно поискать эту предполагаемую «шифровку» Авеля, а в случае удачи — даже им собственноручно исполненный ключ. Но и без ключа, надо полагать, шифровальщики наших дней без особого труда прочли бы текст книги Авеля даже при его отсутствии. Если бы удалось ее найти в архивах, то мы бы прочли то, что никому пока неизвестно! Что бы мы узнали тогда? Надо искать!

Надо сказать, что факт предсказания Авелем нашествия Наполеона и сожжения Москвы задолго до вторжения Бонапарта на территорию Российской империи подтверждает в своем докладе о монахе Аве-

ле на Первом всероссийском съезде спиритуалистов сотрудник журнала «Ребус» Сербов.

Но вернемся к тексту Жития.

Под занавес

Житие сообщает, что, обретя свободу, отец Авель пришел в Невский монастырь и получил благословение у митрополита Амвросия. «Отец же Авель, видя у себя папшпорт и свободу во все края и области, и потечет из Петербурга к югу и востоку, и в прочие страны и области. И обошел многия и множество. Был и в Царь-Граде и во Иерусалиме, и в Афонских горах; оттуда же паки (паки — опять) возвратился в Российскую землю: и нашел конец и начало, и всему начало и конец; там же и жизнь свою скончал; пожил на земли довольно, до старости лет своих. Зачатия ему было месяца июня, основания сентября; изображения и рождения месяца октября и марта. Жизнь свою скончал месяца генваря, а погребен в феврале. Тако и решился отец наш Авель, Новый страдалец... Жил всего время — 83 года и 4 месяца».

«Жизнь его прошла в скорбях и теснотах, гонениях и бедах, в напастьях и тяжестях, в слезах и болезнях, в темницах и затворах, в крепостях и в крепких замках, в страшных судах и в тяжких испытаниях...»

Так заканчивается повествование «Житие и страдание отца и монаха Авеля».

Последнее двадцатилетие жизни Авеля

К свидетельствам этого времени относится сообщение генерал-майора Льва Николаевича Энгельгардта, в котором он, подтверждая факты предсказания Авелем деталей смерти Екатерины II и Павла I, а также вторжения Наполеона, взятия и сожжения Москвы, сообщает: «По изгнании неприятелей он (Авель) был выпущен. Сей Авель после того был долго в Троице-Сергиевой лавре в Москве; многие из моих знакомых его видели и с ним говорили: он был человек простой, без малейшего сведения и угрюмый: многия барыни, почитая его святым, ездили к нему, спрашивали о женихах их дочерей; он им отвечал, что он не провидец и что он только тогда предсказывал, когда вдохновенно было велено ему, что говорить. С 1820 года уже более никто не видел его, и неизвестно, куда он девался» (Записки Льва Николаевича Энгельгардта. М., 1860).

Дальнейшие события в жизни Авеля достаточно детально описаны в подборке на страницах журнала «Русская старина» (1875, том XII, № 4), приводимой ниже с некоторыми сокращениями.

Здесь сообщается, что в сентябре 1823 г. монах Авель подал московскому митрополиту Филарету прошение об определении его в серпуховском Высотском монастыре.

Из публикации также видно, что еще в ноябре 1812 г. князь Голицын, как обер-

Троице-Сергиева лавра. Общий вид

прокурор Синода, предложил Синоду высочайшее повеление: «Освободив его, Авель имеет намерение идти для поклонения святым местам в разные города, то снабдить его надлежащим паспортом для свободного пропуска, предоставляя также ему избрать для своего пребывания монастырь, как он сам пожелает, и где будет принят, там дозволить жить беспрепятственно», что и было сообщено архимандриту Соловецкого монастыря 3 декабря 1812г.

А 4 апреля 1814 г. Авель обратился с прошением в Синод, что имеет желание идти в Иерусалим, для поклонения Гробу Господню, и к святым местам с намерени-

ем, ежели будет возможно, остаться там навсегда.

Известно также и то, что 2 ноября 1817г. князь Голицын сообщил преподобному Августину, что монах Авель по случаю потери выданного ему ранее паспорта просил снабдить его новым для свободного в Москве или в ином городе проживания и о содействии к водворению его, Авеля, в Шереметевском странноприимном доме (тогда — богадельне при Шереметевской больнице, в помещении которой ныне размещен Институт Склифосовского).

О сем было доложено государю. Государь же, находя неприличным, чтобы «столь много странствовавший монах Авель» (хитрил, видно, государы! Судя по всему, он хотел ограничить контакты Авеля!) впредь продолжал скитаться по России, не имел бы постоянного проживания в монастыре, высочайше повелеть изволил: «Объявить Авелю, чтоб избрал монастырь, и если настоятель согласится, то и водворился бы в нем», предложив от себя в качестве такового Пешношский (в Дмитровском уезде) монастырь. (Надо сказать, что выделение или рекомендация для проживания Авеля в Пешношском монастыре не вяжется с «высоким стилем изложенной» заботой и престижем много странствовавшего монаха Авеля, ибо Пешноша — заштатный монастырь, не чета, скажем, Троице-Сергиевой или Александро-Невской лавре!). Преосвященству поручено было также

*Митрополит
Филарет*

внушить Авелю о неприличности проживания монаха в частных домах.

Известно, что 6 апреля монах Авель явился к преподобному Августину, чтобы получить благословение и предписание в Пешношский монастырь, но... с того времени он не появлялся и из Москвы скрылся.

В консистории налицует также показание священника Николаявленской церкви Михаила Лаврентьевича о том, что в сентябре 1818 г. отец Лаврентьев повстречал близь своего дома монаха Авеля и коротко с ним беседовал. В беседе выяснилось, что Авель был все это время в Орле. Прощаясь, Авель обещал прийти в Николаявленскую церковь ко всенощной, но однако же там не появился. И решено было определить Авеля в Высотский монастырь, о чем есть документы.

21 июня 1826 г. архимандрит Высотского монастыря Амвросий доносит митрополиту Филарету, что монах Авель, забравши все свои пожитки, 3 июня самовольно из монастыря отлучился неизвестно куда и с той поры не является.

30 июля Амвросий доносит дополнительно, что монах Авель находится в Тульской губернии, близь Соломенных заводов, в деревне Акулово (т. е. на родине своей).

С грустью отмечу, что последние пятнадцать лет жизни моего героя надежно сокрыты от нас, и не только высоченными стенами монастыря и ухищрениями цензуры.

Ко времени 1815-1817 годов относится содержательная разнообразная и обширная переписка Авеля со многими сиятельными персонами, в т. ч. с графиней Прасковьей Андреевной Потемкиной, его усердной почитательницей. За ним, очевидно, зорко следили. В одном письме, например, читаем: «... Я от вас получил недавно два письма, и пишете вы в них сказать вам от пророчества то и то. Знаете ли, что я вам скажу: мне запрещено пророчествовать имянным указом. Так сказано: ежели монах Авель станет пророчествовать вслух людям или кому писать на хартиях (хартія — папирус, пергамент, старая рукопись, вообще рукопись), то брать тех людей под секрет и самого монаха Авеля и держать их в тюрьмах или в острогах под крепкими стражами. Видите, Прасковья Андреевна, каково наше пророчество или прозорливство, — В ТЮРЬМАХ ЛИ ЛУТЧЕ БЫТЬ ИЛИ НА ВОЛИ, РАЗМЫЛИ УБО, Я СОГЛАСИЛСЯ НЫНЕ ЛУТЧЕ НИЧЕГО НЕ ЗНАТЬ, ДА БЫТЬ НА ВОЛИ, НЕЖЕЛИ ЗНАТЬ, ДА БЫТЬ В ТЮРЬМАХ И ПОД НЕВОЛЕЮ. Писано есть, будите мудры, яко змии и чисты яко голуби; есть еще писано: погублю премудрость и разум разумных отвергну и протчая таковая и проч; видится, вот мы до чего дошли своею премудростию и со своим разумом. И так я ныне положился лутче ничего не знать; хотя и знать, да молчать...»

Ежели к этому присовокупить, что за монахом Авелем монастырские власти по

долгу службы своей подсматривали, подслушивали, перлюстрировали переписку, снимали копии, доносили, то становится понятна точка зрения Авеля, высказанная в вышеприведенном письме. Сказанное могло стимулировать и интерес к разработке и использованию шифра. Быть может, это и определило необычно резкое поведение Авеля при попытке изъятия у него книги, писанной «инакозначащими литерами»?

Анализ близкорасположенных во времени событий, поступков Авеля и реакции светских и церковных властей навел Сербова на весьма интересную мысль. Он обращает внимание на четкую (по его мнению!) несоизмеримость проступков Авеля, т. е. его прегрешений, и воспоследовавшей за этим кары.

Так, например, всегда смиренный, вытерпевший даже три пощечины, несомненно, свободолюбивый и независимый Амель 3 июня 1826 г. внезапно, словно бы беспричинно, уходит из Высотского монастыря, где провел ни много ни мало восемь лет под строгим присмотром монастырских властей, в условиях перлюстрации и копирования писем, неукоснительной записи его высказываний. Терпел восемь лет... И вдруг, ни с того, ни с сего — убежал в родную деревню, о которой не упоминал «издетства»?!

Чем, кстати, он занимался эти восемь лет? Ведь ему, как известно, было свойственно писание книг. Ужели он в ту пору

*Портрет императора Николая I.
Худ. Е. Ботман*

ничего не создал? Убежал. И вот 27 августа 1826 г. выходит Указ Святейшего Синода: по высочайшему повелению Николая Первого Авеля приказано изловить и заточить для смирения в Спасо-Ефимьевский монастырь!

Размышляя над этим, журналист Сербов, потративший немало времени на по-

иски материалов об Авеле, пишет: «Такое поспешное решение и такая чересчур уж суровая мера по отношению к 85-летнему (так в тексте, хотя Авелю в 1826 г. было 69 лет) поистине удивительно, и невольно напрашивается мысль: не написал ли АVELЬ за время своего пребывания в Высотском монастыре еще какой-нибудь «зело престрашной», как он их называл, «книжки», каковая и была послана Государю?»

Отмечу, что эта гипотетическая «книжка» по счету четвертая.

И снова мысль о возможности существования еще одного «зело престрашного» писания, что похоже на Авеля! Кстати, именно убоявшись наказания за очередную книгу, он мог дать стрелкача... бежать куда глаза глядят! Вспомним также о принципиальной возможности применения Авелем шифра, в данном случае оправданного всем ходом событий.

Но что могло быть предсказано? Самое знаменательное событие той поры — декабрьское восстание 1825 г. — уже было локализовано... Хотя, кто знает, когда очередное (предполагаемое) творение Авеля вышло из-под его рук и попало на стол императора? Может быть, именно декабрь 1825 г. был предсказан? Тогда заточение в августе 16-го года вполне реально! Но это, конечно же, просто домыслы, размышления, прикидки.

Сейчас наступило время напомнить о романе князя Волконского, в котором на столетний срок (с 1797 г.) отодвигалась

грядущая страшная битва с немцами, якобы предначертанная Авелем. Но не будем гадать, просто отметим и эту возможность, а сами двинемся дальше.

Говоря о последних днях Авеля, Сербов ставит вопрос о необходимости возврата Авеля народу — честью и гордостью которого он, несомненно, является. Он пишет: «И вот ворота этой тюрьмы-монастыря отделили остаток дней Авеля от живого мира; но они не могли вполне искоренить в живых памяти о нем. Долг всякому ищущему истину — наш долг — возвратить народу его Авеля, ибо он составляет его достоинство и гордость не меньшую, чем любой гений в какой-либо другой области творчества; или хотя бы его французский собрат, знаменитый Нострадамус. Я предложил бы только что возникшему у нас в России молодому Русскому спиритуалистическому обществу поставить себе задачей собрать все, как можно, сочинения Авеля и, по возможности, полные сведения о нем.

Главнейшие его три или четыре вещи: книги, с предсказаниями судеб России, конечно, для нас недостижимы, и приходится, волей неволей, считать их погибшими. Но у Авеля есть и другие сочинения. В редакции «Русской старины» должны быть: во-первых, его книга «Бытия»; во-вторых, «Сказание о существе, что есть существо Божие и Божество»; в-третьих, «Жизнь и житие отца нашего Дадамия», в-четвертых, «Житие и страдания отца и монаха Авеля», в ЦЕЛОМ, НЕ ИСКАЖЕННОМ ЦЕНЗУРОЙ ВИДЕ; в-

пятых, много чертежей и таблиц под заглавием «Планеты человеческой жизни», «Годы от Гоа и годы от Адама», «Времена всей жизни», «Рай радости, рай сладости» и пр. Затем, там же находятся 12 его писем к графине Потемкиной и одно к управляющему ее фабрикой Ковалеву. Потом надо искать, нет ли еще его сочинений в семействе вышеупомянутой графини Потемкиной и у других лиц, т. к. из-под Курска, во время пребывания у некоего «Господина Никанора Ивановича Переверзева», Авель сообщает в одном из своих писем к графине, что он сочинил для нее несколько книг, которые и обещает выслать в скором времени, «оних книг со мной нету, — объясняет Авель, — а хранятся в сокровенном месте; оныя мои книги удивительныя и преудивительныя, те мои книги достойны удивления и ужаса, и читать их токмо тем, кто уповает на Господа Бога и на Пресвятую Божию Матерь. Но только читать их с великим разумением и великим понятием...»

К этому перечню мест, где могут находиться работы Авеля, следует добавить и Тайную экспедицию, куда поступили многие его работы.

Сейчас наступило время для того, чтобы установить еще один факт: кто же является автором изложенных выше в рассказе Житий?

Так, оба упомянутых ранее специалиста (Семеновский и Сербов), склоняются к мысли, что автором является... сам монах Авель!

И тот и другой исследователь, очевидно, независимо пришли к сходному выводу. Вот что пишет Сербов: «Судя по тому, что в ней дважды указан с необыкновенной точностью год и даже месяц смерти Авеля, можно было бы думать, что она написана лицом, близко знавшим Авеля, после его смерти. Однако ликующий о свободе тон биографии и широкие планы свободной жизни, развиваемые там и совершенно, как мы увидим дальше, не осуществившиеся в действительности, а также полнейшее умолчание о дальнейших фактах позднейшей жизни Авеля, неоспоримо указывают на то, что биография его была написана непосредственно после тяжких лет соловецкого заключения. Кроме того, как я уже упоминал, слог биографии и слог заведомо оригинального сочинения Авеля чрезвычайно похожи друг на друга».

Таким образом, полагает Сербов, есть все основания считать самого Авеля автором названного документа.

Хочу, однако, изложить некоторые дополнительные соображения в пользу авторства Авеля.

Вы, конечно же, помните, что в самом начале Жития продолжительность земной жизни Авеля определена была фразой: «Жизни отцу Авелю от Бога положено восемьдесят и три года и четыре месяца...»

Да и в заключительных ее строках сказано: «жил сего время — 83 года и четыре месяца...»

Вместе с тем реальная продолжительность жизни Авеля лежит в пределах между двух никем не оспоренных дат — рождение: март 1757 г. («весеннее равноденствие» в XVIII в. — 11 марта, смерть: январь (похороны — февраль) 1841 г.

Таким образом, Авель жил 83 года 10 месяцев и 20 + 1 день.

Как же интерпретировать несомненное расхождение?

Ведь оно невероятно в условиях посмертного написания Жития кем-то из ближайшего окружения покойного! Допустима здесь максимальная ошибка в несколько часов, ну, скажем, — один день. А тут — полгода! Как же так?

Подобное возможно, если допустить, что автором Жития был сам Авель, каким-то ему известным способом определивший себе «меру лет» в виде 83 лет и 4 месяцев, кстати, составляющих ровнохонько 1000 месяцев! А тогда, наблюдаемая погрешность (кстати, всего-то + 0,066 %!) показывает поразительную точность метода прогнозирования, применявшегося Авелем!

Таким образом, если Житие написано самим Авелем, а дата смерти лишь вписана кем-то, не удосужившимся проверить остальные цифры, все встает на свои места.

Так что, весьма вероятно, что Семевский и Сербов правы в своих подозрениях об авторстве Авеля.

На основе известного экстраполируем.

Трудно представить, чтобы поразительные способности к точному прогнозированию замыкались лишь в узких временных рамках земного бытия Авеля. Не исключено, что пророчества этого неистового монаха охватывали и более позднее время. Быть может, именно этим обстоятельством определялись и заточение Авеля в стенах Спасо-Ефимьевского монастыря и появление циркуляра цензуры от 1902 г., запрещающего категорически допускать к печати любые сообщения о его пророчествах и даже упоминать имя того монаха.

Однако слово не воробей, вылетит — не поймашь! И поскольку есть основания полагать, что, по крайней мере, часть работ Авеля могла пережить своего создателя, то пророчества будущего, простирающиеся на вторую половину века девятнадцатого, даже на век двадцатый, не представляются невероятным, могут быть допущены без труда.

Но, коли так, не поискать ли нам следы этих пророчеств в более или менее известном нам периоде между 1841 г. (смертью Авеля) и нашими днями?

Здесь уместно вспомнить столетний интервал, упоминаемый в романе князя М. Н. Волконского, в котором в уста Авеля вложено пророчество о том, что «...через сто лет будет великая битва с немцами...».

Не исключено, что вы, мой читатель, не согласитесь с такой возможностью. Но почему бы не представить, что Волконскому было известно нечто, нам неведомое? Ведь

такое не исключено. Почему не поискать в столетнем интервале после кончины Авеля какие-то вероятные отголоски его прогнозов, следы воздействия на психику последующих поколений? И поискать именно в тех кругах, где память об Авеле и о его поразительных пророчествах могла быть наиболее яркой, впечатляющей, органически вписанной в предания рода и семьи? Иными словами — в орбите жизни царственных особ дома Романовых.

Что если безудержное тяготение представителей династии Романовых (а за ними и сиятельных особ дворца) определялось очарованием идей и предсказаний Авеля, в силу каких-то причин сокрытых от посторонних глаз? Ведь законы писаны... для исполнения, а пишущий их, как показала практика, не всегда считает своим долгом их исполнять.

Посему могли храниться и передаваться из рода в род и документы, и устные рассказы о монахе и его пророчествах, минуя запреты цензуры, для «быдла» писанные.

Не потому ли, например, представители дома Романовых, семья последнего императора всероссийского Николая Александровича и его супруги Александры Федоровны (равно как и весь двор) так жадно тянулись к мистике, пророчествам, личностям типа Григория Распутина?

Все это весьма живо описал в своих мемуарах посол Франции в России в 1914-1917 гг. Морис Жорж Палеолог.

*Николай II Александра Федоровна
верхами. Народная картина*

В его дневнике под датой 21 ноября 1916 г. имеется запись, которую в силу поразительного ее интереса осмелюсь привести полностью: «Занятие тайными науками всегда было в почете у русских; со времен Сведенборга и баронессы Крюденер, все спириты и илюминаты, все магнетизеры и гадатели, все жрецы эзотеризма и чудотворцы встречали радушный прием на берегах Невы.

В 1902 г. воскреситель французского герметизма, маг Папюс, настоящая фамилия которого — Энкос, приехал в Петроград, где он скоро нашел поклонников. В последние годы его здесь видели неоднократно во время пребывания его большого друга знахаря Филиппа из Лиона;

император и императрица почтили его своим доверием; последний его приезд относится к февралю 1906 г.

И вот газеты, дошедшие к нам недавно через скандинавские страны из Франции, содержат известие о том, что Папюс умер 26 октября.

Признаюсь, эта новость ни на одно мгновение не привлекла бы моего внимания, если бы она не повергла в уныние лиц, знавших некогда „духовного учителя“, как его называли между собой его восторженные ученики.

Госпожа Р., являющаяся одновременно последовательницей спиритизма и поклонницей Распутина, объясняет мне это уныние странным пророчеством, которое стоит отметить: смерть Папюса предвещает не больше и не меньше, как близость гибели царизма, и вот почему.

В начале октября 1905 г. Папюс был вызван в Санкт-Петербург несколькими высокопоставленными последователями, очень нуждающимися в его совете ввиду страшного кризиса, который в то время переживала Россия. Поражения в Маньчжурии вызвали повсеместно в империи революционные волнения, кровопролитные стачки, грабежи, убийства, пожары. Император пребывал в жестокой тревоге, будучи не в состоянии выбрать между противоречивыми и пристрастными советами, которыми ежедневно терзали его семья и министры, приближенные, генералы и весь его двор. Одни доказывали ему, что

он не имеет права отказываться от самодержавия, и убеждали не останавливаться перед неизбежными жестокостями, другие заклинали его уступить требованию времени и лояльно установить конституционный режим.

В тот самый день, когда Папюс прибыл в Санкт-Петербург, Москва была терроризирована восстанием, а какая-то таинственная организация объявила всеобщую железнодорожную забастовку. Маг был немедленно приглашен в Царское Село. После краткой беседы с царем и царицей он на следующий день устроил торжественную церемонию колдовства и вызывания духов усопших. Кроме царя и царицы, на этой тайной литургии присутствовало только одно лицо: молодой адъютант императора, капитан Нандрыгка. Интенсивным сосредоточением своей воли, изумительной экзальтацией флюидического динамизма духовному учителю удалось вызвать дух благочестивого царя Александра II, несомненные признаки свидетельствовали о присутствии невидимой тени.

Несмотря на сжимавшую его сердце жуть, Николай II задал отцу вопрос, должен ли он или не должен бороться с либеральными течениями, грозившими увлечь Россию. Дух ответил: „Ты должен во что бы то ни стало подавить начинающуюся революцию, но она еще возродится и будет тем сильнее, чем суровее должны быть репрессии теперь. Что бы ни случилось, бодрись, мой сын. Не прекращай борьбы“.

Изумленные царь и царица еще ломали голову над этим зловещим предсказанием, когда Папюс заявил, что магическая сила дает ему возможность предотвратить предсказанную катастрофу, но что действие его заклинания прекратится, лишь только он сам исчезнет „с физического плана“. Затем он торжественно совершил обряд заклинания.

И вот с 26 октября маг Папюс исчез с „физического плана“, и действие его заклинания прекратилось, значит, скоро революция...» (Морис Палеолог. Царская Россия накануне революции).

Не исключено, что именно пророчества Авеля лежали у истоков повышенного интереса Николая и его окружения к мистике, пророчествам и оккультизму.

Приведу фрагмент работы Сергея Александровича Нилуса «На берегу божьей реки», часть вторая.

«При особе Ея Императорского Величества, Государыни Императрицы Александры Федоровны состояла на должности обер-камер-фрау Мария Федоровна Герингер, урожденная Аделунг, внучка генерала Аделунга, воспитателя Императора Александра II во время его детских и отроческих лет. По должности своей, как некогда при царицах были «спальные боярыни», ей была близко известна самая интимная сторона царской семейной жизни, и потому представляется чрезвычайно ценным то, что мне известно из уст этой достойной женщины.

В Гатчинском дворце, постоянном местопребывании Императора Павла I, когда он был наследником, в анфиладе зал была одна небольшая зала, и в ней посередине на пьедестале стоял довольно большой узорчатый ларец с затейливыми украшениями. Ларец был заперт на ключ и опечатан. Вокруг ларца, на четырех столбиках, на кольцах, был протянут толстый, красный шелковый шнур, преграждавший к нему доступ зрителю. Было известно, что в этом ларце хранится нечто, что было положено вдовой Павла I, Императрицей Марией Федоровной, и что было завещано открыть ларец и вынуть в нем хранящееся только тогда, когда исполнится сто лет со дня кончины Императора Павла I и притом только тому, кто в тот год будет занимать царский престол России.

Павел Петрович скончался в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Государю Николаю Александровичу и выпал, таким образом, жребий вскрыть таинственный ларец и узнать, что в нем столь тщательно и таинственно охранялось от всяких, не исключая и царственных, взоров.

«В утро 12 марта 1901 года, — рассказывала Мария Федоровна Герингер, — и Государь и Государыня были очень оживлены и веселы, собираясь из Царскосельского Александровского дворца ехать в Гатчино вскрывать вековую тайну. К этой поездке они готовились, как к праздничной интересной прогулке, обещавшей им доставить незаурядное развлечение. Поехали

они веселые, но возвратились задумчивые и печальные, и о том, что обрели они в том ларце, никому, даже мне, с которой имели привычку делиться своими впечатлениями, ничего не сказали. После этой поездки я заметила, что при случае Государь стал поминать о 1918 г., как о роковом годе и для него лично и для династии».

Далее Сергей Нилус приводит описание следующего происшествия, подтверждающего вышеприведенное заявление М. Ф. Герингер.

«6 января 1903 г. на Иордани, у Зимнего дворца, при салюте из орудий от Петропавловской крепости, одно из орудий оказалось заряженным картечью, и картечь ударила только по окнам дворца, частью же около беседки на Иордани, где находилось духовенство, свита Государя и сам Государь. Спокойствие, с которым Государь отнесся к происшествию, грозившему ему самому смертию, было до того поразительно, что обратило на себя внимание ближайших к нему лиц окружавшей его свиты. Он, как говорится, бровью не повел и только спросил:

— Кто командовал батареей?

И когда ему назвали имя, то он участливо и с сожалением промолвил, зная, какому наказанию должен будет подлежать командовавший офицер:

— Ах, бедный, бедный (имярек), как мне жаль его!

Государыня спросила, как действовало на него происшествие. Он ответил:

— До 18-го года я ничего не боюсь...

Известны и другие независимые свидетельства того же толка. Так, например, уже упоминавшийся выше посол Франции в России Морис Палеолог сообщает ставшее ему известным по своим каналам. Передавая свою беседу с Сергеем Дмитриевичем Сазоновым, с декабря 1910 по июль 1916 г. занимавшим пост министра иностранных дел России, он пишет в дневнике 20 августа 1914 г.: «Мы говорим об императоре; я говорю Сазонову:

П. А. Столыпин

— Какое прекрасное впечатление вынес о нем на этих днях в Москве. Он дышал решимостью, уверенностью и силой.

— У меня было такое же впечатление, и я извлек из него хорошее предзнаменование... но предзнаменование необходимое, потому что...

Он внезапно останавливается, как если бы он не решился окончить свою мысль: я убеждаю его продолжить. Тогда, беря меня за руку, он говорит мне тоном сердечного доверия:

— Не забывайте, что основная черта характера государя есть мистическая покорность судьбе.

Затем он передает мне рассказ, который он слышал от своего beau-frere (своеяка) Столыпина, бывшего премьер-министра, убитого 18 сентября 1911 г.

Это было в 1909 г., когда Россия начала забывать кошмар японской войны и воспоследовавших за ней мятежей. Од-

нажды Столыпин предлагает Государю важную меру внутренней политики.

Задумчиво выслушав его, Николай II делает движение скептическое, беззаботное, движение, которое как бы говорит: «Это или что-нибудь другое — не все ли равно»... Наконец, он заявляет грустным голосом:

— Мне не удастся ничего из того, что предпринимаю, Петр Аркадьевич. Мне не везет... К тому же человеческая воля так бессильна...

Мужественный и решительный по натуре Столыпин энергично протестует. Тогда царь у него спрашивает:

— Читали вы Жития Святых?

— Да, по крайней мере, частью, т. к., если не ошибаюсь, этот труд содержит около двадцати томов.

— Знаете ли вы, когда день моего рождения?

— Разве я мог бы его не знать? Шестого мая.

— А какого святого праздник в этот день?

— Простите, государь, не помню.

— Иова Многострадального.

— Слава Богу, царствование вашего величества завершится со славой, т. к. Иов, смиренно претерпев самые ужасные испытания, был вознагражден благословением Божиим и благополучием.

— Нет, поверьте мне, Петр Аркадьевич, у меня более чем предчувствие, у меня в этом глубокая уверенность: я обречен на страшные испытания; но я не получу моей

награды здесь, на земле... Сколько раз я примерял к себе слова Иова: „Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня, и чего я боялся, то и пришло ко мне” („Книга Иова“. II, 2, 5).

А если ко всему сказанному выше напомнить, что в 1903 г. журналисту «Ребуса» Сербову стало известно о появлении в 1902 г. специального циркуляра, запрещающего не только печатать что-либо новое об Авеле, но даже и перепечатывать старое, то становится почти фактом, что все это следствие пророчеств Авеля, дошедших, по-видимому, в гатчинском ларце до адресата — Николая Александровича Романова.

Здесь следует обратить внимание и на то, что столетний срок хранения (истекший как раз в 1901 г., предвещающий появление названного циркуляра) отсчитывается со дня смерти императора Павла I. А ведь именно Павел имел неоднократные и, судя по всему, поначалу спокойные, не отягощенные трагическими деталями беседы с Авелем, до 1797-1798 гг.

Причем — и этому также следует уделить внимание — Апель в силу косноязычия своего или по другим причинам склонен был излагать прогнозы в письменном виде. Одно из его творений такого рода и могло быть доверено на хранение опечатанному ларцу в Гатчинском дворце.

Вы не согласны? Да, у меня на руках нет фактов, нет копий документов, выбивших из колеи императорскую чету 12 марта 1901 г.

Но... Кое-какие сообщения, подтверждающие именно такой ход событий, известны.

Наступило время дать слово офицеру русской армии, монархисту, участнику Первой мировой войны Петру Николаевичу Шабельскому-Борку (1896-1952).

Петр Николаевич участвовал в попытке освобождения царской семьи из екатеринбургского заточения. В многочисленных исторических исследованиях, основанных на уникальных документах, им собранных, исчезнувших во время Второй мировой войны в Берлине, где он в то время жил, Шабельский-Борк основное внимание уделял эпохе Павла I.

Петр Николаевич писал под псевдонимом Кирибеевич. В начале тридцатых годов он издал историческое сказание «Вещий инок», посвященное Авелю, фрагменты из которого приведены ниже.

Вещий инок

«В зале был разлит мягкий свет. В лучах догоравшего заката, казалось, оживали библейские мотивы на расшитых золотом и серебром гобеленах. Великолепный паркет Гваренги блестел своими изящными линиями. Вокруг царили тишина и торжественность.

Пристальный взор Императора Павла Петровича встретился с кроткими глазами стоявшего перед ним монаха Авеля. В них,

как в зеркале, отражались любовь, мир и отрада.

Императору сразу полюбился этот, весьма овеванный смирением, постом и молитвою, загадочный инок. О прозорливости его уже давно шла широкая молва. К его келии в Александро-Невской лавре шел и простолюдин, и знатный вельможа, и никто не уходил от него без утешения и пророческого совета. Ведомо было Императору Павлу Петровичу и то, как Авель точно предрек день кончины его Августейшей Родительницы, ныне в бозе почивающей Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны. И вчерашнего дня, когда речь зашла о вешем Авеле, Его Величество повелеть соизволил завтра же нарочито доставить его в Гатчинский дворец, в коем имел пребывание Двор.

Ласково улыбнувшись, Император Павел милостиво обратился к иноку Авелю с вопросом, как давно он принял постриг и в каких монастырях был.

— Честной Отец! — промолвил Император. — О тебе говорят, да и я сам вижу, что на тебе явно почиет благодать Божия. Что скажешь ты о роде моем, царствовании и судьбе моей? Что зришь ты прозорливыми очами о роде моем во мгле веков и о Державе Российской? Назови поименно преемников моих на престоле Российском, предреки их судьбу.

— Эй, батюшка-Царь! — покачал головой Авель. — Почто себе печаль предречь меня принуждаешь? Коротко будет царст-

*Павел 1.
Неизв.
скульптор*

вие твое, и вижу я, грешный, лютый конец твой. На Софрония Иерусалимского от неверных слуг мученическую кончину приемлешь, в опочивальне своей удушен будешь злодеями, коих греешь ты на царственной груди своей. В Страстную субботу погребут тебя... Они же, злодеи сии, стремясь оправдать свой великий грех царевубийства, возгласят тебя безумным, будут поносить добрую память твою... Но народ русский правдивой душой своей поймет и оценит тебя и к гробнице твоей понесет скорби свои, прося твоего заступничества и смягчения сердец неправедных и жестоких...

— Что ждет преемника моего, Цесаревича Александра?

— Француз Москву при нем спалит, а он Париж у него заберет и Благословенным наречется. Но тяжек покажется ему венец царский, и подвиг царского служения заменит он подвигом поста и молитвами и праведным будет в очах Божиих.

— А кто наследует Императору Александру?

— Сын твой, Николай...

— Как? У Александра не будет сына. Тогда Цесаревич Константин...

— Константин царствовать не восходит, памятуя судьбу твою... Начало же царствования сына твоего Николая бунтом вольтеррианским зачнется, и сие будет семя злотворное, семя пагубное для России, кабы не благодать Божия, Россию покрывающая. Через сто лет после того ос-

кудеет дом Пресвятыя Богородицы, в мерзость и запустение Держава Российская обратится.

— После сына моего Николая на престоле Российском кто будет?

— Внук твой, Александр Второй. Царем-Освободителем предназначенный. Твои замыслы исполнит — крестьян освободит, а потом турок побьет и славянам тоже свободу даст от ига неверного...

Царю-Освободителю наследует Царь-Миротворец, сын его, и твой правнук, Александр Третий. Славно будет царствование его. Осадит он крамолу окаянную, мир и порядок наведет он.

— Кому передаст он наследие царское?

— Николаю Второму — Святому Царю, Иову Многострадальному подобному. На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет народом своим, как некогда Сын Божий. Война будет, великая война мировая... По воздуху люди, как птицы, летать будут, под водою, как рыбы, плавать, серою зловонной друг друга истреблять начнут. Измена же будет расти и умножаться. Накануне победы рухнет трон Царский. Кровь и слезы наполнят сырую землю. Мужик с топором возьмет в безумии власть, и наступит поистине казнь египетская...

— Прадед мой, Петр Великий, о судьбе моей рек то же, что и ты. Почитаю и я за благо о всем, что ныне предрек о потомке моем Николае Втором, предварить его, да-

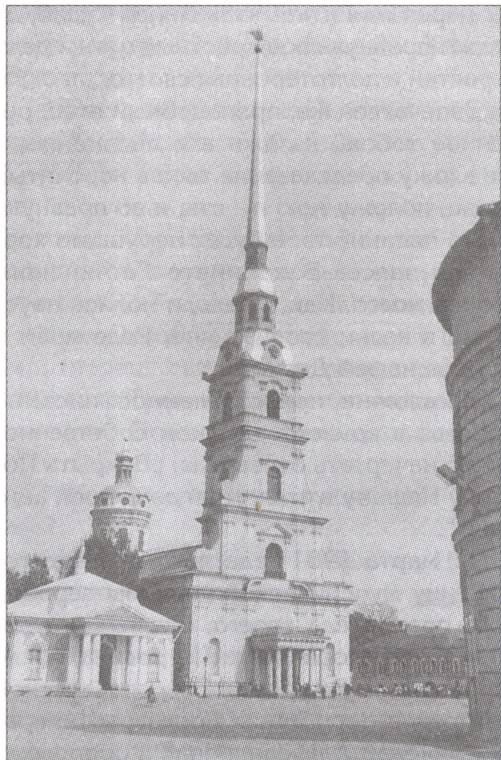
бы перед ним открылась Книга Судеб, да ведает правнук свой крестный путь, среди страстей и долготерпенья своего...

Запечатлей же, преподобный отец, реченное тобою, изложи все письменно, я же вложу предсказание твое в нарочитый ларец, положу мою печать, и до правнука моего писание твое будет нерушимо храниться здесь. В кабинете Гатчинского дворца моего. Иди, Авель, и молись неустанно в келии своей о мне, Роде моем и счастье нашей Державы.

И, вложив представленное писание Авелево в конверт, на оном собственноручно начертать соизволил: „Вскрыть Потомку Нашему в столетний день моей кончины“.

11 марта 1901 года, в столетнюю годовщину мученической кончины державного прапрадеда своего, блаженного памяти Императора Павла Петровича, после заупокойной литургии в Петропавловском соборе у его гробницы, Государь Император Николай Александрович в сопровождении министра Императорского двора генерал-адъютанта барона Фредерикса и других лиц свиты изволил прибыть в Гатчинский дворец для исполнения воли своего в Бозе почивающего предка.

Умилительна была панихида. Петропавловский собор был полон молящихся. Не только сверкало здесь шитье мундиров, присутствовали не только сановные лица. Тут были во множестве и мужицкие сермяги, и простые платки, а гробница им-

*Петропавловский собор
в Петропавловской крепости*

ператора Павла Петровича была вся в свечах и живых цветах. Эти свечи, эти цветы были от верующих в чудесную помощь и представительство почившего Царя за потомков своих и весь народ русский. Вочию сбылось предсказание вещего Авеля, что народ будет чтить память Царя-Мученика и притекать к гробнице

Его, прося заступничества, прося о смягчении сердец неправедных и жестоких.

Государь Император вскрыл ларец и несколько раз прочитал сказание Авеля Вещего о судьбе своей и России. Он уже знал терновую судьбу, знал, что недаром родился в день Иова Многострадального. Знал, как много придется ему вынести на своих державных плечах, знал про близкие грядущие кровавые войны, смуту и великие потрясения Государства Российского. Его сердце чуяло и тот проклятый черный год, когда он будет обманут, предан и оставлен всеми...»

Известно о существовании еще одного предсказания, адресованного Николаю II.

Симбирский купец Николай Александрович Мотовилов, волею судьбы — «служка», т. е. монастырский прислужник отца Серафима, страдал каким-то заболеванием ног, почему неоднократно обращался как к отцу Серафиму, так и к другим старцам, известным своими способностями целителей. Именно он описывает, как в сентябре 1832 года перед отъездом в Воронеж, в расчете на исцеление там посредством молитв епископа Воронежского и Задонского Анатолия, был удивлен обращением к нему отца Серафима, передавшего ему перед отъездом запечатанный мягким хлебом пакет со словами: «Ты не доживешь, а жена твоя доживет, когда в Дивеево приедет вся царская фамилия и Царь придет к ней! Пусть она ему передаст!»

Как ни странно, такой момент действительно наступил. Супруга Мотовилова Елена Ивановна умерла лишь в 1910 г. и, таким образом, осуществилась ее встреча с Николаем.

Не имея возможности в данной работе сколь-нибудь подробно рассказать о деяниях Серафима Саровского, замечу, что молва о чудесах отца Серафима разнеслась по всей Руси. И в начале 1903 г., не без участия Николая, Серафим Саровский был канонизирован, а останки его признаны святыми мощами.

Именно 19 июля 1903 г. в Саровской пустыни состоялось торжественное прославление старца Серафима. Окрестность была занята бараками и палатками, вмещавшими бесчисленных паломников, съехавшихся со всей Руси на торжественное моление.

Был на этом молебне и Николай, которому жена Мотовилова передала завещанное отцом Серафимом письмо, им запечатанное хлебом.

Государь прочитал его и горько заплакал, однако никому не сообщил о содержании сего послания.

Оно так и осталось нераскрытым.

Не исключено, что придирчивый читатель сочтет приведенные в работе свидетельства, размышления, факты недостоверными, недоказательными, измышленными или слишком, так сказать, «художественными», посчитает их цитирование излишним. Что касается, на-

пример, Шабельского-Борка, то его собрание раритетов эпохи Павла Первого, погибших во время Второй мировой войны, позволяет полагать наличие в его творении «Вещий инок» ценных сообщений, что следует иметь в виду.

Так, представляет интерес перечисление лиц, близких к императору, присутствовавших во время церемонии вскрытия ларца, возможно, как-то отразивших в мемуарах или переписке количество, объем заложенного в ларец материала, его содержание, что полезно для грядущего поиска.

Несомненно, интересно было бы узнать, были ли поименно названы в бумагах, заложенных в ларец, потомки Павла Первого, либо перечислены лишь поочередно его потомки по мужской линии, которые займут трон после Павла? Сколько их? Были ли даты их правления?

Да мало ли что можно открыть в случае успеха?

Что касается возможных сомнений читателей в достоверности заявлений Шабельского-Борка, то позволю привести отрывок работы А. Д. Хмелевского «Таинственное в жизни Государя императора Николая II»: «Императору Павлу I Петровичу монах-прозорливец Авель сделал предсказание о судьбах державы Российской, включительно до праправнука его, каковым и является Император Николай II. Это пророческое предсказание было вложено в конверт с наложением личной печати императора Павла I с его собствен-

норучной надписью: «Вскрыть потомку нашему в столетний день моей кончины». Все Государи знали об этом, но никто не дерзнул нарушить волю предка. 11 марта 1901 года, когда исполнилось 100 лет согласно завещанию, Император Николай II с министром двора и лицами свиты прибыл в Гатчинский дворец и, после панихиды по императору Павлу, вскрыл пакет, откуда и узнал свою тернистую судьбу. Об этом пишущий эти строки знал еще в 1905 г.!»

Николай. II

Обратите внимание на последнюю фразу! Таким образом, повествование Шабельского-Борка может быть достаточно близким к истине.

Замечу: вряд ли стоит слишком критично относиться к ряду разночтений в воспоминаниях и записках разных лиц. Людям свойственна некоторая вариативность восприятия. Так, например, Герингер заявляет, что документы были заложены на сохранение вдовствовавшей императрицей Марией Федоровной, тогда как по свидетельству А. Д. Хмелевского это сделано было самолично Павлом Петровичем. То же касается и даты вскрытия ларца. Но вряд ли так важно, в какой именно день это имело место. Важнее — что это было.

Именно это обстоятельство является ценным — фактологичность и потрясающая точность поразительных пророчеств Авеля, выходящих на добрую сотню лет за пределы его жизни. Посему закономерен

вопрос: где же кончается компетенция Авеля, до какой календарной даты какого века проникал его поразительный пророческий взгляд?

Параллельно интересен и закономерен вопрос: что может быть в несомненно существовавших, но ныне утраченных по тем или иным причинам (или еще не обнаруженных?) писаниях, ему принадлежащих?

Быть может, мы сталкиваемся с ними и поныне?

Так, один из моих знакомых, М. С. С., кандидат технических наук, человек энциклопедических знаний, обладающий поистине безграничной памятью, к тому же на протяжении сознательной жизни конспектирующий все им услышанное, узнанное, увиденное, рассказал мне недавно о разговоре, случайным свидетелем которого он был много лет тому назад.

В начале 1960-х гг., будучи в Ленинграде в деловой командировке, стоя в очереди в университетской столовой, он услышал беседу некоего москвича, прибывшего из ФИАНа, с каким-то ленинградцем о том, что недавно в ФИАНе появился некто, принесший какую-то рукописную или старопечатную книгу примерно полуторастолетней давности. А в книге той якобы были приведены предсказания крупных и особо важных событий человеческой истории, простирающихся по меньшей мере до середины XX столетия.

Из них моему информатору запомнились:

1914 — начало войны.

1917-1918 — крушение великой империи.

1939 — начало великой войны.

1945 — будет открыта великая сила природы.

1947 — будет великая сушь.

1948 — родится гений человечества...

И т. д. и т. п.

Было сказано, что книгу это читали и видели многие сотрудники ФИАНа и кто-то даже предложил ее для прочтения тогдашнему директору института Академику Игорю Евгеньевичу Тамму, однако последний отказался, сославшись на то, что юна не по его профилю...».

Разочарованный владелец книги с ней удалился.

В последние годы жизни И. Е. Тамма руководитель моего информатора Михаила Михайловича Бонгарда, по просьбе моего друга, будучи близко знаком с Таммом, спросил его — не помнит ли он об этом эпизоде.

К сожалению, академик не мог вспомнить ничего.

Великое служение Серафима Саровского

250 лет назад, 19 июля по старому стилю (1 августа по новому) 1754 г., в Курске в семье Исидора и Агафьи Мошниных родился сын, которого окрестили Прохором. Никаких знамений и вообще ничего необычного в тот день не произошло. Т. е. ничто не указывало на рождение великого подвижника Преподобного Серафима Саровского — одного из самых почитаемых русских святых. Впрочем, чудеса не заставляли себя долго ждать.

Исидор Мошнин пользовался в Курске уважением, поскольку занимался делом благоутробным — созиданием. Имел купец несколько кирпичных заводиков и брал подряды на строительство церквей и домов. Участвовал он и в сооружении храма во имя Преподобного Сергия Радонежского по проекту знаменитого Растрелли. Когда Исидор внезапно умер — Прохору минуло только восемь лет — заботы о продолжении строительства легли на плечи вдовы купца. Агафья была женщиной не только умной и распорядительной, но и милосердной, набожной. В таком же духе

она воспитала сына. Прохор быстро выучился грамоте. Его любимыми занятиями вскоре стали чтение Евангелия и молитвы в уединении.

Однажды Агафья взяла с собой сына в еще недостроенный храм. На колокольне мальчик решил посмотреть вниз: перегнулся через перила и... с огромной высоты полетел к земле. Мать с криком бросилась вниз. За считанные секунды она оказалась рядом с Прохором — невредимым, сияющим радостной улыбкой.

А через некоторое время Прохор тяжело заболел. Ждали уже и смерти ребенка. Но была ему уготована иная доля: явилась Прохору во сне Богоматерь и обещала исцелить его. Несколько дней спустя мимо дома Мошниных проходил крестный ход с иконой Знамения Пресвятой Богородице. Агафья вынесла мальчика, и тот приложился к образу. А через неделю был здоров. Куряне поняли, что младший Мошнин охраняем особым Промыслом Божиим.

Сам Прохор все больше склонялся к тому, чтобы принять монашеский постриг. Девятнадцати лет от роду он объявил матери, что собирается в Киево-Печерскую лавру — просить благословения у старцев на поселение в Саровской пустыни. Агафья благословила сына большим медным крестом, который он носил до самой кончины...

13 августа 1786 г. послушник Прохор был пострижен в монахи. Отныне имя его стало Серафим. Еще через восемь лет,

*Святой преподобный отец Серафим
(в миру Прохор) принимает благословение
от матери на иноческую жизнь.
Литография И. А. Морозова*

20 ноября 1794 г., по благословению настоятеля Саровской обители стал он отшельником. Поселился отец Серафим в лесу на берегу реки Саровки в убогой избушке. Ходил он в одной и той же одежде: белый балахон из полотна, кожаные рукавицы и кожаные бахилы, поверх которых

надевались лапти; на голове — старенькая камилавка. Носил вериги — весили они одиннадцать килограммов — и тяжелый железный пояс. Зимой в сильные морозы подкладывал отец Серафим под железо тряпку, чтобы к телу не примерзало.

Был при келье небольшой огородик. Выращивал там отшельник лук, морковь, свеклу, картофель — все в мизерном количестве. В зимнюю пору колол дрова, но чаще для изнурения тела переносил морозы, не затопляя в доме печку. В баню не ходил никогда, однако запах от него был чистый, словно от младенца. И все делал отец Серафим с пением молитв, тропарей и канонов. Пища земная была ему мало нужна — он отказался от хлеба, в постные дни, среду и пятницу, и воды не пил. Чтoб смирить «печаль души» — стал молчальником. Большую часть времени проводил в келье. Если кого-то встречал в лесу, безмолвно падал на колени, склоняясь до земли. Монастырь перестал посещать даже по праздникам.

Стремясь подчинить духу брeнное тело, Преподобный Серафим взвалил на себя тяжелый подвиг столпничества. Недалеко от кельи выступала из земли гранитная скала. После захода солнца отшельник поднимался на нее и всю ночь молился, вздев руки к небу. В келье он также поставил камень и, преклонив на него колени, молился с утра дотемна. Так провел пустынножитель тысячу дней и тысячу ночей. Позднее один из паломников, узнав о

столпничестве батюшки, воскликнул, что это выше человеческих сил. Отец Серафим с улыбкой заметил: «Симеон Столпник сорок семь лет провел в этом подвиге, разве мои труды похожи ли хоть отчасти на его?»

В награду за смирение, за искреннее покаяние, горячие молитвы и духовные подвиги Господь наградил старца даром прозорливости.

Одним из первых, кто посетил отца Серафима после того, как тот прервал обет молчания и затворничества, стал император Александр I. В течение неспешной беседы прозвучало и предсказание: «Продлится твой род триста лет и три года. Начался он в доме Ипатьева и кончится в доме Ипатьева». Действительно, первый государь из рода Романовых, Михаил, был избран на трон в 1613 г. в Ипатьевском монастыре Костромской губернии. Ситуация со вторым домом Ипатьева прояснилась в 1918 г., когда была расстреляна царская семья...

Николай Александрович Мотовилов — духовное чадо Преподобного Серафима — записал многие пророчества старца. Тот предсказал восстание декабристов, Крымскую войну 1853-1855 гг. Из девятнадцатого столетия Преподобный Серафим увидел двадцатое: перед ним предстал 1917 г. Вот что записал за старцем Мотовилов: «До рождения Антихриста произойдет великая продолжительная война и страшная революция в России,

превышающая всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее: бунты Разинские, Пугачевские, Французская революция — ничто в сравнении с тем, что будет с Россией. Произойдет гибель множества верных Отечеству людей, разграбление церковного имущества, уничтожение и разграбление богатства добрых людей, реки крови русской прольются. Но Господь помилует Россию и приведет ее путем страданий к великой славе...»

А вот пророчество еще не сбывшееся: «Мир будет стоять еще лет 500-600, пришествие Антихриста повлечет за собой закрытие всех храмов, однако в Дивееве церковь устоит, и в ней будут совершаться литургии, во время которых будут причащаться последние христиане».

Умер Преподобный 2 января 1833 г. Как написано в Житие старца, «отец Серафим, в белом балахоне, скрестив руки на груди, стоял на коленях перед иконою Божьей Матери. Думали, что спит. Стали будить и лишь тогда поняли, что он мертв».

В 1903 г. Преподобный Серафим Саровский был канонизирован, и в Дивеевской женской обители (сестрам которой он постоянно оказывал духовную помощь) установили раку с его мощами. На торжествах присутствовал последний русский император Николай II с женой и детьми. Здесь ему и вручили пророчество Преподобного. Незадолго до смерти отец Серафим передал Николаю Мотовилову

*Блаженная кончина святого преподобного
отца Серафима, Саровского Чудотворца.
Литография Соловьева*

собственноручно написанное письмо и сказал: «Ты не доживешь, а жена твоя доживет, когда в Дивеево придет вся царская фамилия, и царь придет к ней. Пусть она ему передаст». Так все и произошло. Прочитав письмо, Николай II горько заплакал, затем долго молился. Никому не удалось более узнать, что содержалось в послании, — государь его уничтожил...

В 2003 г. отмечалось столетие со дня канонизации — прославления Преподобного Серафима Саровского. Тогда в Сарове обнаружили остатки кельи старца. И теперь, в год празднования 250-летия со дня рождения Святого, также не обошлось без знаменательных событий. Во время восстановления Казанской церкви в Серафимо-Дивеевском монастыре, когда строители только приступили к очистке стен от плесени, вдруг сами собой стали проявляться фрески — светло и строго взглянули на мирян апостолы Петр и Иоанн Богослов.

Другое чудесное явление наблюдали паломники по дороге в Дивеево. Остановились они в селе Ореховец. Отслужили литургию в местном храме. А когда вышли на улицу, то увидели в небе знамение: облака приняли четкое очертание креста. И продолжалось это в течение 15-20 минут. Будем надеяться, что это было Божье благословение...

Этьен Боттино, заглянувший за горизонт

Портовая контора располагалась на берегу, в десятке метров от кромки прибоя. 20 июня 1782 г. погода была превосходной. Служащий конторы Этьен Боттино долго вглядывался в даль, потом прогулялся вдоль берега, снова посмотрел в сторону моря. За его действиями внимательно следили десятки любопытных жителей. Все ждали чуда.

Боттино неспешно подошел к конторе, открыл дверь.

— Ну и как? — спросил управляющий.

— Все в порядке, — отвечал Боттино. — Кораблей еще не видно, но я чувствую: через четыре-пять дней они войдут в порт.

В указанный срок корабли не появились. Не пришли они и через неделю. На Боттино посыпались насмешки.

Суда французской эскадры вошли в Порт-Луи через девять дней. Их задержал шталь.

Об Этьене Боттино и его удивительных предсказаниях не подозревают многие

Маврикий. Чайные плантации

знатоки истории Маврикия. Единственное упоминание о нем на русском языке приведено в книге южноафриканского писателя Лоренса Грина «Острова, не тронутые временем».

В общем-то жителям острова, такого незаметного рядом с огромным Мадагаскаром, грех жаловаться на недостаток литературы об их родине. Сообщения первых португальских, голландских путешественников, зарисовки знаменитых европейских художников, губернаторские отчеты, научные доклады геологов, зоологов и географов, восторженные произведения все-

мирно известных писателей (здесь в свое время жили Марк Твен, Конрад, Парни), сухие записи британских, французских и прочих флотоводцев. А до них здесь бывали и арабские купцы, и индонезийские мореходы...

На Маврикии много необычного. Именно здесь обитала крупная, похожая на индюка, бескрылая птица дронг, истребленная задолго до учреждения Красной книги. Знамениты цветные пески Шамарель: словно застывшие волны — оранжевые, лиловые, синие. Если перебросить горсть песка в соседнюю волну, он тут же, как заправский хамелеон, меняет цвет: зеленое становится красным, желтое растворяется в пурпуре...

Удивительна здешняя культура — причудливая смесь индийских, китайских, английских и африканских обычаев и языков. Литература о Маврикии насчитывает тысячи книг и статей.

Несмотря на это, разыскать дополнительные сведения об Этьене Боттино оказалось непросто. Запросы в крупнейшие библиотеки мира ничего не дали. Библиотека Конгресса, Вашингтон — отказ. Библиотека Британского музея, Лондон — отказ. Музей Человека, Париж — нет сведений.

И вдруг, когда надежда почти угасла, приходит пакет из Порт-Луи, от друзей из посольства, а в нем — ксерокопии исторических документов, сведения о Боттино, почерпнутые в Государственном национальном архиве Маврикия.

Согласно «Биографическому словарю маврикийцев» — Порт-Луи, 1955 г. — он родился в 1739 г. во французском местечке Шантосо, умер в Маврикии 17 мая 1813 г. «В 1762 г. на борту одного из судов Королевского флота Франции ему пришла в голову идея, будто бы движущиеся корабли должны производить в атмосфере определенный эффект».

Талант, не признанный чиновниками

Год спустя Боттино прибыл на Иль-де-Франс (так прежде назывался Маврикий) и годом позже получил должность инженера. «Плененный чистым небом в большее время суток и тем, что лишь немногие суда проходили вблизи острова без того, чтобы появиться в пределах видимости, Боттино возобновил опыты. Через шесть месяцев он настолько преуспел в тренировках, что стал заключать пари. Вовсе без подозрительной трубы он предсказывал за два-три дня появление на горизонте любого судна».

В 1780 г. Боттино сообщил о своих способностях морскому министерству Франции маршалу де Кастри. Тот распорядился регистрировать все наблюдения Боттино в течение двух лет. Они начались 15 мая 1762 г. Боттино сообщил тогда о скором появлении трех судов, которые и показали 17, 18 и 26 мая. А потом про-

изошел тот самый случай, с которого и начался наш рассказ...

Свой секрет Боттино оценил в сто тысяч ливров плюс ежегодное пособие в 1200 ливров — ведь в 1778-1782 гг. он предсказывал приход 575 судов за четыре дня до их появления в пределах видимости. Однако губернатор вместо испрошенных денег вручил Боттино рекомендательное письмо и отправил его во Францию.

За время плавания в Европу он немало удивил команду и пассажиров, угадав появление 27 встречных судов, и неоднократно заявлял, что может определять близость земли, скрытой за горизонтом. Однажды он предупредил капитана, что до земли, не различимой невооруженным глазом, осталось не более тридцати лиг. «Капитан сказал, что этого не может быть, — писал Боттино. — Однако внимательно просмотрев навигационные расчеты, вынужден был признать, что в них вкралась ошибка, и тотчас изменил курс. На протяжении пути я определял землю трижды, один раз на расстоянии 150 лиг».

В июле 1784 г. Боттино прибыл во Францию, но аудиенции у министра ему добиться не удалось. Однако он не терял времени даром и «всячески развлекал публику Лорьяна, привычно применяя свои способности в порту этого городка». А в вестнике «Меркюр де Франс» появились «Выдержки из собственных воспоминаний месье Боттино о «наускопии» («морское видение» — такое название дал он своему таинственному дару).

Тайна наускопии

Способностями служащего с далекого острова в Индийском океане заинтересовался Жан-Поль Марат, писавший в то время трактат по физике для того же издания. Марат сообщил о таланте Боттино в Лондон, но побывать в Англии тому так и не удалось. В июне 1893 г. он вернулся на Маврикий, где «многие граждане просили его продолжить опыты по наускопии».

(Кстати, обнаружить в трудах Марата упоминания о Боттино пока не удалось. Видимо, в московских книгохранилищах имеются не все сочинения француза.)

О сущности своих методов Боттино высказывался весьма туманно. «Судно, приближающееся к берегу, производит на атмосферу определенное воздействие, — писал он Марату, — и в результате приближение его можно выявить опытным глазом, прежде чем корабль достигнет пределов видимости. Моим предсказаниям благоприятствовали чистое небо и ясная атмосфера, которые господствуют большую часть года на Иль-де-Франсе. Я пробыл на острове шесть месяцев, пока не убедился в своем открытии, и оставалось только набраться опыта, чтобы наускопия стала подлинной наукой».

Тем не менее на Маврикии у Боттино нашлись последователи. 22 ноября 1810 г. житель Панплемусса некто Фейяфе, который работал прежде у Боттино и наблюдательным пунктом которому служила

Восход Луны над морем. Худ. Каспар Давид Фридрих

вершина Монтань-Лонг, обнаружил, по его утверждению, английский флот, направляющийся к Иль-де-Франсу. Чуть позже Фейяфе отчетливо распознал на северо-востоке скопление судов, которые двигались в сторону острова Родригес, но не смог определить точное их число. Он продолжал наблюдения и убедился в своей правоте, когда флот подошел ближе, хотя и не появился еще на горизонте.

Фейяфе отправился в Порт-Луи. «Через 48 часов, — заявил он, — мы увидим английский флот». В городе вспыхнула паника. Фейяфе «по причине распространения ложных слухов» посадили за решетку, однако на всякий случай послали судно на Родригес — узнать, что там происходит. Но было уже поздно. 26 ноября сначала

двадцать, а затем еще тридцать четыре корабля британского королевского флота появились у берегов Иль-де-Франса...

Фейяфе освободили лишь после взятия острова англичанами. Маврикийский историк Пьер де Сорнэ, рассказавший об этом эпизоде в своей книге, считает, что Фейяфе был, вероятно, единственным, кого обучил Боттино своему удивительному мастерству.

Непознанное искусство XVIII в.

Скупые сведения о загадочном таланте Этьена Боттино есть и в «Секретных мемуарах, служащих для освещения истории Республики с 1764 года до наших дней». В 12 томе этой своеобразной летописи Франции XVIII в. имеется запись от 30 апреля 1785 г.: «Месье Боттино, старый служащий Ост-Индской компании на островах Иль-де-Франс и Бурбон (ныне — Реюньон), только что опубликовал записку для правительства, в которой настаивает на том, что нашел физический метод обнаружения кораблей на расстояниях до 250 лье. Он открыл его около двадцати лет назад; изучил его, прошел путь ошибок и неуверенности, действовал на ощупь, пока не добился успеха — стал заранее сообщать о приходе судов, их числе и удалении от берегов. Из 155 судов, чей приход был им предсказан

(цифра сильно занижена по сравнению с другими данными), половина пришла в порты, а что касается остальных, то он дал такое объяснение: ветры, боевые действия или иные препятствия побуждали капитанов неожиданно изменить курс. Одним из самых впечатляющих его результатов было предсказание появления английского флота, в т. ч. корвета и фрегата, подошедших два дня спустя. Этот факт упоминали офицеры и адмиралы бывшие в то время на островах».

А вот запись от 28 июля 1785 г.: «Боттино в одном из писем объясняет свои феноменальные способности тем, что он закончил школу животного магнетизма в Коломбо, где жил и общался с индусами, которые могут творить чудеса. В Париже над способностями Боттино посмеялся граф М. де Сегюр, высмеивавший вообще всех гипнотизеров».

И наконец сообщение от 1 марта 1786 г. Здесь приведены выдержки из собственных воспоминаний месье Боттино о наускопии.

«Уважаемая публика может вспомнить о моих опытах, проделанных в июле 1783 г. при большом скоплении народа, а также организованных «Сосьете популер» города Порт-Луи в мае 1784 г. Впрочем, это не гарантировало меня от нападок: меня высмеивали в тех случаях, когда я предсказывал приход судна, а оно не появлялось. Разгадка тут простая, оно шло не к нашему острову. Эти люди, в действиях которых нет про-

блеска мысли, не верят ничему, сомневаясь во всем, все подвергают осмеянию, говорят, что я — шарлатан, а того, что я делаю — не может быть. Я вынужден жить среди этого сброда, тупых и жестоких людишек, погруженных в рутину, в штыки воспринимающих любое открытие и даже новость, хотя бы на йоту выпадающие из их собственного примитивного понимания мира».

Между тем факты предугадывания Боттино прихода или близкого прохождения судов подтверждались в конце XVIII, начале XIX в. газетными сообщениями и записями в судовых журналах.

В своих воспоминаниях, из которых до нас дошли лишь фрагменты, Боттино горько жалуется на атмосферу непонимания, неверия в его способности, окружающую его, несмотря на тридцатилетний опыт работы и безошибочные предсказания прихода сотен судов. «Я стал очередной жертвой колониальной рутины на далеких, забытых богом и наукой островах, которые страдают от деспотизма чиновников, — писал он. — Если раздражение и разочарование станут причиной моей кончины, прежде чем я смогу объяснить свое открытие, то мир лишится на некоторое время знания об искусстве, которое сделало бы честь XVIII веку.

Так оно и случилось: Боттино умер, не доверив своих секретов. В чем суть его открытия? Возможно, достижения современной науки биолокации помогут раскрыть его тайну?

Кочкарев, опасный прорицатель

В начале 1789 г. московскому генерал-губернатору Петру Дмитриевичу Еропкину донесли: намедни в Первопрестольной объявился странный бродяжка, одетый в потрепанную монашескую рясу. Отираясь возле церквей и других людных мест, он за день до случившегося удивительным образом предсказал пожар в доме купца Ахлопкова — подбежал к строению и начал кидать пригоршнями снег в окна! В полиции бродяга рассказал, что зовут его Логин Трифонов-сын по прозванию Кочкарев. Он, мол, увидел дом горящим и поспешил его тушить. Логина заперли в холодную, а на следующий день дом купца действительно загорелся!

На повторном допросе Кочкарев показал, что ему около 60 лет и всю жизнь он странствует по святым местам, предсказывая людям судьбу и рассказывая о грядущих событиях. Подобной публики, охочей выдавать себя за разных кудесников и пророков, на Москве всегда хватало, и генерал-губернатор уже хотел было приказать дать бродяге батогов, чтобы тот со-

знался, из какого монастыря сбежал, да призадумался — ведь Логин сидел в холодной и никак не мог поджечь дом. Вдруг он и правда способен предвидеть будущее?

Любознательный Петр Дмитриевич приказал привести Кочкарева. Вскоре бродягу доставили под караулом. Сначала для порядка постращав арестанта дыбой и кнутом, генерал ехидно поинтересовался: а может ли Логин сказать, что ожидает Еропкина в самом ближайшем будущем? Кочкарев несколько не смутился и уверенно объявил: не далее как на завтрашний день губернатора ожидают нечаянные великие радости! В ответ генерал весело расхохотался: нечего сказать, ловок шельма! И махнул рукой, чтобы увели кудесника, да пообещал, что примерно разберется с ним назавтра, после «великих радостей».

К немалому изумлению Еропкина, на следующий день действительно случились нечаянные великие радости — императрица щедро наградила за его верную службу, прислав в подарок усыпанную драгоценными камнями золотую табакерку с собственным портретом: это почиталось равносильным награждению высшим орденом!

Генерал приказал выпарить Кочкарева в бане, переодеть, хорошо накормить и вновь доставить к нему для «конфиденциальных бесед». Вскоре эти «беседы» закончились тем, что прорицателя заключи-

Пожар Москвы в 1812 г. Худ. И. Ругендас

ли в секретную камеру тюрьмы и приставили к ней строгий караул, а Еропкин спешно погнал в столицу фельдъегеря с личным письмом императрице Екатерине II. Он писал об удивительных предсказаниях Кочкарева, точно указавшего на наступление некоторых событий. Но главное, им предсказано: в 1812 г. в Россию вторгнутся европейские народы под предводительством самозванного царя «из немцев» и после страшного сражения возьмут Москву, которая сгорит дотла! Еропкин всерьез опасался, что, если страшные пророчества просочатся на волю, вполне может вспыхнуть бунт.

Ответ из Санкт-Петербурга пришел удивительно быстро и оказался неожиданным. Генерал знал: матушка-императрица отличалась критическим складом ума и никогда не жаловала всяких юродивых, предсказателей и пророков. Поэтому он полагал, что она повелит без лишнего шума убрать Кочкарева из Первопрестольной или сделать так, чтобы он больше никогда не пророчествовал. Но императрица приказала немедля отправить провидца в столицу!

Дальнейшая судьба Логина Трифоновича складывалась так. В Петербурге его тщательно обследовали придворные медики, и после этого он получил аудиенцию у императрицы. Позднее она писала Петру Дмитриевичу, что прорицатель и ей повторил предсказание о войне, которая случится в 1812 г. и непременно окончится полной победой России. Также Кочкарев предсказал долгую войну на Кавказе, присоединение к империи многих земель в Азии и страшную войну в начале XX в. Что еще рассказал провидец матушке-императрице — осталось тайной. Скорее всего, она узнала нечто крайне неприятное или слишком страшное, поскольку после аудиенции всякие следы прорицателя Кочкарева совершенно теряются. Вероятно, он закончил жизнь в Петропавловке или Шлиссельбурге, а всего вернее — подольдом Невы: слуги императрицы умели накрепко затыкать рты.

Предвиденья божьего человека

Среди московских пророков первой половины XIX в. Иван Яковлевич Корейша слыл самым знаменитым. Его комната в Преображенской психиатрической больнице всегда была переполнена народом. К нему шли важные чиновники и люди простого звания. Одни видели в нем провозвестника слова божьего, другие — безумца. Несмотря на то, что жизнь Ивана Яковлевича более сорока лет проходила на глазах у всех, личность его осталась во многом загадочной.

Роковой совет

Иван Яковлевич родился в Смоленске в семье священника (год рождения его неизвестен). Для своего времени он получил хорошее образование: сначала окончил духовную семинарию, а потом и духовную академию. Однако сан священника принять не пожелал, и был направлен учителем в духовное училище.

Проработав там несколько лет, Корейша отправился в путешествие по святым

*Площадь провинциального города.
Худ. Е. Ф. Крендовский*

местам — посетил Киев, Соловки, Нилкову пустынь, где ему очень понравилось, и он задержался тут на три года, работая вместе с монастырской братией и выполняя все возложенные на него обязанности.

По возвращении в Смоленск ему пришлось снова занять место учителя, но работа с детьми была Корейше в тягость. Тогда он бросил ее и стал вести жизнь городского юродивого. Скорее всего, к тому времени у него уже начиналось расстройство рассудка, хотя многие считали, что Иван Яковлевич — вполне в своем уме, а безумие и юродство его — мнимые.

Тем не менее многие признавали в нем божьего человека и стали с утра до ночи докучать своими житейскими заботами, прося совета. Это заставило Корейшу бежать от людей: он поселился на огороде в пустом срубе, бывшем когда-то баней. Здесь он проводил время за молитвами и

пением псалмов, но полного уединения так и не добился. Устав от бесконечного потока любопытных, Иван Яковлевич написал и повесил на стене своей хижины письменное объявление, что желающий его посетить должен входить не иначе, как проползая в дверь на коленях. Это сразу отпугнуло многих, но не тех, кто видел в Иване Яковлевиче божьего человека. Так продолжалось до 1817 г., когда приключилась история, резко переменившая его жизнь.

В начале того года через Смоленск проезжал столичный вельможа. И приглянулась ему красавица-дочь одной бедной чиновничьей вдовы. Узнав, что девушка воспитана в строгости, вельможа пошел на хитрость: выдал себя за холостяка и стал к этой девушке свататься с тем условием, что свадьбу сыграют уже в Петербурге. Мать не знала, что делать: боязно отпускать дочь в дальний путь с незнакомым человеком, но и жених был завидный — упускать соблазнительную партию никак не хотелось.

Тогда вдова и решила испросить совета у Корейши. Выслушав ее рассказ, юродивый засмеялся: «Какой брак?! Да у него жена и трое детей!» Так и оказалось.

Оболганный и заточенный

Столичный ловелас счел себя оскорбленным, а вскоре дознался, кто расстроил его замысел. И тогда он решил отомстить Корейше. Используя свои связи, он

представил дело так, будто в Смоленске живет буйный умалишенный, который вторгается в жизнь достойных людей и своими безумными советами строит им козни. Опасно, полагал вельможа в своем прошении, оставлять его на свободе, надо бы поскорее запереть в сумасшедший дом.

Правда, в Смоленске такого дома не было, и власти решили отправить Корейшу в Москву. Вывозили его тайно ночью, чтобы жители Смоленска, многие из которых к Ивану Яковлевичу относились уважительно, не встали на его защиту. Корейшу связали, уложили на телегу и прикрыли сверху рогожами, чтоб никто не узнал.

17 октября 1817 г. Ивана Яковлевича доставили в Преображенскую больницу.

Поволокли в подвал, где держали буйных, бросили на сырой пол и приковали к стене. Врачи сюда заглядывали редко и потому больные были полностью отданы на произвол служителей. Злобная, очерстевшая от общения с безумцами баба, кинула Ивану Яковлевичу клок сырой соломы:

— Что, мало? Может, перину дать?! Потерпишь!

И Корейша смиренно терпел. Он не жаловался, да и некому было жаловаться, только худел день ото дня, т. к. вся его еда состояла из куска черного хлеба и воды. Выпустили Ивана Яковлевича из подвала только через три года, когда он от истощения превратился в скелет, обтянутый кожей. Тогда в больницу был назначен новый главный врач Саблер, сторонник гуманно-

го обращения с умалишенными. Проинспектировав больницу, он пришел в ужас от того, что творилось в подвалах. Корейшу немедленно освободили от цепей и перенесли в чистую палату, уложив на кровать, покрытую белыми простынями.

Доходный пациент

К тому времени Иван Яковлевич был уже в Москве известен как пророк. Впервые о нем возвестил другой блаженный — крестьянин Костромской губернии Иван Павлович, содержащийся в больнице наверху. Когда к Ивану Павловичу пришел посетитель, молодой фабрикант-суконщик Лука Афанасьевич, он встретил его с распростертыми объятиями, расцеловал и радостно сказал: «Ты, друг мой, смущаешься, а я радуюсь за тебя, радуюсь тому, что Бог удостоил тебя послужить не одному мне, а гораздо выше меня. Постарайся с любовью послужить доброму делателю винограда Христова, за то и сам получишь награду. Ступай, отыщи его, он находится под нами, в подвале».

Молодой человек заинтересовался сказанным и, обратившись к администрации больницы, был допущен в подвал. Там он нашел Ивана Яковлевича, после чего стал часто приходить к нему беседовать. Когда пророчества Корейши стали сбываться, узником подвала заинтересовались знакомые Луки Афанасьевича, потом стали

Купец и нищие. Худ. И. С. Щедровский

приходить знакомые этих знакомых, и молва о необычном юродивом распространилась по всей Москве.

...Отлежавшись на чистых простынях и окрепнув физически, Иван Яковлевич перебрался на пол, в угол около печки. Он определил себе территорию в два квадратных аршина и никогда ее не покидал. Остальную же часть большой комнаты отдал посетителям, коих ежедневно стало набиваться в палату десятками. С тех пор Корейша никогда не садился на стул: либо лежал на полу, либо стоял. Даже писал стоя. И только под старость, когда ослабел, большей частью лежал на полу.

Тем временем администрация больницы сообразила пускать посетителей по билетам. За вход была установлена плата —

20 копеек. Так как ежедневно приходило по 60 человек и более, набиралась значительная сумма. На эти деньги удалось улучшить питание больных, купить им чистое белье, благоустроить больницу, привести в порядок сад. Сам Иван Яковлевич денег не брал, а если кто давал — сразу же находил нуждающегося и отдавал ему.

Впрочем, поведение Корейши было таким, что сомнений в его сумасшествии ни у кого не возникало. С утра до ночи, держа в руках увесистый булыжник, он толоч в порошок камни, кости, бутылки и т. п. Перемешав все с песком, приказывал служителям выносить это вон и доставлять новый материал. Часто Иван Яковлевич заставлял заниматься этим странным делом и посетителей. Ел без ложки, прямо руками. Подаваемую пищу смешивал в одной кастрюле, так что она приобретала вкус помоев. Если его угощали фруктами — Корейша их не ел, а натирал ими стены. Если приносили нюхательный табак, посыпал им голову и одежду, а затем отдавал больным или посетителям.

Деньгам он вообще не придавал значения: «У нас одежонка пошита и хоромина покрыта, находи нуждающихся и помогай им!» Часто даже заставлял богатых посетителей оказывать помощь неимущим, которых он мгновенно, ни о чем не спрашивая, обнаруживал. Однажды к нему пришла за советом бедная женщина, но из благородных. Народу у Ивана Яковлевича в тот день было особенно много, и она держалась по-

одадь, в дверях, надеясь побеседовать, когда в комнате станет посвободней. Какая-то купчиха в благодарность за прежнюю услугу преподнесла Ивану Яковлевичу целый рулон дорогой шелковой материи. Он благосклонно принял подарок и сразу же направился с ним к бедной женщине: «На вот! Продай, и детям хлеба купишь». Она заплакала и бросилась благодарить, но Корейша уже вернулся на свое место. Еще долго она удивлялась, как он без слов догадался о ее бедственном положении: она жила с детьми в такой нужде и нищете, что уже три дня почти ничего не ела, и детей, идя сюда, оставила голодными.

Провидец жизней человеческих

Рассказы об удачных советах и предсказаниях Корейши передавались из уст в уста. Вот один из таких рассказов. Некий богач задумал строить дом. У него было много предложений о продаже земельных участков, но он никак не мог решить, какому отдать предпочтение.

— Сколько мне земли покупать? — спросил он, придя к Ивану Яковлевичу.

— Три аршина.

И действительно, вскорости богач умер.

Спросили Корейшу о молодоженах, как будут жить. «То врозь, то вместе, то врозь, то вместе!» Не прошло и года после

свадьбы, как супруги разошлись, через некоторое время — сошлись снова, и потом всю жизнь так и продолжалось.

Супругам-помещикам, отправлявшимся в Киев, Корейша сказал на дорогу: «С горы поедешь, а на гору пешком пойдешь». Первый день они ехали с ямщиками нормально, но им не понравилось, что те не желали останавливаться там, где им хотелось, и задерживались подолгу там, где не было ничего интересного. «Уж лучше мы купим свою лошадь и поедem сами!» Так и сделали. Лошадка резво бежала по дорожке, вскачь спустилась с горы, но подыматься в гору не пожелала. Как ее ни хлестали вожжами — стояла точно вкопанная. Пришлось барам сойти с повозки и идти пешком. И так повторялось всякий раз, когда дорога шла в гору. Тут они поняли смысл предсказания.

Богомолка, отправлявшаяся в Иерусалим, решила испросить у Ивана Яковлевича благословения. Он ответил: «Посиди у моря, подожди погодки». Смысл слов она поняла в Одессе, где закончилось ее путешествие: Черное море штормило, два парохода утонуло, было много жертв, и она не отважилась ехать дальше.

Другому паломнику на Святую Землю Корейша подробно описал весь путь, упомянул даже Бар-град (город Бари в Италии). Тот удивился, но смолчал: какой может быть Бар-град, когда дорога в Палестину вовсе не проходит через Италию?! Но в Средиземном море его корабль

попал в шторм, потерял управление и был вынужден направиться к ближайшему порту — им, как ни удивительно, оказался именно Бари.

Александр Федорович Киреев, автор книги о Корейше, вспоминает эпизод из своей жизни. Когда он собирался жениться, его отец послал Ивану Яковлевичу записку: «Благословите раба Александра вступить в брак с рабою Федосьею». На этой же записке был начертан ответ: «Не с Федосьею, а с Анной». Тогда на этот ответ никто не обратил внимания: сватовство было в полном разгаре. Но оно все же как-то расстроилось, а через два года А. Ф. Киреев действительно женился на Анне.

Он же вспоминает, как Иван Яковлевич излечил его от холеры, и приводит другие многочисленные случаи чудесных исцелений.

За год до начала Крымской войны Корейша засадил своих посетительниц щипать корпию раненым и требовал заготавливать сухари — видно, знал уже, что беды не миновать. В один из дней Иван Яковлевич был грустен, задумчив и ни с кем не разговаривал. Он все смотрел на иконы, а на глазах наворачивались слезы. Потом приподнялся с пола и сказал: «Нет у нас, детушки, более царя, уволен раб от господей своих, он теперь как лебедь на водах». Никто ничего не понял, а на следующий день по всей Москве продавались афишки, извещающие о кончине Николая I и восшествии на престол Александра II.

Свои письма Корейша подписывал: «Студент холодных вод Иван Яковлев». Часто, когда дело оказывалось сложным, он на клочке оберточной бумаги писал витиеватое послание самому митрополиту. Удивительно, но митрополит по просьбе Ивана Яковлевича действительно оказывал подателю послания солидную денежную помощь.

За несколько лет до смерти, по настоянию своей племянницы, жены диакона, Корейша послал кому-то из высокопоставленных лиц такое письмо: «Обратите милостивое ваше внимание на Ивана Яковлевича, исходатайствуйте ему свободу из больницы на чистый, прохладный воздух, к родной племяннице моей диаконнице Марии. За таковое ваше милосердие воздаст вам Бог и Господь и Дух Святой, во Единой Троице славимый! Аминь». К тому времени никто уже Ивана Яковлевича не считал буйным, и его просьба была уважена. Но когда ему объявили, что можно уйти из сумасшедшего дома, то он сказал, что идти никуда не хочет, а тем более — в ад.

Последние три года Иван Яковлевич почти все время лежал. Рано утром 6 сентября 1861 г. он попросил священника соборовать его и приобщить святых тайн. По ходатайству племянницы усопшего похоронили по правую сторону от церкви села Черкизово. На могиле в день погребения отслужили семьдесят панихид, а затем долгое время совершалось до двадцати панихид ежедневно.

Пифия с улицы Турнон

Она была очень противоречивой личностью...

Вся жизнь Анны-Мари Ленорман остается для нас недостаточно понятной, окутанной как бы мистических флером, хотя факты биографии достаточно конкретны, рассказывает историк Сергей Первушин.

Сотни упоминаний о ней в записках современников создают один образ, мнения дотошных биографов — совершенно иной, а те, кто жил уже после нее и использовал чьи-то рассказы, сообщают совсем другое.

Ее называли «королевой прорицательниц» и «ясновидящей для королей», но также «Сивиллой лжецов» и «Пифией обманщиков». Если эти два последние определения признать правдивыми, то как объяснить полувековую славу Ленорман в Европе? И острый посмертный интерес к ней и ее предсказаниям?

Даже теперь, полтора века спустя после ее кончины, туристские справочники, начиная с прославленного Бедекера, упо-

Вид Парижа, одного из самых крупных городов Европы в XVIII в.

минают — наряду с Нотр-Дам и королевским дворцом — ее дом на улице Турнон как одну из достопримечательностей, которые нужно обязательно посетить.

Ее родиной был Алансон, город на севере Франции, знаменитый своими кружевами уже много веков, и не только в Европе.

Отец-ткач безумно ревновал мать — Аделаиду Жюбер, заслуженно считавшуюся самой красивой женщиной в городе.

Аделаида поочередно родила ему трех девочек. Старшая и младшая были очаровательны, унаследовав красоту матери; средняя — Анна-Мария-Аделаида — оказалась попросту непривлекательной: низкого роста, с покатыми плечами и слишком

продолговатым лицом; его, правда, украшали глаза — большие, темные, очень проницательные.

Были у нее и другие положительные качества — в школе Алансонского монастыря девочка отличалась интеллигентностью и быстротой восприятия. «Ее способности граничат с ясновидением», — записал в аттестате ее учитель, аббат Прольи. Согласитесь, что подобное мнение служителя церкви что-то да значит.

И для этого были основания. Она предсказала, например, смерть настоятельницы монастыря (внешне вполне здоровой) и указала ее преемницу. А одной из послушниц — вместо пострижения — похищение из монастыря, свадьбу с любимым человеком и множество детей в будущем.

Она преуспевала в школьных предметах. В будущем недоброжелатели станут сомневаться в этом, т. к. с возрастом «пророчица королей» имела трудности с орфографией.

Во время очередной эпидемии, опустошавшей Францию, скончались и ткач, и его прекрасная жена, а три дочери стали бедными сиротами. Будущее для младшей и старшей могло рисоваться в розовых красках — они были прелестны и удачное замужество решило бы все проблемы.

Анне-Марии можно было полагаться только на свою проницательность и удивительный дар.

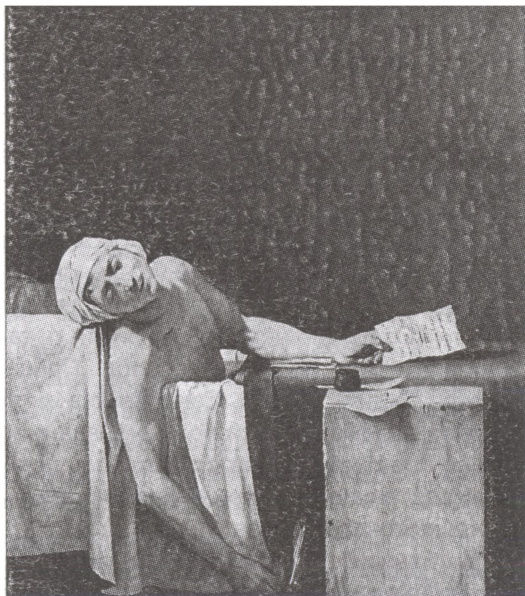
Пророчица французской революции

В начале французской революции, в разгар террора, она очутилась в Париже. Двадцатилетней провинциалке нужен был покровитель — им стал журналист Жак Эрбер, которого называли «кровожадной акулой революции». Он был членом парижского магистрата, издавал популярную газету «Отец Дюшен» — главный орган пропаганды во времена террора. Правда ли это? Судить трудно. Сама Ленорман не любила вспоминать эти времена, как и то, что ее пророческим даром пытались пользоваться люди из журналистских кругов очень высокого уровня.

Ее близкий человек, помощник пекаря Фламмермон, познакомил Анну-Марию с известной гадалщицей мадам Жильбер. Более опытная гадалка с удовольствием использовала дар молодой компаньонки, знакомя ее с «правилами» ремесла, вырабатывавшимися в течение веков.

Как писал позднее писатель Ленотр (не любивший нашу героиню), «...чем более отвратительна современность, тем с большим интересом люди хотят заглянуть в будущее».

Времена были страшные, никто не знал, что с ним будет завтра. Анна-Мария вначале пыталась не пользоваться картами и прочими профессиональными атрибутами, а лишь смотрела в глаза обратившегося к ней. Но это не очень нравилось

*Смерть Марата. Худ. Ж.-Л. Давид.
Г-жа Ленорман предсказывала эту смерть*

многочисленным клиентам, желавшим за свои деньги получить настоящее гадание.

Пришлось перейти на обычную для гадальщиц «обрядность».

Удачные предсказания событий личной жизни клиентов становились известны ближнему окружению, а затем и более широким кругам. Ясновидящая воспитанница алансонских монахинь начала приобретать реноме в определенных кругах.

Служба безопасности якобинцев обратила на нее внимание, но не нашла ничего «общественно вредного» в ее деятельности.

Фламмермон имел более серьезные амбиции, чем выпечка булок, и уговорил Анну-Марию совместно редактировать газету для женщин «Словечко на ухо, или Дамский Дон-Кихот». Увы, парижанки того смутного времени не оценили журналистских талантов булочника и ворожеи. Газета перестала выходить после восьмого номера.

Литературоведы недавнего прошлого разыскиали чудом сохранившиеся в архивах экземпляры «Дамского Дон-Кихота» и с полным основанием заявили, что оформление и содержание газеты далеко опережало аналогичные издания тех времен. Просто не сумели найти своего читателя...

«Дитя Нового Света предсказывает будущее»

Такие рекламные объявления расклеивал в Париже верный Фламмермон, когда его приятельница, оставив свою старую патронессу, открыла собственный салон для гадания.

Она выдавала себя за американку, недавно приехавшую во Францию. Биографы писали, что ее кабинет, очень скромный вначале, уже тогда был весьма посещаем.

А через пять лет стал самым престижным салоном в Европе. Для того чтобы попасть к «Пифии», приходилось записы-

ваться за неделю, а то и за месяц вперед. Злые языки, конечно, сообщали, что за особо высокую плату можно было попасть на сеанс немедленно.

Неуверенность в завтрашнем дне собирала здесь лишившихся имений и привилегий аристократов, заговорщиков, желавших знать шансы на захват власти. «Акулы террора» также боялись потерять головы, как и те, что с «голубой кровью». Приходило и множество простых жителей Парижа, мечтая узнать, что сулит им судьба.

«Молодая американка» — так представлялась публике Анна-Мария — предостерегала, утешала, а временами говорила вещи просто удивительные.

Именно тогда ее посетила молодая женщина в трауре. Она сказала, что ее муж, виконт, был гильотинирован на Гревской площади. А теперь ее благосклонности добивается некий военный родом с Корсики. Увы, более молодой и вдобавок — бедный.

«Выходите за него замуж. Вас ждет корона императрицы», — сказала Анна-Мария изумленной Жозефине Богарне. Благодаря этому будущая супруга — вначале генерала, позже — первого консула, а затем — императора Наполеона — стала верной клиенткой пророчицы. И обеспечила приток в ее салон публики из самых высоких сфер.

С самого начала карьеры прорицательницы Анна-Мария проявила отличное по-

нимание психологии своих клиентов — и сразу уточняла их материальные возможности.

Вновь пришедшего сажали за стол, покрытый зеленым сукном. На нем был живописно разложен веер из очень красивых карт. Их было 72, они отличались от традиционных карт таро; на каждой были изображены мифологические сцены, созвездия, известные древним астрономам, и растения, обладающие волшебными свойствами.

Если Анна-Мария сама разработала (как утверждала) гадательную колоду, то должна была иметь серьезные знания по мифологии, ботанике и астрономии, что свидетельствует о хорошем уровне обучения в Алансоне.

Ленорман, проницательно всматриваясь в глаза клиента, задавала ему разнообразные вопросы: в каком месяце родился, какая первая буква его имени, в какой местности родился, какое животное ему наиболее симпатично, а какое вызывает наибольшее отвращение, какой цветок любит... Получив ответы на эти и иные вопросы, не имевшие прямого отношения к причине обращения за предсказанием, она спрашивала также о размере суммы, которую клиент предназначил для оплаты. Разница была значительная — от 10 до 400 франков.

О том, что многие не жалели золотых монет, чтобы приподнять завесу будущего, говорят тайные рапорты агентов па-

рижской полиции, хранящиеся до сих пор в архиве. Например, жена главного коменданта парижских стражей порядка в течение полутора лет (1807-1808 гг.) оставила у Пифии с улицы Турнон 4 тысячи франков золотом.

С ней советовался Наполеон

Кто и о чем спрашивал Анну-Марию? Она сообщает в воспоминаниях, что сильные мира сего поверяли ей свои заботы и беспокойства. За зеленым столом символические карты решали государственные дела, судьбы народов, династические браки, мирные переговоры и объявление войны.

Она пишет, что предостерегала Александра I о возможном покушении, указав время и место, что старалась отговорить императора Наполеона (якобы часто советовавшегося с ней) от войны с Россией. И что зловещий расклад гадальных карт очень опечалил императрицу Жозефину, предсказывая ей скорый развод и повторный брак бывшего мужа...

Советовался ли с Ленорман император? Известны несколько случаев, когда ее привозили в закрытой карете во дворец, но к нему или к Жозефине?

Есть интересное свидетельство современника, что знаменитый впоследствии польский поэт оказался в числе скромных клиентов за 10 франков. Юлий Словацкий подробно описал визит к Пифии в письме

*Бюст
Наполеона I
Скульптор
Б. Торвадсен*

к матери, в Варшаву. Анна-Мария ему не понравилась. «Старая, толстая, низкого роста, с горбом на спине, одетая во что-то серое. На голове — множество искусственных локонов...»

Понимая, что имеет дело с небогатым чужеземцем, Парижская Сивилла предложила ему предсказание за 6 франков. После того, как Юлий Словацкий ответил на обычные вопросы, начала предсказывать. Говорила монотонно и очень быстро. Высказывалась о будущем, вроде: «Будешь любить дважды; не советую отправляться в путешествие до получения письма; через девять месяцев получишь судьбоносное сообщение; закончи, что начал». Поэт был разочарован. «Напускает туман и этим привлекает клиентов, не обладающих здравым рассудком», — так закончил Словацкий свое описание визита к Ленорман.

Многие современники отмечают, однако, заметное различие в характере предсказаний для «дешевых» и «богатых» клиентов. Для первых Анна-Мария не желала тратить свою жизненную энергию, не вникала в суть проблем, а лишь приближалась к ним и варьировала набор фраз, дающих скорее намек на прорицание.

Кстати, если кто-то из читателей побывал у профессиональной гадалки (или ваши знакомые пользовались их услугами) — не поленитесь, расспросите бывшего клиента. И вы поразитесь убогому однообразию предсказаний: «опасайся... избегай... у тебя есть враг... тебя ждет

встреча...» И так далее — набор варьирует, но он не слишком разнообразен. Ведь профессиональные ухватки передаются из поколения в поколение.

Важные («дорогие») клиенты обслуживались несколько иначе.

У них зачастую прямо спрашивали о характере проблемы или возможных вариантах ее решения, из которых можно было что-то выбирать. Иногда предсказания бывали очень конкретными.

Мужу известной балерины Пифия рекомендовала не пускать ее на представления в течение трех дней. Предупредила мужа, что он не должен объяснять жене причину такого решения. Поэтому он попросту устроил семейную ссору, разыграл обиду и достиг того, что актриса отказалась танцевать. Но на следующий день отговорить ее не удалось. Во время сложного пируэта та оступилась и сломала ногу. Была в большой претензии к мужу и гадалке (которая, кстати предсказала быстрое выздоровление, что и произошло впоследствии). Графине В. советовала спрятать одежду любовника, чтобы он не мог отправиться куда-то (оказалось, что на дуэль). Тот воспользовался одеждой дворецкого — и был смертельно ранен.

Учитывая спекулятивный характер операций, проводившихся «Ориент-банком», можно было предположить его возможный крах, что и сделала Ленорман в предсказании для одного из клиентов. Информация была кем-то сообщена в газету. К Пифии

явился один из генеральных директоров, возмущенный до чрезвычайности. И хотя большинство клиентов не сомневалось в прочном положении банка, очень скоро последовал крах. Немногие, поверившие пророчице и изъявшие свои вклады, громко благодарили «Парижскую Сивиллу».

Подобные случаи становились известны парижской публике, увеличивая доверие к пророчествам Анны-Марии.

Фраза в конверте

Не однажды Ленорман влияла на моду, говоря ведущим кутюрье, какие цвета благоприятны в следующем сезоне.

Необычный случай связан с примадонной оперы «Зизи» Бланш. Ленорман предсказала ей удачное продолжение карьеры, но отказалась говорить о судьбе дочерей.

Возмущенная дива на следующий день прислала мужа. Анна-Мария вручила ему конверт с надписью: «8 августа», и предупредила, что жене говорить ничего нельзя, а тем более вскрывать конверт ранее указанного срока.

В конце июля одна из дочерей заболела. Небольшая лихорадка не внушала опасений. Затем состояние резко ухудшилось. И тогда отец вспомнил о конверте, хотя срок вскрытия еще не наступил. Внутри был листок с короткой фразой:

«Никто и ничем помочь ей не сможет».

Отец бросился к Ленорман, однако та лишь повторила ему эти слова. В ночь на 8 августа маленькая страдальца скончалась.

Впавший в отчаяние отец, заподозрив «черную магию» предсказания, хотел убить Пифию. Но священник, которому он исповедался, сумел отвести его от преступного замысла.

Обо всем этом стало известно уже после смерти Ленорман.

Взгляд в будущее императора

Существует несколько версий предсказания судьбы Наполеона. Первая изложена самой Ленорман, описывающей краткий визит к ней первого консула в начале 1800 г. Многословное, изложенное выпендренным слогом, оно характерно для «дорогостоящих» предсказаний, но дает лишь общий абрис судьбы.

В бумагах императора, увезенных британцами после его смерти на острове Святой Елены и возвращенных во Францию спустя несколько десятилетий, был найден листок без даты (что не характерно для Наполеона), на котором кратко изложено аналогичное предсказание. Оно отнесено к иному лицу, но нет сомнения, что это — вариант изложенного мадам Ленорман. Трудно сказать, почему Наполеон со-

*Наполеон I после отречения от престола
6 апреля 1814 г. Худ. Поль Деларон*

хранил его. Возможно, это произошло случайно.

Весьма вероятно, что Жозефина, не сообщая деталей, дала понять мужу о каком-то важном прорицании и уговорила Наполеона посетить салон Пифии (в те времена Бонапарт вынужден был сам отправляться к Ленорман).

Предсказание гласило (в изложении Наполеона): «Придет время, когда он будет на вершине славы, но его гений повелит идти дальше. Упорство воли приведет его к неограниченному самовластию. Препятствия не смогут остановить его. Все преграды, стоящие на пути, будут преодолены. Благодаря гениальности, он овладеет тронном. Но затем его участь будет ужасной, непоправимой».

За последним словом, будто рука писавшего дрогнула, до края листка протянулась чернильная полоска.

Лабори де Ланзак, известный знаток времен Наполеона, вскользь упоминает о беседе с неким оккультистом того времени, который считал, что предвидение Ленорман позволило будущему императору «осознать вектор судьбы», т. е. увериться в своем высоком предназначении.

А зловещий финал? Наполеон не обратил внимания на подобную деталь, казавшуюся ему только вероятной.

Теперь — предсказание в изложении мадам Ленорман: «Придет то время, когда вы будете на недостижимой высоте славы, но ваш гений будет пылать высочайшим, повелительным и безмерным честолюбием. В вас глубоко таится источник великого, неколебимого самовластия, безмерно-упорной силы воли, постоянно тянущейся к непринужденному неограниченному господству. Провидение неоднократно наносило вам смертельные удары, но не могло сло-

мать вашей закаленной, как сталь, воли. Вы — гений, вы преодолеете все в жизни, покорите и разрушите все преграды, стоящие на пути вашей жизни. Благодаря этому и гениальному уму вы овладеете тронном, и потом вас постигнет ужасная, печальная участь, ничем и никогда непоправимая».

Ленорман и декабристы

Многие молодые офицеры русской армии, победоносно вошедшей в Париж во время освободительного похода в Европу, слышали о мадам Ленорман и направлялись в ее салон, чтобы узнать свою судьбу.

Изустные семейные предания и записки современников называют разные имена, но бесспорно, что Ленорман двоим из них, входившим в «смертную пятерку», предсказала судьбу достаточно точно. Вначале говорила о какой-то странной участи. Они настаивали на уточнении; тогда Пифия недвусмысленно объявила, что вопрошающий будет повешен. Возмущению офицера не было предела: «Я дворянин. В нашей стране дворян не вешают!»

Но Ленорман, указав на разложенные карты, повторила сказанное.

Зловещее пророчество оправдалось.

*Виселицы и силуэты пяти
казненных декабристов
(страница рукописи А. С. Пушкина)*

Мать Полины Гебль, еще не обвенчанной с И. А. Анненковым, осужденным на 15 лет каторги, но полной решимости последовать за любимым человеком (и отцом ее только что родившейся дочери) в Си-

бирь, по просьбе дочери обратилась к мадам Ленорман. Но предоставим слово самой Полине Анненковой («Воспоминания»), которую в Иркутске догнало письмо из Парижа: «Перед отъездом из Москвы я писала матери и просила сходить к мадам Ленорман, известной гадальщице, и спросить ее о моей участи. Мать писала, что исполнила мое желание и что м-м Ленорман удивила ее, во-первых, тем, что сказала прямо, что она спрашивает ее о своей дочери, которая сейчас далеко и судьба которой очень странная, что много придется ей испытать, много пережить, что предстоит ей опасность, которая, однако, минует.

Действительно, вскоре по приезде в Читу, меня чуть не убили, и мне кажется, что об этом именно и говорила м-м Ленорман. Но самое интересное в предсказании было то, что она говорила матери, что после долгих испытаний, когда мужу моему будет от 50 до 60 лет, он получит то, что потерял, хотя не все. Ивану Александровичу Анненкову было 55, когда он вернулся в Россию, и родственники возвратили ему довольно значительную часть из его состояния».

Следует отметить, что произошло это «возвращение» после личного вмешательства императора, которому сообщили, как осужденный декабрист был зверски обобран дальними родственниками сразу после отправки на каторгу.

Пифия и власти предержащие

В воспоминаниях современников много прямых и косвенных указаний на обращение к Ленорман большей части «сильных мира сего» тогдашней Франции. В дневниках Талейрана есть неясные намеки на то, что всемогущий министр пользовался услугами Пифии. Нет, не для того, чтобы узнать о своем будущем. С его-то амбициями, хитростью и предусмотрительностью! Он был слишком уверен в себе.

Он знал, что одним из предварительных условий конкретных предсказаний было хотя бы приблизительное, в общих чертах ознакомление с сутью проблемы. Именно таким образом она становилась обладательницей множества секретов — не только интимных отношений или имущественных дрызг, но и политических планов владетельных особ, международных соглашений и тайн финансовых операций.

И эти тайны соглашалась продать — за большие деньги, конечно, однако не во вред своей репутации, с условием, что не будут нарушены ее предсказания, если они входили в противоречие с изменением ситуации.

Еще раньше министр полиции, всемогущий Жозеф Фуше неоднократно встречался с Пифией на тайной квартире в центре Парижа. Она во многом зависела от его благорасположения, так что выби-

*Шарль
Морис
де Талейран*

рать не приходилось. Жорж Пеллиньи отмечает, что ни Фуше, ни Анна-Мария никогда не упоминали о своих взаимовыгодных отношениях.

Это сделали недоброжелатели, смакуя обстоятельства их «свиданий». Фуше интересовали и враги режима, и главари преступных сообществ, а Ленорман знала многое.

Время было такое, что люди из самых различных слоев общества тянулись к таинственному, были достаточно суеверны.

В приемной Ленорман толпились политики и дипломаты, военные и банкиры, спекулянты и светские дамы (и, конечно, дамы «полусвета»). Все они жаждали заглянуть в свое будущее, спасительное прозрение было способно решить все проблемы, ответить на все вопросы.

В этой «мутной водиче» страхов, ожиданий, надежд, отчаяния и самых разных иных эмоций можно было выловить очень важные сведения, даже государственного значения.

Гадалка или шпионка?

Многие, писавшие о судьбе одной из наиболее необыкновенных женщин Европы первой половины XIX в., приводили веские доказательства, что Анна-Мария была важным звеном шпионской сети. Что была эта организация создана ранее и Пифия попросту была включена в ее деятель-

ность. Чьи интересы преследовала? Возможно, к ней имели отношение Талейран и Фуше, а также сменивший последнего в 1810 г. генерал Савари, расширивший и укрепивший систему полицейского стека. Возможно, ему не хватало ума, ловкости и изощренной хитрости предшественника, но действуя методом «количества, а не качества», наводнив Париж и страну массой своих агентов, Савари никак не мог оставить без внимания салон мадам Ленорман.

Его шпионы рыскали среди посетителей, сам министр полиции неоднократно встречался с Анной-Марией без всякой конспирации.

Собственно, чему удивляться? Еще в Древней Греции жрецы, окружавшие Дельфийскую Пифию, собирали политические и иные сведения, необходимые для правильных пророчеств. Ведь несмотря на иносказательность, советы Пифии всегда содержали «рациональное зерно», способное подсказать нужное решение.

Доверенные лица вступали в разговоры с ожидавшими доступа в святилище, где стоял прославленный треножник, на котором восседала пифия. Известны случаи, когда жрецы совершали путешествия в иные города, иные страны, чтобы получить сведения на месте (об этом упоминают античные авторы), дабы пророчества были удачны.

Добывавшие сведения жрецы, всегда получали помощь от местных собратьев — корпоративность сословия только облег-

чала контакты. А то, что боги были разные — не имело существенного значения.

Но вернемся в Париж.

Занимались ли Анна-Мария шпионажем в пользу родной Франции? Возможно, ее клиентами были Австрия, Пруссия или Россия. Кто знает...

Некоторые считали, что важные политические сведения она попросту продавала тем, кто больше платил. Само собой разумеется, при гарантиях собственной безопасности.

Самый выдающийся шпион при Савари, Карл Шульмейстер, несколько раз посещал салон Ленорман. Маловероятно, чтобы «император шпионов», как называли его, интересовался своим будущим, тем более в гадательном варианте. Скорее всего, были совсем иные интересы, ибо в регистрационных книгах он был записан под фальшивыми именами. Хотя кто знает? И тогда секретные агенты были достаточно суеверны.

Известно, что квартира Пифии находилась под постоянным полицейским надзором, а в архивах хранятся списки посетителей салона. Причем полиция больше всего интересовалась теми, кто желал остаться анонимным. Это могли быть заговорщики или преступники, неосторожные агенты иностранных держав или опасные безумцы.

И установлением их личностей занимались особенно активно. Дважды в неделю «Сеид Мушар» (т. е. «шейх» полицейских

шпионов), как прозвали Савари, получал подробный список посетителей Ленорман. Но особых трений с полицией у нее никогда не возникало.

«Книги Сивиллы»

Кроме гадательной практики, Ленорман последнюю треть жизни серьезно занялась писательством. Оставила несколько десятков томов, в которых, ссылаясь на каббалистику, астрологию и собственный ментальный дар, сообщала различные пророчества, обычно весьма туманные. Очень высокопарным слогом вещала о будущем Европы и мира. Правда, внимательные читатели «Пророческих воспоминаний Сивиллы» могли заметить, что большая часть из них относилась к событиям, уже происшедшим. Само собой разумеется, даты возглашения пророчеств опережали события на какое-то время. Ленорман уверяла, что не могла обнародовать эти предсказания, т. к. была связана обязательствами перед своими клиентами.

И хотя будущее рисовалось в пророчествах неопределенным и двузначным, оно не было привязано жестко к каким-то точным датам, эти «Книги Сивиллы» пользовались неизменным успехом даже в XX в. и были переведены на многие европейские языки.

Сотворение будущего

Знал ли Жюль Верн более ста лет тому назад, что «Аполлон-11» совершит посадку на Луне в июле 1969 г.? Имел ли он обратную связь с будущим, когда в 1865 г. писал свой роман «С Земли на Луну», а в 1870-м — «Вокруг Луны», обратную связь с идеями, которые он сам спроецировал в следующий век и которые запустили ход событий, результатом которых явился успешный полет на Луну?

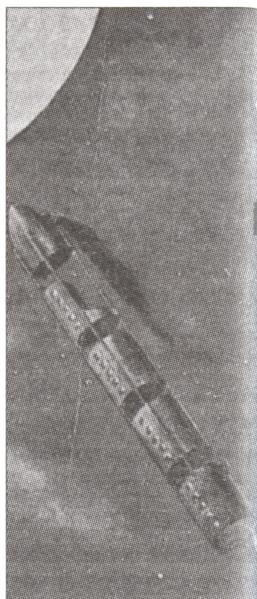
Между событиями двух романов и обстоятельствами реального полета на Луну существует поразительная связь. Рассмотрим эти совпадения. В космическом корабле Жюля Верна было три человека — три астронавта находились на борту «Аполлона-11» и «Аполлона-12». Выдуманный космодром Верна находился в Кейптауне во Флориде — вблизи современного Кейп-Кеннеди. Космический корабль Верна имел конусовидную форму и назывался «Колумбияд» — подобный силуэт имел командный модуль «Аполлона-12», названный «Колумбия».

Верн подсчитал, что «Колумбиад», путешествуя со скоростью 11 километров в секунду — около 40 000 километров в час — достигнет Луны за четыре дня, точнее девяносто семь часов, тринадцать минут и двадцать секунд. «Аполлон-11», скорость которого была порядка 39 000 километров в час, достиг Луны через четыре дня, шесть часов и сорок шесть минут. На путь от Земли до Луны и обратно было затрачено сто девяносто пять часов, восемнадцать минут и тридцать пять секунд — приблизительно девяносто семь часов и чуть более тридцати девяти минут в каждую сторону. Как и современные «Аполлоны», «Колумбиад» был оснащен ракетными двигателями, выводившими его с лунной орбиты и служившими двигателями торможения при входе в земную атмосферу.

В романе Верна расчеты космического полета — угол подъема, полетное время и траектория — были сделаны в Англии в Кембриджской обсерватории. Спустя сотню лет расчеты американского и советского спутников и космических полетов производились Смитсоновской астрофизической лабораторией, расположенной в Кембридже, штат Массачусетс.

Верн, должно быть, понимал, по крайней мере на уровне подсознания, что Советский Союз сначала запустит в космос собак. Поэтому в полете членов экипажа «Колумбиада» сопровождали две собаки.

Подобно современным космонавтам, которые берут в полет пищевые концент-

*Иллюстрация
к роману
Ж. Верна
«С Земли
на Луну»*

раты, не занимающие много места, команда «Колумбиада» употребляла мясо и овощи, уменьшенные сильным гидравлическим прессом до небольших размеров.

Стоит заметить также, что Жюль Верн, будучи французом, роль первопроходца космоса доверил не Франции и не Англии — сильнейшим государствам его времени. Вместо этого он выбрал Соединенные Штаты, относительно молодое государство, не успевшее даже оправиться от гражданской войны.

Также писатель-пророк в некотором отношении предвидел чуть было не ставшие фатальными проблемы, возникшие на «Аполлоне-13». «Колумбиад» намеревался совершить посадку на Луне, но был не в состоянии сделать это. Он вышел на лунную орбиту, и трое героев, так же как астронавты «Аполлона-13», опасались, что либо останутся навсегда на орбите, либо разобьются о саму Луну. Однако, как и в случае с «Аполлоном-13», космонавты Верна смогли запустить двигатели, чтобы сойти с орбиты и вернуться на Землю.

Одно из самых потрясающих совпадений — утечка кислорода на «Колумбиаде» по пути на Луну. Астронавты «Аполлона-13» оказались в опасности в результате взрыва кислородного баллона в сервисном модуле, а космическим путешественникам Верна грозила смерть от удушья и холода из-за больших потерь тепла. Более того, Верн предвосхитил обратное путешествие «Аполлона-13»: его «Колумбиад» благопо-

лучно вошел в земную атмосферу и упал в Тихий океан, где трое астронавтов были подобраны американским судном.

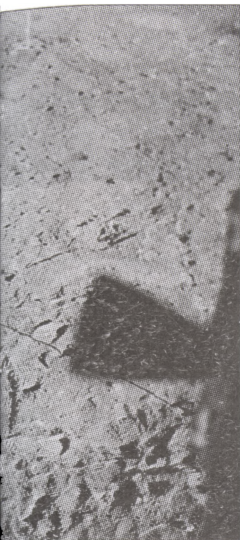
Также интересно отметить, что роман «Вокруг Луны», описавший перипетии путешествия «Колумбиада», был написан ровно за сто лет до полета «Аполлона-13» в апреле 1970 г.

Было ли это простым совпадением? Сам Жюль Верн говорил: «То, что один человек может придумать, другой может сделать». Этим «другим человеком», осуществившим замыслы Верна, стал русский ученый Циолковский, который во времена Верна был мальчиком. Циолковский, которого называют «отцом космонавтики», первым произвел математические расчеты космического полета. Предположив, что для вывода корабля за пределы земной атмосферы необходимо использовать ракетный двигатель, он признался, что вдохновляли его романы Жюль Верна. Циолковский, воодушевленный романами Жюль Верна, также писал научную фантастику, где размышлял на тему покорения человеком космоса.

Идеи французского писателя Жюль Верна вслед за русским ученым Циолковским перенял американец Роберт Годдард, отец современного ракетостроения. То, что Верн вообразил, а Циолковский обосновал, Годдард воплотил в жизнь в результате запуска первой жидкотопливной ракеты в марте 1925 г. Следующим звеном в цепочке стал немец Герман Оберт, который

*Американский
флаг на Луне*

развил науку ракетостроения до ее наивысшей точки — запуска корабля на Луну. Жюль Верн не только предсказал будущее, но и населил его своими идеями. Роман «С Земли на Луну» предвосхитил кульминационный момент в развитии космической технологии и, возможно, являлся свидетельством обратной связи с будущим.

От научной фантастики до реальности — и обратно

Жюль Верн был не первым научным фантастом, творившим будущее космических исследований. Возможно, на Жюль Верна оказал влияние писатель Сирано де Бержерак (невывмышленный герой пьесы Ростана), написавший в 1656 г. книгу «Путешествие на Луну». Писатель-ученый Артур Кларк считает, что де Бержерак предвосхитил изобретение ракетных двигателей.

После Жюль Верна научная фантастика стала популярным жанром, и появилось множество писателей-«пророков». Кларк, Роберт Хайнлайн, Айзек Азимов, Хьюго Гернсбэк и другие следом за де Бержераком и Верном предсказывали возникновение новых космических технологий. В 1946 г. Кларк выдвинул идею «синхронной орбиты». Спустя много лет, в 1963 г., был создан спутник связи, основанный на этом принципе — Синком II, —

а за ним другие из этой же серии и наконец Комсат, который наладил связь между наземными командами НАСА и космическими кораблями.

Даже писатели, не специализировавшиеся на научной фантастике, обращали глаза к небу и «видели» небесные тела, в то время неизвестные науке. Сатирик Джонатан Свифт одним эпизодом своего романа «Путешествия Гулливера» привел в замешательство ученых. Астрономы на его вымышленной земле Лапута обнаружили «Демос» и «Фобос», две луны, вращающиеся вокруг Марса, причем одна быстрее другой — весьма странное поведение для спутников планеты.

Свифт не мог знать в 1726 г., когда была написана книга, о существовании даже одного спутника у красной планеты, не говоря уже о двух. Астрономы — его современники не могли еще в свои телескопы разглядеть их. Две луны были обнаружены только 150 лет спустя, в 1877 г., американским астрономом Азафом Холлом. Встает вопрос — в 1726 г. луны уже существовали?

Одна довольно смелая теория гласит, что по крайней мере Фобос, более быстрый спутник, не существовал в то время и что он представляет собой искусственное тело, возможно полый шар, запущенный на орбиту разумными обитателями Марса. Противники этой теории — а ими являются большинство ученых — придерживаются мнения, что на Марсе нет жизни и

*Деймос,
спутник
Марса*

что его спутники были созданы силами природы.

Свифт не ограничился упоминанием о спутниках Марса и необыкновенной скорости Фобоса. Он привел также описание их орбит, подтвержденное астрономами следующего столетия: «Ближайший (спутник) удален от центра главной планеты ровно на три ее диаметра, а дальний — на пять; период обращения первого равен 10 часам, второго — 21 часу с половиной; так что квадраты их периода обращения практически пропорциональны кубам их удаленности от центра Марса, что, несомненно, указывает на то, что они подчиняются тем же законам гравитации, что и другие небесные тела».

Информация, довольно тяжелая для восприятия неспециалиста, но тем не менее точная. Фобос вращается по орбите Марса в том же направлении, что и сама планета, но почти в три раза быстрее, поэтому он восходит на западе и заходит на востоке. Это единственное известное науке небесное тело, которое вращается вокруг центрального тела быстрее, чем само центральное тело вращается вокруг своей оси, таким образом подкрепляя теорию, что оно является искусственным спутником.

Гордон Эванс в июньском, 1964 г., выпуске журнала «Фейт» указывает на то, что орбита Фобоса сужается. Если это правда, то Фобос, возможно, не существовал во времена Свифта, но подсозна-

тельно писатель предчувствовал, что он появится в 1877 г., когда Холл увидит его в свой телескоп.

Мартин Гарднер в книге «Фантазии и заблуждения» пытается разоблачить такую «чепуху», как пророчества и ясновидение, считая описание марсианских лун, данное Свифтом, «удачным попаданием». Однако история пророчеств преисполнена такими «удачными попаданиями», просто писатели, которые не могут дать более рационального объяснения этому феномену, принимают за обвинять исследователей паранормального.

Давайте продолжим игру в угадку. Возможно, некий марсианин, прочитав «Путешествия Гулливера» в 1726 г., подумал, что было бы неплохой шуткой сконструировать Фобос согласно лапутянским расчетам и вывести его на орбиту. После чего он отправился в лабораторию и построил спутник.

«Он откроет новый мир»

Астроном Персиваль Лоуэлл был более ученым, нежели пророком, когда в 1905 г. предположил, что невидимая «планета X» находится за орбитой Нептуна, в то время как Нептун считался самой удаленной планетой в солнечной системе. В 1930 г. его расчеты были подтверждены молодым астрономом Клайдом Томбоу, который открыл планету Плутон.

Это чистая наука. Если же мы оглянемся, то обнаружим, что некий малоизвестный пророк в ежегоднике высшей школы доктора Томбоу предсказал, что «он открывает новый мир».

Как увидеть комету во сне

Чарлз Твидейл проснулся в 4 часа утра 1886 г. в возбужденном состоянии от прекрасного сна. В своем сне он взглянул в небо незадолго до восхода солнца и увидел на востоке комету. Быстро одевшись, Твидейл пошел в другую комнату, где у него имелся телескоп, и уставился в него. Скоро должно было взойти солнце, и, как и во сне, он увидел на востоке комету. Невооруженному глазу она была не видна.

Твидейл тут же помчался в телеграфное агентство, которое еще не открылось, чтобы известить мир о великом открытии. Но утром Твидейл купил газету у мальчика и прочитал сообщение о том, что астрономы Барнард и Хартвиг обнаружили комету.

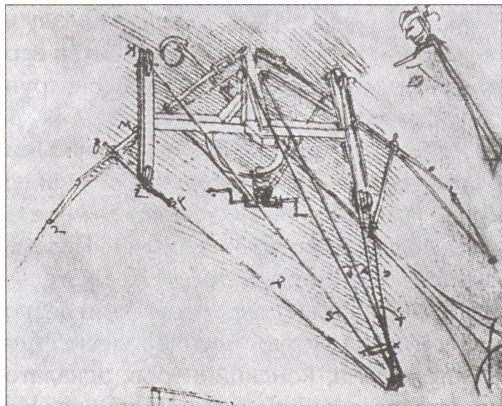
Что же видел во сне Твидейл? Может, он видел во сне не себя? Может, он установил психический контакт с двумя астрономами, обнаружившими комету? Или неведомый сценарист сновидений, зная о статье, которая появится в утренних газетах, написал для него такой сюжет? Что произошло: сон Твидейла «сотворил» будущее или будущее навесало сон?

Колесницы без животных, машины, подобные птицам

Творческие люди, обладающие богатым воображением, не только предсказывали будущее техники, покоряющей землю, воздух и подводные глубины, но и снабжали идеями будущих ученых и изобретателей.

Разносторонний гений Леонардо да Винчи сделал множество чертежей летательного аппарата, а также набросок парашюта-крыла. Спустя века его идеи были претворены в жизнь. Нострадамус писал об аэростатах и летательных машинах. Но даже если мы углубимся еще дальше — в XIII в., то и там мы обнаружим отголосок будущего. Роджеру Бекону, английскому монаху, изобретателю пороха, являлись видения современных кораблей, самолетов и автомобилей:

«Будут изобретены приборы, благодаря которым огромнейшие суда, управляемые единственным человеком, смогут передвигаться с большей скоростью, нежели если ими управляли бы много гребцов. Будут изобретены колесницы, способные перемещаться очень быстро без помощи упряжных животных. Построят летательные приборы, в которых будет восседать человек и который на искусственных крыльях, подобных птичьим, с легкостью сможет покорять воздушные пространства... также будут машины, с помощью которых человек сможет отправиться на дно моря...»

Леонардо да Винчи. Рисунок орнитоптера («птицекрыла») с цепной передачей и педальным приводом. 1485 г.

Жюль Верн создал самые детальные чертежи будущих машин. Кроме полетов на Луну, он предвидел изобретение аэропланов, дирижаблей, вертолетов, подводных лодок и аэростатов. Так же как Циолковский, другие ученые, изобретатели и испытатели отдавали должное писателю за то, что он направил их по верному пути.

Адмирал Берд, известный полярный исследователь, говорил, что Жюль Верн был его наставником. Симон Лейк, изобретатель современной субмарины, черпал идеи у конструктора «Наутилуса» из «Двадцать тысяч лье под водой». «Наутилус» Верна удивительно похож на одноименную атомную подводную лодку, включая имеющиеся на ней баллистические снаряды.

В своих книгах «Пять недель на воздушном шаре» и «Альбатрос» Верн описал вертолет за полвека до того, как его сконструировали братья Райт, дирижабль — до изобретения «Цеппелинов» и, конечно, самолеты. Кроме того, «воздушный сканер» Верна, изобретенный по крайней мере за восемьдесят лет до возникновения Паломаровской обсерватории, имел отражатель с характеристиками современного телескопа. Верн предвидел появление телевидения, неоновых ламп, кондиционеров, эскалаторов, управляемых снарядов и танков. Как заявил однажды французский маршал Лютей палате депутатов в Париже, современные ученые просто-напросто претворили в жизнь то, что описал на словах Жюль Верн.

Птицы

Короткий рассказ Дафны дю Марье, возможно, представляет собой наиболее удивительный и устрашающий пример сотворения будущего литературой. Альфред Хичкок поставил по этому рассказу знаменитый фильм «Птицы», в котором полчища птиц атакуют и убивают людей.

Действие рассказа Дафны дю Марье происходило на западном побережье Англии. В мае 1960 г., спустя некоторое время после выхода фильма, группа школьников из Лестершира играла на улице, когда на них налетела стая сорок, точно как в фильме и рассказе. Дети получили глубо-

Кадр из фильма А. Хичкока «Птицы»

кие раны на головах и руках, прежде чем птиц удалось отогнать. Так как сороки считались безобидными существами, их поведение было необъяснимо.

Возможно ли, чтобы эмоциональный эффект, созданный фильмом, вызвал психические вибрации, повлиявшие на птиц и заставившие их однажды изменить привычному образу поведения? Или такие психические вибрации исходили от рассказа дю Марье, действие которого также происходило в Англии?

Не исключена возможность, что и дю Марье, и Хичкок своими произведениями «творили» будущую реальность, в которой ополоумевшие птицы напали на детей. С другой стороны, писатель и режиссер могли подсознательно чувствовать, что такое происшествие может произойти, и драматизировали этот инцидент в своем творчестве.

Замечательный дар

Хейро

Хейро — его настоящее имя Уильям Джон Уорнер — является, пожалуй, одним из самых выдающихся ясновидцев XIX в.

Он родился 1 ноября 1866 г. и уже в юные годы обнаружил у себя необычную способность «читать» линии на ладонях у одноклассников и учителей. Позднее, когда его отец разорился в результате неудачной земельной сделки, — как и предсказывал Хейро, — он изучил линии на ладони у незнакомца в поезде. Хейро сказал этому человеку, что тот — второй Наполеон, его ждут великие дела, но в его жизни будет свое «Ватерлоо» в образе прекрасной женщины. Спустя несколько лет этот человек — ирландский лидер Чарлз Стюарт Парнелл — был совершенно убит разводом с Кэтрин О'Ши.

Хейро путешествовал по Индии, где изучал трансцендентальную медитацию и оставление душой тела. Пробыв в Индии три года, он получил наследство от родственника и вернулся в Лондон.

Он стал знаменит после того, как помог полиции найти убийцу в Ист-Энде. Его по-

Хейро

просили «прочсть» кровавый отпечаток руки на дверном косяке квартиры, где произошло убийство. Хейро сказал: этот след оставил незаконный сын убитого, о чьем существовании полиция и не подозревала. Спустя три недели юношу арестовали. Хейро же вскоре наскучило в Лондоне, и он отправился на берега Нила, где приобрел отрубленную руку мумифицированной египетской принцессы. По возвращении в Лондон, где он надеялся стать профессиональным преподавателем оккультизма, он постоянно возил эту руку с собой. Само имя «Хейро» (рука) родилось у него в уме в минуту прозрения; он прославился под этим именем.

Одним из его первых клиентов стал Артур Джеймс Бальфур, будущий премьер-министр в правительстве консерваторов. За ним потянулись другие — из числа состоятельных и знаменитых людей. Но предсказания судьбы были запрещены еще со времен Генриха VIII. Полиция предупредила: если Хейро в недельный срок не бросит это занятие, его будут преследовать по закону. Но благодаря влиятельным друзьям ему удалось продолжить свое дело. Он предсказывал судьбу аристократам, читая по ладони. Однажды в доме приятельницы Хейро Бланш Рузвельт произошел знаменательный случай. Хозяйка дома настояла на том, чтобы Хейро читал по ладони вслепую: «клиент» будет спрятан за занавеской. Хейро сказал об этом человеке: «Левая рука принадлежит

королю, а вторая — королю, который сам себя отправит в изгнание». На вопрос, когда это случится, Хейро ответил: «Через несколько лет, когда вам будет под сорок». Позднее хиромант узнал: он предсказал судьбу знаменитому писателю Оскару Уайльду.

В 1894 г. Хейро переехал в Соединенные Штаты и сразу же прославился после гадания по руке некоторым знаменитым американцам. Один из них, доктор Мейер из Чикаго, незадолго до эксперимента был приговорен к смертной казни за убийство: он отравил нескольких пациентов. Хейро предсказал этому человеку мирную смерть после нескольких лет, проведенных за решеткой. Накануне казни Хейро довелось еще раз читать доктору Мейеру по руке, и он подтвердил свое прежнее мнение: казнь не состоится. На следующий день Верховный суд пересмотрел приговор: смертная казнь была заменена пожизненным заключением. Преступный врач умер в заточении 15 лет спустя. Еще одно ошеломляюще точное предвидение касается судьбы дочери миссис Лейтер из Чикаго, предъявившей Хейро отпечаток ладони своей дочери. Провидец посулил девушке брак с иностранцем: она станет королевой восточного государства, но умрет молодой. И действительно, Мэри Лейтер стала женой лорда Керзона, а затем — супругой индийского вице-короля. Как ни прискорбно, она умерла молодой.

На своих выступлениях по всей Америке Хейро утверждал, что на ладони у новорожденного, прожившего на земле один час, уже имеются линии, по которым можно судить о его будущем. Разбогатевший, но усталый, он возвратился в Англию, сытый по горло вопросами многочисленных клиентов о том, как бы им разбогатеть и когда это случится.

Даже король Эдуард VII консультировался у Хейро. Тот сказал: в жизни короля будут играть большую роль две цифры: 6 и 9. И точно: король скончался на шестьдесят девятом году жизни. Хейро так же точно предсказал месяц его коронации: август 1902 г,

Бельгийский король Леопольд II тоже посетил Хейро, но получил неутешительное известие. Хейро сказал, что он умрет из-за серьезных проблем с пищеварительными органами. Король скончался в том же году; причина смерти — несварение желудка и непроходимость кишечника.

Таким же ужасным и верным оказалось предсказание судьбы русского царя: его будут преследовать кошмары, связанные с ужасами войны; его имя будет связано с самой кровопролитной войной в истории, и примерно в 1917 г. он потеряет все, что ему дорого в жизни, а сам погибнет лютой смертью. Так Хейро предсказал конец династии Романовых и русскую революцию.

Григорий Распутин, «зловный монах», имевший сильное влияние на царицу, сам однажды обратился к Хейро. Английский

прозорливец предрек ему сначала огромную власть над людьми, а затем ужасный финал. Все исполнилось в точности.

Столь же неотвратимой оказалась судьба английского фельдмаршала лорда Китченера. В 1894 г. Хейро, изучив линии его ладони и предсказав успехи на воинском поприще и славу, заключил, что в 1916 г. ему будет угрожать опасность на море. И точно: в этом году судно, идущее в Россию, на борту которого находился Китченер, подорвалось на мине.

Хейро удалось предсказать результаты выборов в парламент от консервативной партии, кризис на Уолл-стрит в 1929 г. и спасти жизнь персидскому шаху. Но он не предвидел потерю собственного состояния из-за опрометчивой сделки.

После Первой мировой войны Хейро предсказал заключение в 1922 г. мирного договора между Советской Россией и Германией, всеобщую стачку в Англии в мае 1926 г. и начало гражданской войны в Китае. Все его пророчества сбылись. В 1927 г. Хейро издал книгу с предсказаниями событий, поражающими своей точностью. В 1930 г. он переехал в Голливуд, чтобы стать сценаристом, но из-под его пера вышел один сценарий — о Калиостро. Он также основал школу метафизики. Умер Хейро в 1936 г.

Альбер Робида — художник и провидец

У этого художника, писателя и фантаста была удивительная судьба. Он как бы прожил несколько жизней, ибо обладал многими замечательными талантами: был художником и писателем, сумел заглянуть в будущее и... высмеять его. Его гениальные предвидения и рисунки поражают нас и сегодня, и о нем сейчас сказали бы, что Альбер Робида, несомненно, обладал способностями экстрасенса. Эксплуатируя свою колоссальную работоспособность и широкие познания, он написал 54 книги, снабдив их 55 тысячами первоклассных иллюстраций, рассказывает историк Лев Вяткин.

Альбер Робида родился в Компьене на юге Франции 14 мая 1848 г. Рисовать начал очень рано. Уже в начальной школе в шаржах, которые он делал молниеносно, он изображал пером и карандашом своих близких, учителей и одноклассников, сцены из жизни школы. Причем почти всегда по памяти, и все его рисунки пользовались большим успехом. Однажды к нему подошел директор школы и попросил Альбера

показать рисунки, внимательно их просмотрел и сказал, что не будет возражать, если Альбер вздумает нарисовать шарж и на него: «Когда вы будете знаменитым, я буду показывать рисунок своим внукам, друзьям и домочадцам и вспоминать вас... А пока я хочу задобрить вас вот этими красками...»

В 1866 г., в возрасте 18 лет, Альбер дебютировал в качестве карикатуриста в юмористическом издании «Journal amusant» («Занимательная газета»), а в 23 года стал членом редколлегии роскошного журнала «La vie parisienne» («Парижская жизнь»). Одновременно вскоре он стал сотрудничать с Венским сатирическим журналом «Der Floh» («Блоха»), а также «Philipon» («Филипон»), где трудился всемирно известный карикатурист Домье и не менее знаменитый книжный иллюстратор Гюстав Доре.

Парижские журналы непрерывно посылали его в самые отдаленные уголки Франции, получая от него путевые зарисовки, карикатуры и юмористические описания своих приключений. С большим зонтом для защиты от жарких солнечных лучей или дождя, этюдником и походным солдатским ранцем он прошел пешком почти всю Францию. Зарисовал Нормандию, описал Бретань, Прованс, побывал в Тюрингии.

Попутно Робида собирал исторические сведения, предания, народные песни, шутки и рисовал, рисовал без усталости. Од-

Альбер
Робида

нажды он зарисовал небольшую группу французских рабочих, занятых на строительстве новой железной дороги. Они, примостившись на шпалах, собрались перекусить. Один из рабочих разливая вино, указал на стоящий вдали локомотив с длинной дымящейся трубой:

— Раньше «локомотивом» (двигателем) для ног было вино, а теперь будет пар!

Это замечание показалось Альберу не лишенным глубокого смысла и скоро он сделал символический рисунок: огромный рыцарь с длинным копьём в крепких доспехах, на сильном и красивом коне, невольно пятится перед надвигающимся на него паровозом — символом эпохи пара!

В 1883 г. в Париже вышла книга Робиды «Двадцатое столетие», а спустя несколько лет «Электрическая жизнь». Вскоре книги были переведены на русский язык, и их с большим интересом прочли россияне. В книгах Робиды было много захватывающе интересного и весьма поучительного. Робиды не только заглянул в XX в. и описал «технические чудеса грядущего столетия», но и с великой грустью поведал о том, что мы еще о многом пожалеем, ибо человечество, по мнению Робиды, бывает опрометчивым и удивительно недальновидным. Эту мысль он проиллюстрировал на первой же странице «Электрической жизни».

«Седой человеческий Гений, приладив земной шар к трехколесному велосипеду в качестве переднего колеса, ниспровергнув

Веру, Надежду и Любовь, крутит педали и мчится в пространстве-времени по огромной спирали. Под рисунком красноречивая надпись: «ВПЕРЕД, БЕЗ ОГЛЯДКИ!»

Перелистывая эту книгу сейчас, в начале XXI в., невольно удивляешься поразительным по своей верности техническим предвидениям и описаниям грядущих событий, ожидавших человечество в XX в.

Робида начинает «Электрическую жизнь «с описания «страшной катастрофы», случившейся на мощной электростанции под литерой «N» (ядерная?) из-за аварии «в большом резервуаре» (реакторе?). Вот первые строки из романа Альбера Робида:

«После полудня 12 декабря 1955 года, вследствие какой-то случайности, причина которой так и осталась невыясненной, разразилась над всей западной Европой страшная электрическая буря — так называемое торнадо. Причинив глубокие пертурбации в правильном течении общественной и государственной жизни, авария эта принесла с собою много неожиданных...»

Несмотря на то, что дата аварии на электростанции дана «с ошибкой почти в 30 лет, нынешний читатель невольно подумает об аварии на Чернобыльской АЭС...

О наших достижениях в области техники и межпланетных полетов Робида также судит довольно верно.

«Электричество служит неистощимым источником тепла, света и механической

*Саркофаг над четвертым энергоблоком
Чернобыльской АЭС*

силы (для живущих в XX в.). Эта энергия приводит в движение как огромное количество колоссальных машин на миллионах заводов и фабрик, так и самые нежные механизмы усовершенствованных физических приборов.

Оно мгновенно передает звук человеческого голоса с одного конца земли в другой, устраняет предел человеческому зрению и носит по воздуху своего повели-

теля-человека — существо, которому, кажется, суждено было ползать по земле, словно гусенице, не дожившей еще до превращения в бабочку.

Не довольствуясь тем, что электрическая энергия является могущественным орудием производства, ярким светочем, рупором, передающим голос на какие угодно расстояния, на суше, на море и в межпланетном пространстве (вопрос о телефонировании с одного небесного тела на другой хотя еще не решен вполне удовлетворительным образом, но, очевидно, близится к разрешению), электричество выполняет кроме того еще тысячи других различных обязанностей. Между прочим, оно служит в руках человека также оружием — смертоносным и грозным оружием на полях сражений...

Окончательное подчинение себе электричества, этого таинственного двигателя миров, дозволило человеку изменить казавшееся неизменным, преобразовать порядок вещей, существовавший с незапамятных времен, усовершенствовать созданное и переделать то, что, по-видимому, должно было остаться для людей навсегда недостижимым...»

Человек остается человеком, и, как тысячелетия тому назад, стремится к счастью. Главное в книге — описание тех изменений, которые произойдут через 100 и более лет под воздействием научных открытий с жителями Парижа и других городов.

Сюжет научно-фантастического романа разворачивается на фоне веселой истории. Молодой француз, инженер Жорж Лоррис, влюбился в очаровательную Эстелину Лакомб, что вскоре повлекло за собой немаловажные события.

Но читателей той поры в России привлекал не сюжет романа, а нечто совсем другое. Завораживали и вызывали жгучий интерес иллюстрации Робиды: громадные воздушные корабли, воздушные же состязания на «винтовых самолетах», на воздушных экипажах и кабриолетах. А также изображения метрополитена, телефоноскопа, фонографа, орудий химической артиллерии, торпед и подводных броненосцев, одним словом, технических чудес XX в.

Воздухоплаватель Сантос Дюмон был в восхищении от рисунков Робиды и по ним построил несколько своих «воздушных кабриолетов-дирижаблей», на которых причаливал прямо к балконам парижан, делал на них визиты и неожиданно появлялся на балах и приемах. Произнеся краткую речь о техническом прогрессе, эффектно освещаемый вспышками магния газетных репортеров, он покидал собрание... через окно.

Как уверяет Альбер Робиды, в 1955 г. Париж будет выглядеть весьма странно. Этот город будет сплошь опутан сетью электропроводов. В небе будут летать «воздушные яхты и кабриолеты», которые легко будут причаливать к «дебаркадерам» на крышах домов (по этой причине нуме-

рация этажей в домах ведется сверху). Под землей и над землей будут проложены гигантские «трубы метрополитена и электропневмопоездов, что позволит людям пересекать Францию из конца в конец в короткое время».

Парижане будут жить «в домах из стекла и искусственного гранита» с использованием «огнеупорных пластмасс и трубчатого алюминия». Дома высотой 10-12 метров будут отливаться строителями прямо на месте от фундамента.

В каждом доме неизменным атрибутом внутреннего интерьера будет «телефоноскоп» (телевизор и видеотелефон с выносом изображения на экран), что позволит жителям Парижа путем простого нажатия кнопки слушать «телегазету» с новостями, деловую рекламу, лекции или музыку.

«Телефоноскоп» даст возможность «наведывать родных и быть в гостях, не выходя из дома». Кухни в домах будут отсутствовать за ненадобностью, т. к. парижане смогут заказывать готовые обеды по «телефоноскопу», либо питаться «концентра-тами в виде пилюль».

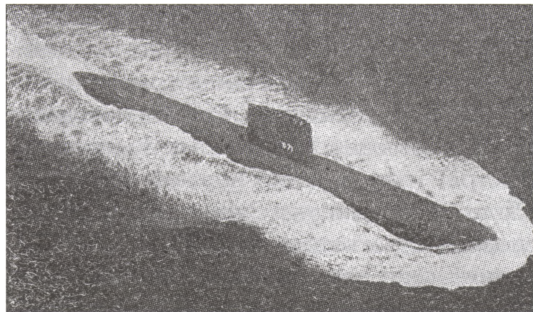
Химия, как наука, считает Альбер Робида, достигнет высшего уровня и найдет широкое практическое применение в народном хозяйстве. При помощи химии будет восстанавливаться плодородие в почве. Семена станут подвергаться электрообработке для стимуляции их всхожести и роста.

Сообщает он и о некоторых других фантастических вещах, которые вызывали интерес и одновременно тревогу у парижан XIX в. Например, Робиде поведал о том, что у людей XX столетия будет много быстрее изнашиваться нервная система, и 45-летние французы будут по состоянию здоровья соответствовать 70-летним. Поэтому станет необходимым омоложение «в лихорадочной поспешности жизни XX в.». Возрождение стареющего организма будет осуществляться в специальных аппаратах под особыми колпаками, которые Робиде изобразил на страницах «Электрической жизни».

По мере развития сюжета романа выясняется, что «инженер-медик Сьюльфатен, славный малый» был выращен искусственно, как гумункулус в реторте, а не в утробе матери!

В Париже, пророчествует Робиде, будет процветать «фотоживопись» и «фотопанно» на стенах домов, причем фотосюжеты будут все время меняться (действительно, такие панно теперь созданы). В аквариумах будут плавать «электрические рыбки», неотличимые от настоящих. Вообще, люди научатся подделывать все, особенно продукты, и эрзацы будут повсюду в продаже.

Под поверхностью морей и океанов будут рыскать «трудноуловимые подводные миноноски разных стран». В этой связи Робиде описывает подробно крупные учения всех вооруженных сил Франции с участием электробомбард из панцирей

*Первая атомная подводная лодка
«Наутилус»*

(танков). Человечество приступит к заселению огромного континента Антарктиды.

Однако он предупреждает, что человеку XX в. многие технические чудеса и сумасшедшие скорости могут смертельно надоестъ:

«Лихорадочно-спешное существование среди загрязненных дымом чудовищных заводов и фабрик заставит человека бежать от всего созданного им в поисках тишины и глотка чистого воздуха...»

«Каким изумительным зрелищем для наших потомков станет живая лошадь, зрелище совершенно новое и полное величайшего интереса для людей, привыкших летать по воздуху!» Людей станут лечить спокойствием (всех нервно-переутомленных) в пансионатах, где для них будет особая музыка и песни, и они будут счастливы, что вырвались из дымных городов, где реки полны миазмов с почти непригодной водой для питья...

Так писал Альбер Робиде сто лет назад. Попутно назовем некоторые другие его книги: «Война в XX веке» (в этой войне у него погибнут два сына), «Париж на перекрестке столетий» (история Парижа в рисунках), «Путешествия в страну колбасников» (сатира на германский милитаризм), «Часы минувших веков» (1899 г., о последствиях ядерной войны).

Последний научно-фантастический роман был переведен на русский язык и вышел в России в 1904 г.

В нем он описал события, которые, по мнению Альбера Робиде, ожидают человечество из-за противостояний государств больших и малых и из-за стремления одних к обогащению за счет других.

В XX в. многие технические изобретения, включая «бомбу величиной с горошину, способную разрушить город», сделают некоторых политиков крайне жестокими, что неминуемо приведет к «великому бедствию» и «великому ужасу».

Робиде в этом удивительном научно-фантастическом романе описывает человечество, которое, наконец, опомнившись от «великого ужаса» пытается вновь объединиться и создает «Великий совет предохранения от ошибок прошлого без политиков» и принимают новое летосчисление.

«Род человеческий, — пишет он, — уцелевший и не погибший, по крайней мере, полностью наконец-то облагородился. Человек вышел из Великого бедствия и

стал шествовать по бороздам, проведенным его предками».

Один из героев романа некий Робер Лафокард говорит пророческие слова: «Коммунисты, которые завладеют завтра властью, быть может, грубо и не на совсем законных началах ниспровергнут старый порядок.

Все руководство страной будет осуществляться людьми из особого Центрального Комитета (!) и половина собственного населения будет посажено в тюрьмы... (Остается загадкой, по какому наитию Робида угадал терминологию революции, ведь роман был написан в 1899 г.)

В своих воспоминаниях Мария Ильинична Ульянова пишет, что в их семье была книга «известного французского карикатуриста Робида («Электрическая жизнь»), которую Володя любил рассматривать». Повлияла ли она на Ленина в какой-то степени? Вполне возможно, как и Коммунистический Манифест Маркса и Энгельса.

Пророчества Робида, как, впрочем, и рисунки забавляли читателей. Особенно их сместило невероятно фантастическое утверждение, что в конце XX столетия в Англии премьером будет... женщина! А революция в России произойдет после войны в Европе в 1924 г.

К сожалению, с той поры роман не переиздавался, а жаль. Нынешний читатель непременно задумался бы над смешными фантазиями, ставшими вдруг реальностями нашего бурного времени.

*Премьер-министр Великобритании
Маргарет Тэтчер*

Но юмор Робиды побеждает и в этой книге. Чтобы не запугивать окончательно читателя, он по ходу развивающегося сюжета повел рассказ о том, что люди вдруг обнаруживают, что время потекло вспять. У людей стала пропадать седина, все стали молодеть, откуда-то пришла бодрость и... люди вновь стали совершать глупости.

Роман Альбера Робиды «Часы минувших эпох» заканчивается следующими словами:

«Позади каждой эпохи видна новая, позади каждого поколения уже слышны шаги предыдущего, которое выступит на сцену, когда пробьет его час на часах вечности».

Альбер Робиды прожил долгую жизнь. Работал он до последнего часа и, как уверяют друзья, стал очень похож на доктора Фауста.

Ему суждено было увидеть Первую мировую войну и применение иприта против французов, о чем когда-то он описал в фантастическом романе, видел он и города, разрушенные бомбами, сброшенными с дирижаблей и самолетов и многие другие собственные пророчества. Единственно, что он не мог предположить — это то, что два его сына погибнут в мясорубке когда-то описанной им мировой войны.

Альбер Робида умер, окруженный почетом, в Невилле, в 1926 г. Ему поставлен скромный памятник, и его вспоминают, когда вновь открывают его книги со смешными и забавными рисунками: женщин, одетых по-мужски, войну на рельсах бронированных локомотивов со звездами (?), войну в воздухе «воздушных кораблей и кабриолетов», «театральные спектакли и телегазеты на дому по телефоноскопу», фонокнижные библиотеки и магазины с звуковыми записями, рождение людей из пробирки и многое другое — «невероятно фантастическое», но весьма пророческое.

Распутин: святой или дьявол?

Пятно крови на снегу понемногу увеличивалось. Лишь слабые судороги пробегали по застывшему телу Распутина, уткнувшегося лицом в снег. Таков был конец «святого друга», «божьего человека», символа России, которая исчезала вместе с ним.

Чтобы его сразить, пришлось всадить в его тело аж три револьверные пули, несмотря на то, что уже несколько часов назад Распутин должен был умереть: во дворце на Мойке князь Юсупов дал ему дозу цианистого калия, способную умертвить двадцать человек. Григорий Ефимович Распутин ел пирожные, буквально пропитанные этим ядом. Рюмку за рюмкой, он пил вино, смешанное с цианистым калием. Безрезультатно. Ни малейшего признака недомогания!

Рассказывает французский историк Ален Деко:

— Многие знают об этом историческом факте. А также о том, сколько вопросов он таит в себе. Не только я пытался найти на них ответ. Работая совместно с Клодом

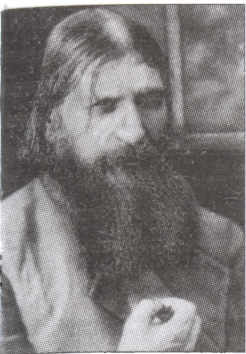
Дессайи для Робера Оссейна над сценарием для фильма «Я убил Распутина», я еще раз тщательно изучил все обстоятельства этого эпизода, но окончательного ответа на загадку Распутина так и не нашел. Долгое время я думал, что князь Юсупов был единственным убийцей Распутина, оставшимся в живых. Однако позже узнал, что жив также доктор Лазовер. Да, тот самый доктор Лазовер, что собственноручно добавил яд в пирожные и вино, которые ел и пил Григорий Распутин во дворце на Мойке!

Загадка невосприимчивости Распутина к яду, если разгадать ее, смогла бы дать ответ и на другие вопросы, связанные с этим экстравагантным человеком. Что можно сказать о его «даровании» целителя? Был ли Распутин «великим посвященным» или обыкновенным агентом германской тайной полиции?

Мне потребовалось несколько месяцев, чтобы найти неизданное свидетельство доктора Лазовера. И вот оно передо мной на столе.

Все началось в октябре 1905 г. В дневнике Николая II можно найти такую запись от 1 ноября: «Я познакомился с божьим человеком из Тобольской губернии, его зовут Gregoire».

Gregoire, Григорий, — так звали сибирского крестьянина, которому предстоит оставить заметный след в российской истории, Распутина. О происхождении его

*Григорий
Распутин*

фамилии существуют различные предположения. Мария, дочь Григория Ефимовича, утверждает, что Распутин — настоящая фамилия ее отца, и что произошла она от слова «распутье». Однако, один из знатоков российской истории, Константин де Грюнвальд, основываясь на документах о гражданском состоянии, утверждает, что этого сибиряка звали Григорий Новых и родился он в зажиточной крестьянской семье. Лишь благодаря своему распутному поведению, получит он прозвище «распутника», или фамилию Распутин. Кстати, царица никогда в своем дневнике не называла Распутина по фамилии, а прибегала к обозначению «наш друг» или называла его просто по имени.

Отец Григория был извозчиком в большом селе Покровское. И лошади стали истинной страстью в детстве будущего Распутина. Любуясь ими, он проводил долгие часы на конюшне.

Однажды отец показал ему большую книгу с картинками, рассказывающую о рождении младенца Иисуса. Для мальчика это было настоящим открытием. Каждый вечер он просил отца показать эту книгу. Когда он выучил ее наизусть, отец принес ему продолжение.

Когда ему было 12 лет, произошло событие, наложившее отпечаток на всю жизнь Распутина. На его глазах старший брат Михаил упал в реку. Ни минуты не раздумывая, Гриша бросился за ним.

И они утонули бы оба, если бы их не спас проходивший мимо крестьянин. Миша заболел воспалением легких и через несколько дней умер. Григорий выжил, но, как рассказывает биограф Распутина Фюлоп-Миллер, «он был настолько потрясен случившимся, что надолго впал в состояние горячки». Приступы болезни то отпускали его, то возобновлялись. В течение нескольких недель мальчик лежал, почти не приходя в сознание. Потом он выздоровел. И забыл про свою болезнь. Но на психику и дальнейшее поведение Распутина эта болезнь, по-видимому, наложила свой отпечаток.

Григорий рос и превратился в невысокого, но сильного, выносливого крестьянина. Он стал одним из завсегдатаев кабака, хозяин которого относился к нему, как к постоянному клиенту. После ночных попок Григорий работал в поле без видимых признаков усталости.

Его отношения с городскими девушками складывались весьма удачно. Он не был ни самым красивым, ни самым элегантным молодым человеком, но он умел нравиться. Как это часто бывает в бедных провинциальных городках, в Покровском были достаточно свободные нравы: любовные утехы были единственным удовольствием, не стоившем денег. Этой свободой Григорий не только пользовался, но и злоупотреблял. Женитьба на очаровательной черноглазой блондинке не сильно изменила его образ жизни. Он по-прежнему

му проводил ночи в кабаке и не избегал знакомств с девушками.

Однажды в поле, идя за плугом, Григорий услышал за спиной «прекрасный женский хор, похожий на церковные песнопения». Он остановил лошадей и обернулся. То, что он увидел, поразило его. Вот что он рассказывал об этом своему другу Дмитрию Печеркину: «Совсем рядом со мной шла женщина восхитительной красоты, это была Святая Дева, явившаяся, казалось, из позолоченных лучей полуденного солнца. Тысячи ангелов пели торжественный гимн, и голос Девы Марии вторил им».

Видение длилось несколько коротких мгновений. Потом все исчезло. Григория лихорадило. У него не было сил продолжать работу. Им овладела несказанная, необъяснимая грусть. Было ли видение зовом Бога? Должен ли он последовать зову, быть послушным Его воле и бросить все: свою семью, лошадей, кабаки, женщин? Григорий предпочел не думать об этом.

Шли годы. Он наследовал своему отцу и теперь сам возил пассажиров. Он доезжал до Приуралья, не раз бывал в Тобольске, Тюмени, Верхотурье. По-видимому, Григорий нередко беседовал со своими пассажирами. Один из них, молодой послушник по имени Милетий Саборовский удивился, услышав, как основательно рассуждает о религии простой крестьянин. Семинарист задавал вопрос за вопросом. Григорий отвечал на них с блеском. С

каждым ответом росло изумление Саборовского, знавшего репутацию Распутина. Как могли сочетаться в этом крестьянине отличное знание Святого писания и беспутная жизнь?

Никогда еще прежде Григорий не встречал такого отношения к себе. Ми летай не корил его за беспутство. Да, он грешил, и этим провинился перед Богом. Но если бы он совершал те же ошибки с целью избавиться от порочных телесных желаний, то его поведение было бы угодно Господу. Эта теория, простая и понятная, проповедовалась некоторыми верующими, принадлежащими к таинственной, преследуемой властями, секте «хлыстов». Очищения от грехов, согласно идеологии этой секты, можно добиться, лишь пресытившись телесными наслаждениями. Распутин, которому тогда было тридцать три года, успел познать власть чувственных наслаждений над душой человека и испытать страх перед этой властью. Секта «хлыстов» раскрывала перед ним дорогу к Богу. Возможность, не отрекаясь от свободомыслия, сочетать мистические стремления и властвующую над ним чувственность — вот это как раз для него!

Пребывание в монастыре в Верхотурье, где обосновались члены секты, утвердило его в этом мнении. После монастыря Григорий отправился к отшельнику — старцу Макарию. Старец жил в лесу, в простой лачуге. Со всей окрести стекались к нему паломники, чтобы испросить

*Григорий
Распутин*

у него совета, благословения или исцеления. Преклонив перед Макарием колени, Распутин рассказал ему про всю свою жизнь — про свои грехи, пьянки, оргии; а также — про свои видения и стремления. Когда он наконец поднял глаза, то увидел, что старец смотрит на него с улыбкой. Макарий положил свои руки на голову Григория:

— Будь счастлив, сын мой, — потому что ты избран Господом среди людей. Тебе предстоят великие дела! Оставь свою жену и детей, уходи, спрячься от людей, скитайся по земле. Слушай голоса, и когда ты поймешь их смысла, только тогда возвращайся к людям и скажи им, что голос нашей святой Русской земли говорит твоими устами!

XIX в. был на исходе. Никогда еще Европа так не стремилась к свободомыслию. Всемирная выставка 1900 г. в Париже продемонстрировала торжество науки. Чтобы спорить с наукой, религиозным догматикам приходилось обращаться к логике и вступать в открытые дискуссии. Именно в этот момент и отправился странствовать по дорогам России Распутин.

По Сибири бродило немало странников... Скитания Распутина продолжались несколько лет. Прежде всего необходимо отметить его полное посвящение в тайны доктрины «хлыстов». Существовали особые признаки, по которым узнавали друг друга адепты секты. По этим же признакам узнавали они и дома, в которых собира-

лись субботними вечерами, чтобы совершить свои необычные обряды.

С заходом солнца в их домах плотно закрывались окна. Члены секты сидели, храня абсолютное молчание, мужчины — справа, женщины — слева. Слегка подрагивало пламя двенадцати свечей, стоящих на столе, за которым сидели двое крестьян — мужчина и женщина. Остальные смотрели на них с почтением и смирением: святой дух пребывал в этих двоих.

Медленно, вполголоса, собравшиеся начинали молиться Богу и Святому Духу. Постепенно голоса становились все громче. Слова о приходе Икупителя пелись «с ликованием и восторгом». Через некоторое время все — и мужчины, и женщины начинали скидывать с себя одежду и обувь.

Неожиданно кто-нибудь из присутствующих поднимался и начинал волчком кружиться по комнате. Постепенно воодушевляясь, к нему присоединялись остальные. Так кружились они в танце, пока не достигали «божественного экстаза». И тогда происходило «чудесное превращение». Забывая, что находятся в обыкновенной крестьянской лачуге, они танцевали в сказочном поднебесном дворце. Мужчина и женщина, сидящие за столом переставали быть Иваном или Марьей, а становились Христом и Пресвятой Девой. Все чаще раздавался возглас: «Святой Дух пребывает в нас!» Сидящий за столом «Христос» говорил, и никто не искал смысла в его бессвязных словах, улыбке или слезах. Лишь

слушали, восклицали, плакали вместе с ним. И вновь начинались танцы. Все более и более исступленные. Продолжавшиеся до зари. Пока свет не наполнял комнату и не исчезал сумрак, покрывавший эту безумную оргию сектантов.

Наутро Григорий вновь продолжал свое странствие.

После нескольких лет отсутствия, Распутин наконец вернулся в свой городок. Надо сказать, что здесь сохранились о нем лишь самые мрачные воспоминания. Земляки не забыли этого «распутника». Если бы им сказали, что он стал святым, они бы, естественно, рассмеялись. В первый же вечер после своего возвращения он спустился в подвал своего дома. Слышали, как он плакал, жаловался, молил о прощении. Он почти никого не принимал. Но те немногие, кто видел его, в корне меняли свое мнение об этом человеке. И могли поклясться, что не иначе, как святой вернулся в их город.

То, что потрясало в облике Распутина, нельзя было приписать ни его достаточно низкому росту, ни его бледному, оттененному черной бородой лицу. Потрясали его глаза. Синие, с металлическим отливом, они излучали какой-то сверхъестественный свет. Разговаривая, Григорий смотрел прямо в глаза собеседнику; он цитировал Евангелие и отцов церкви, говорил короткими, рублеными фразами. После получасовой беседы с ним посетитель уходил, преисполненный восхищения.

В течение трех недель Распутин не выходил из подвала. Когда же он, наконец, покинул свое убежище, никто в Покровском уже не сомневался, что в городе поселился святой. На улице его ожидала взволнованная толпа. Григорий пошел ей навстречу. Он был серьезен, в синих глазах читались «доброта, спокойствие и радость». Крестьяне, все, как один, пали перед ним на колени, целовали его руки и подол кафтана. Раздались возгласы:

— Отец Григорий! Спаситель наш!

Он благословил присутствовавших и сказал:

— Я пришел к вам, чтобы донести до вас голос нашей святой матушки-земли и научить вас тайнам счастья, которые она открыла мне.

Слава о святости Распутина скоро распространилась и за пределами губернии. В 1904 г. он впервые приехал в Санкт-Петербург. И, как обычный паломник, пришел просить приюта в семинарии. Увидев этого грубого мужика, семинаристы пригласили его принять участие в своих теологических дискуссиях. Смеясь над ним, они задавали ему достаточно непростые вопросы. К их величайшему изумлению, мужик отвечал на них, проявляя спокойствие и сообразительность. К ним подошли профессора. На их вопросы Распутин также ответил почти не задумываясь. И тогда неторопливо, усталыми шагами приблизился к нему морщинистый старичок: отец Феофан, ректор семинарии. И спросил тихо:

— Разрешешь ли ты, батюшка, задать тебе один-единственный вопрос?

Отец Феофан спросил его мнение по поводу какой-то выдержки из Святого писания. На мгновение Распутин погрузился в раздумье. Потом прозвучал его ответ, сформулированный без малейшего колебания, «очень четко, кратко и точно».

Отец Феофан кивнул головой:

— Совершенно правильно, батюшка, ты говоришь истину!

Последовали новые вопросы и новые ответы. Под конец беседы, как и каждый вечер, отец Феофан благославлял семинаристов. Но когда очередь дошла до Распутина, он обратился к нему:

— Благослови ты меня, батюшка.

На следующее утро отец Феофан представил Распутина епископу Гермогену. Посещение Распутиным этого уважаемого священника было достаточно необычным. Он бросился ему навстречу, крепко обнял и трижды поцеловал на крестьянский манер. Его объятия были такими крепкими, что, казалось, Гермоген вот-вот задохнется. Отпустив епископа, Распутин, рассмеявшись, воскликнул:

— Ты мне нравишься!

Гермоген был покорен. То же самое можно сказать и о видном русском проповеднике Илиодоре.

При этом тройным покровительстве Распутин начал завоевывать Санкт-Петербург.

В столице России жизнь во многом опережалась событиями в семье царя Нико-

лая II и его супруги Александры (до замужества принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской). Будучи женатыми уже десять лет, эти двое любили друг друга, как и в день свадьбы. Император называл Александру не иначе, как «солнышко». Они почти никогда не расставались. Когда настанут мрачные революционные дни, и Александра вынуждена будет покинуть Царское Село, она напишет своей подруге: «Моя дорогая, нам особенно тягостно покидать этот дом, этот очаг, где мы прожили так счастливо двадцать три года».

За эти двадцать три года разрушился весь старый мир, родилось новое, чуждое ей общество; императрицу волновало не это. Самым главным для нее по-прежнему оставалось ее супружеское счастье.

Одному Богу известно, как это счастье омрачалось ужасной семейной трагедией! Алиса дала рождение четверем дочерям, они были красивы и здоровы. Чего, к сожалению, нельзя было сказать о ее последнем ребенке, царевице Алексее. Он был подвержен гемофилии, страшной болезни, унаследованной им от семьи Гессен. Достаточно было небольшого падения, чтобы внутреннее кровотечение раздувало ушибленную коленку. Опухоль вызывала нестерпимые боли. С тревогой родители задавали себе мучительные вопросы. Смогут ли врачи остановить кровотечение, если оно случится? Остановится оно само? Однажды, осенним днем, царевич играл в парке с сыном матроса Деревенько, своего

Император, императрица и цесаревич

«дядьки». Несмотря на заботу кормилицы Вишняковой, он нечаянно сделал слишком резкое движение и, вскрикнув, упал.

Его тут же отнесли в постель, раздели. На одной из коленок темнела ужасная синеватая шишка. Сбежались доктора. Проходили дни. Алексей лежал в лихорадке, температура не спадала. Боль вызывала у него невольные стоны, терзавшие сердце родителей. Царь находился рядом с ним, когда Алеша, вдруг перестав плакать, сказал тихим голосом:

— Папа, когда я умру, похороните меня там, внизу, в парке...

Резко поднявшись, царь покинул комнату. Выйдя вслед за ним, Александра увидела мужа, содрогавшегося от рыданий.

Все изменилось в одно мгновение. Великая княгиня Анастасия Николаевна, жена великого князя Николая Николаевича, пришла узнать новости о здоровье малень-

кого царевича, стала с энтузиазмом рассказывать о сибирском паломнике по имени Григорий Ефимович. Она сама с ним познакомилась несколько дней назад по настоянию отца Феофана. Настоящий святой, этот Григорий. Вот уже несколько лет, как он в Петербурге. Она рассказывала ему про болезнь царевича. И сибиряк ей ответил:

— Скажи императрице, чтобы она больше не плакала. Я вылечу ее мальчика, и он еще будет розовощеким солдатом!

Никакие слова не смогли бы более обрадовать Александру. Чтобы вылечить своего ребенка, она была готова на все. Эта добрая христианка имела вкус к оккультизму. При своем дворе она принимала мага Филиппа из Лиона и доктора Энкусса, прозванного Папусом. С самого начала болезни царевича вокруг его постели крутился целый легион русских магов и целителей, но никто из них не облегчил его страданий.

И теперь Александра вновь позволила себе помечтать: вдруг этот человек действительно не такой, как другие? Словоохотливая княгиня продолжала говорить, упоминая чудеса, уже совершенные Григорием: разве не излечил он монашку, в которую вселился дьявол? Эту несчастную сотрясали конвульсии, не помогали никакие средства. Григорий приехал в монастырь и закрылся с ней на два часа в ее келье. Когда он вышел, то выглядел уставшим, но монахиня сияла радостью. С тех

*Императрица Александра Федоровна с сыном
Алексеем*

пор она никогда больше не страдала от судорог.

Из соседней комнаты раздавались разрывавшие ей сердце стоны сына. Александра повернулась к великой княгине:

— Пусть Григорий придет во дворец, — сказала она.

Прикрыв голову подушкой, маленький царевич тихо стонал. Под одеялом заметно выступала его опухшая нога. В коленке, под кожей, продолжала сочиться кровь. Глаза его оставались закрытыми. Царско-

сельский парк за стенами дома погрузился в ночную темноту.

Царь и царица сидели в ожидании «чудотворца». Распутин, ничуть не смущаясь, приблизился к Николаю и Александре, по очереди сжал их в своих объятиях и поцеловал, издав громкий звук.

Александра провела Распутина в комнату Алеша. Сначала Григорий подошел к иконам и опустился перед ними на колени. Некоторое время он молился и лишь потом приблизился к кровати, на которой лежал царевич. Наклонившись, он широким жестом перекрестил ребенка. Алеша открыл глаза и посмотрел на странного бородатого человека. Григорий улыбнулся. Улыбкой, «одновременно серьезной и приятной». Мальчик, казалось, был удивлен. Но не испуган. Станный человек начал говорить с ним. И голос его оказался спокойным и мягким:

— Не бойся ничего, Алеша. Сейчас все будет хорошо!

Распутин положил правую руку на лоб мальчика и провел с бесконечной легкостью вдоль всего тела, с головы до ног. Он продолжал говорить:

— Смотри, Алеша, смотри, я прогоняю твои ужасные страдания. Тебе уже не больно, а завтра ты совсем поправишься. И тогда увидишь, как нам с тобой будет весело!

Царевич слабо улыбнулся. Распутин рассказывал про свое собственное детство, про свои игры и замечательные розыгрыши, которые он устраивал в родном го-

роде. Давно уже царевич так не веселился. Вдруг Распутин стал серьезным и начал рассказывать про необъятную Сибирь, ее степи и леса: все это принадлежит Алешиному папе и когда-нибудь будет принадлежать ему самому. Поэтому необходимо, чтобы Алеша выздоровел, и он, Распутин, возьмет это дело в свои руки. Он рассчитывает очень скоро повезти своего юного друга в Сибирь и показать ему все эти удивительные вещи.

Царевич жадно глотал слова крестьянина. Вдруг Александра с изумлением заметила, что он вытянул больную ногу. Неужели он уже не чувствует боли? Мальчик, чтобы лучше слышать, даже сел в своей постели. Императрица бросилась к нему, встревожившись, что он сделает лишнее движение:

— Осторожнее, Алеша!

— Подождите, маман! Я хочу слушать!

Он повернулся к Григорию:

— О! Я прошу тебя, рассказывай дальше, говори!

И Григорий продолжал рассказывать...

Уже была глубокая ночь. И Распутин сам положил конец беседе:

— Завтра, Алеша, завтра, я расскажу тебе еще очень многое.

Царица спросила у сына, по-прежнему ли ему плохо. Он отрицательно потряс головой:

— Нет, маман, нет!

Все, что его интересовало сейчас, это Григорий. Больше ничего!

— Приходи завтра обязательно, батюшка!

Распутин пообещал — и вышел в сопровождении царицы. Взволнованный Алеша спросил у кормилицы:

— Кто это был, Мария?

— Это святой странник, Алеша. Святой, который вылечит тебя! Сам Бог прислал его твоему папе и твоей маме!

— Святой! — мечтательно произнес мальчик и вскоре спокойно заснул.

В соседней комнате императрица, плача, целовала Распутину руку...

Конечно, можно говорить о совпадении. Можно предположить, что, когда Распутин появился во дворце, кровотечение царевича вот-вот должно было само остановиться. Ведь такое случалось и раньше. Однако, такого тяжелого приступа, как этот, у Алеши никогда еще не было. И на этот раз доктора в открытую говорили о возможном фатальном исходе болезни. К тому же это был не единственный случай, когда Алеша выздоравливал после вмешательства Распутина.

Некоторое время спустя императорская семья отправилась в Польшу, где проводила каждую осень. Алексис любил кататься на лодке по озерам. Однажды, выходя из лодки на берег, он поскользнулся и ударился коленкой о камень. И снова было кровотечение. Обычная опухоль ноги осложнялась начавшимся воспалением. Температура тела стремительно повыша-

лась. Врачи говорили о заражении крови. Увы, было очень мало шансов на спасение ребенка. Молитвы за здоровье царевича читались по всей России. В это время Распутин находился в Покровском. Александра телеграфировала ему через свою подругу, Анну Вырубову, и на следующее утро пришла телеграмма, адресованная царице. Под ней стояла подпись Распутина. Текст телеграммы гласил: «Богу было угодно увидеть твои слезы и услышать твои молитвы. Не грусти. Твой сын выживет. Но пусть доктора больше не беспокоят его».

Александра, обезумев от счастья, побежала прочесть телеграмму Алексису. Он проявил «великую радость». Что касается температуры, как это ни странно, она «спала в тот же момент». Ребенка осмотрели, и нашли, что воспаление явно уменьшилось!

Еще одно совпадение? Врачи утверждали: да. Но как объяснить тогда и третье совпадение? Во время войны царевич, сопровождая своего отца в Генштаб, в поезде стукнулся головой о стекло. У него пошла носом кровь. Ничто не могло остановить кровотечение. Престолонаследника привезли в Царское Село: он по-прежнему истекал кровью, все больше слабая. Распутин приехал во дворец. Он сотворил над больным крестное знамение, недолго помолился перед иконой и произнес:

— Благодарите Бога! Он еще раз дарит жизнь вашему сыну!

«Как только Распутин приблизился к его постели, мальчик успокоился, и через несколько часов наступило заметное улучшение: температура спала, и кровотоечение, постепенно утихая, совсем прекратилось. Распутин вернулся из Царского Села в приподнятом настроении и рассказывал всем своим друзьям, что отныне царь десять раз подумает, прежде чем пренебрегать его советами».

«Царь десять раз подумает». Не нужно далеко ходить, чтобы объяснить необычайную власть, которой пользовался Распутин в последние годы царской России. Здесь мы становимся свидетелями драмы, в сравнении с которой тускнеет любой фантастический рассказ. Николай и Александра, измученные родители, убежденные, что только Распутин в состоянии спасти их ребенка, сделали из этого почти неграмотного крестьянина поначалу своего конфиденанта, потом советчика, и, наконец, хозяина судеб всей империи.

Естественно, в Санкт-Петербурге знали про визиты Распутина в императорский дворец. В мгновение ока бывший извозчик стал модным в обществе. «В то время, — рассказывает генерал Спиридович, — салоны буквально разрывали Распутина на части. Столичные светские дамы говорили только про него. Они узнавали о нем все — как он одевается, причесывается, умывается. Некоторые

*Карикатура на Распутина, Николая II
и императрицу*

уже мечтали о том, чтобы использовать его в своих интригах».

На Распутина начинали смотреть, как на «царя над царями». И стали интересоваться его частной жизнью. То, что узнавали о нем, было весьма поучительно. Этот «старец», иначе говоря, — святой человек — проводил свои ночи в кабаках и

других значных местах Санкт-Петербурга. Нередко он возвращался домой мертвецки пьяным, в компании с одной или несколькими женщинами. Такая жизнь стоила дорого. И «политики» пользовались случаем, чтобы предложить старцу деньги. Он брал их не стесняясь. Поначалу трех рублей было достаточно, чтобы просить его о ходайстве. Через несколько лет Распутин брал за свои услуги не меньше нескольких тысяч...

Наступил день, когда Распутин сделал свои первые шаги на опасном поприще царского «советника». Случилось так, что Тобольская епархия какое-то время оставалась без архиепископа. Григорий убедил царя назначить на вакантное место монаха Варавву, бывшего помощника садовника, «человека простого и без образования». Высшее духовенство негодовало. Но царь уступил. И Распутин понял, что теперь он может требовать от царя чего угодно. И он требовал.

Он приближался к своему пятидесятилетию. Когда он входил своей тяжелой крестьянской походкой в светскую гостиную, воцарялось молчание, преисполненное уважения и восхищения. Молодой аристократ князь Феликс Юсупов описывает его в то время, как человека «среднего роста, жилистого, но худого», с «непомерно длинными» руками.

С первого знакомства с Распутиным Феликс Юсупов был «поражен его

странными манерами». Был ли он похож на святого? «Скорее на лукавого, сладострастного сатира». Что в нем всегда поражало — это его взгляд, пронзительный и тяжелый: «В нем, действительно, ощущалась таинственная, сверхъестественная сила. Его слащавая улыбка поражала почти так же, как и его ужасный взгляд; она была злой, хитрой и чувственной одновременно».

Женщина, которая встретилась с ним незадолго до войны, также настаивала на необычности взгляда Распутина:

— Какие странные у него глаза! Каждый раз, когда я находилась в его присутствии, я бывала неприятно поражена силой его взгляда и не могла его долго переносить...

Посол Франции Морис Палеолог, сильно предубежденный против этого «распутника», нашел его личностью вполне заурядной; но несмотря на это, он признавал, что «выражение власти источали эти голубые глаза».

Удивительный дуализм. Распутин был способен во время самой обычной беседы неожиданно упасть на колени и начать молиться со страстным усердием. В самый разгар своей славы он вдруг оставил всех и отправился в Святую Землю, посетил гору Афон и Иерусалим, рыдал на могиле Христа. Но в Санкт-Петербурге, с первого же дня после возвращения снова начались грязные оргии. Женщины и молодые девушки, приходившие в квартиру № 20 дома

64 на улице Гороховой молить его об исцелении, просить его совета или поддержки, возможно, получали то, что искали. Чаще всего в этом доме, в котором пахло «щами, прогорклым маслом, и горячим козым сыром», они находили даже большее. Если посетительница была хорошенькой, Распутин приглашал ее сесть рядом с собой на диван. Он говорил о Боге, небесах, искуплении — и одновременно, при всех присутствующих, без лишних церемоний начинал ласкать девичью грудь.

Зачастую в самой середине проповеди Распутин прерывался и уводил посетительницу в свой кабинет. В таких случаях его категорически запрещено было беспокоить. Каждому было известно, что в этот момент он собирался посвятить себя церемонии «очищения грехом». В большинстве подобных случаев посетительница ничего не имела против. При этом «придворные» дамы Распутина, находившиеся в его апартаментах, подбадривали «новенькую», советуя ей сделать все, чтобы удовлетворить благочестивые стремления «святого отца». Но иногда все проходило не совсем гладко. «Новенькая» выбегала из кабинета старца в помятой одежде, с криком и рыданиями. Какое осуждение читала она тогда в глазах друзей Распутина! Даму грубо выталкивали на улицу и впихивали в экипаж; после чего преданные друзья всеми силами старались утешить дорогого, бедного отца Григория, которого эта глупая, находящаяся во власти демона гордыни женщина

только что так оскорбила. Бывало, что «глупая женщина» обращалась в полицию. Начальник околотка тогда составлял протокол, отсылая копию в заинтересованные инстанции. Обычная формальность. Никогда против Распутина не выдвигалось никаких обвинений.

Как-то, во время войны, враги Распутина тайно проникли в одну из комнат, где старец предавался своим обычным оргиям. С помощью магниевой вспышки была сделана фотография. Через несколько дней это свидетельство было представлено императрице Александре. Нанесло ли это ущерб репутации Распутина? Совсем нет, напротив. В гневе Александра потребовала, чтобы был найден преступный безбожник, который загримовался и осмелился — и с какой возмутительной дерзостью! — сыграть роль святого Григория!

Кто же такой Распутин? Был ли он симулянтом, бессовестным мошенником, шарлатаном, который под маской святого не думал ни о чем ином, кроме как об удовлетворении своей похоти и обогащения за счет обманутых простаков? Думать так — значит все чрезмерно упрощать. Посол Палеолог размышлял по этому поводу: «Законы психологии или, по крайней мере, многочисленные наблюдения и психологические опыты удаются благодаря их искренности, их абсолютной искренности. Он не смог бы проявить подобную притягательную силу, если бы не был убежден в своих необычайных дарованиях. Его вера

в свою таинственную власть была основной причиной этой власти. Он сам был первым обманутым своими проповедями и религиозными обрядами; самое большее, что он добавил к этому, — это свое бахвальство».

Нужно признать, что огромные суммы, получаемые Распутиным, не служили его обогащению. После своей смерти он не оставил ничего. «Суммы, иногда весьма значительные, которые платили ему, — рассказывает Константин де Грюнвальд, — он использовал, чтобы помочь бедным студентам или другим нищим, которые поджидали его, выстроившись цепочкой у подъезда его дома». Что касается сверхъестественной силы, дарованной ему Богом, можно задуматься вместе с М. Палеологом, мог ли Распутин сомневаться в ее реальности: «Каждый день он получал ее подтверждение, видя доверчивость своего окружения. Чтобы внушить свои идеи императрице, он молил божьего вдохновения; ее беспрекословное послушание доказывало ему самому действенность этих молитв. Таким образом, они внушали друг другу взаимно».

Это двойное внушение скоро должно было многократно умножиться.

До 1912 г. роль Распутина не выходила за пределы «общественной сатиры и скандальной хроники». Теперь все изменилось. «Божий человек» проявил интерес к политике. Слишком пристальный интерес. И вот он уже назначает и снимает министров...

Именно в это время (1912 г.) некто Вернон Келль, известный как доктор Ла-зовер, был послан в Санкт-Петербург для выполнения секретного поручения. Ему — капитану британской пехоты, близкому приятелю молодого Уинстона Черчилля — было поручено составить рапорт о предполагаемых действиях России в случае военного конфликта. Вернон Келль обратил внимание на русского банкира Дмитрия Рубинштейна, отметив близкие отношения последнего с Варбургом, немецким банкиром из Мюнхена, неофициальным агентом германского правительства. Келль предвидел, что в случае войны «сеть Рубинштейна» станет для служб Вильгельма II важным источником информации. Он заметил, что при посредничестве Русско-французского банка Рубинштейн контролировал важнейшие внутриполитические вопросы. А между тем часть капиталов этого банка принадлежала немцам.

И наконец, Келль настаивал на существовании тесных отношений между Рубинштейном и Распутиным. Рапорт Келля содержал настоятельную рекомендацию, предназначенную для тайной полиции: было бы благоразумно внести Рубинштейна в список лиц, подозреваемых в шпионаже. В случае войны Келль также рекомендовал удалить Распутина из столицы. Он предлагал хорошо заплатить Распутину, если тот «добровольно согласится вернуться в свою родную губернию». Отчет Вернона Келля заканчивался таким бесхи-

тростным советом: «Если Распутин останется глух к подобному предложению, необходимо будет принять меры активной защиты, перейдя к его физическому устранению».

Был ли Распутин немецким шпионом? Этот вопрос горячо обсуждался историками. Некоторые из них решительно отбрасывают подобную гипотезу, подчеркивая, что она порождена исключительно туманными слухами и наивными рассказами. Они признают, что Распутин был связан с банкирами Манусом и Рубинштейном. Признают, что последние подозревались в снабжении Германии между 1914 и 1917 гг. сведениями военного порядка. Но настаивают на том факте, что эти подозрения никогда не получали подтверждения. Более того, никем не доказано, что эти предполагаемые сведения происходили именно от Распутина.

В случае начала военных действий, рапорт Вернона Келля, разоблачавший опасный сговор между Распутиным и Рубинштейном, приобретал исключительное значение.

Доктор Лазовер знал, что русские все-речь восприняли сообщение англичан. Недаром летом 1914 года генерал Янушкевич, начальник Генерального штаба, отдал настоятельный приказ:

— Избавьте меня, наконец, от Распутина!

Достоверно известно, что именно в это время одна из страстных поклонниц Рас-

Петербург. Первые дни войны. Прохожие читают информационные телеграммы у редакции газеты «Вечернее время»

путина, крестьянка Гусева, жестоко разочаровавшись в нем, вдруг бросилась на старца с кинжалом в руке. Seriously wounded, Rasputin was forced to stay in bed for several months. When Russia took up arms, the old man urgently telegraphed to Saint-Petersburg, pleading with the Tsar not to participate in the war, which «would mean the end of Russia and the emperors». Tactless.

One can only guess what would have happened if Rasputin had been all the time with the emperor. Would there have been a different decision by Nicholas II? Would it have been possible to avoid this war, one of the most terrible in history, and, possibly, one of the most senseless?

After recovering and returning to Saint-Petersburg, Rasputin was even more, than when-

либо до этого, стал пользоваться своей властью. С ним советовались по любому поводу: при назначении министров, решении политических и военных вопросов. Переписка между Александрой и Николаем II содержит поразительные подтверждения этого факта. Между супругами постоянно витала вездесущая тень Распутина. Это наглядно демонстрируют выдержки из писем императрицы своему мужу. «15 сентября 1915: Не забудь перед заседанием Совета министров взять в руки маленькую икону, подаренную нашим Другом и причесаться его гребнем. — 1 ноября: Наш Друг очень огорчен назначением А. Трепова министром путей сообщения; он уверен, что Трепов настроен против тебя...»

Решительно все в России перевернулось вверх дном. Очевидный кризис власти и упадочное состояние экономики усугублялись хаосом и беспорядками на фронте. Войска отступали по всей линии фронта.

По стране прокатилась волна негодования. И везде повторялось одно, отныне проклятое имя: Распутин. Все промахи и ошибки царя приписывались этому «распутному мужику». Его открыто обвиняли в шпионаже: иначе как можно было объяснить постоянные военные поражения?

В это время небольшая группа аристократов и политиков мечтала о сепаратном мире с Германией. План их заговора раскрыл все тот же доктор Лазовер. Заговорщики надеялись, добившись отречения

царя от престола, назначить регентшей его супругу. Успех дела во многом зависел от помощи Распутина, единственного человека, способного воздействовать на Александру.

Для Англии и Франции осуществление подобных планов было бы равнозначно катастрофе. Любой ценой ее необходимо было избежать. Сэру Самуэлю Хоару, начальнику секретной английской службы в России, была обеспечена стремительная карьера. Ему не было необходимости разоблачать весь заговор. Поскольку именно Распутин становился главным действующим лицом, достаточно было избавиться лишь от этого человека. В конкретных условиях того времени подобное физическое устранение становилось «политической необходимостью».

Собирались ли англичане сами «ликвидировать» старца? Нет. Слишком велика была опасность, что, в случае провала, станет известно о военных договоренностях между Великобританией и Россией. Сэр Джордж Бьюкенен, английский посол в России, заявил, что «операция должна быть проведена самими русскими, и что никто из британских подданных не должен быть скомпрометирован».

Здесь мы вплотную подходим к совершенно новому взгляду на причины смерти Распутина. Прежде единственной общепринятой версией была версия князя Юсупова. Изложим ее вкратце. Как-то летом 1916-го, в одном из светских салонов,

председатель Государственной Думы Родзянко воскликнул:

— Что сможем мы сделать, когда все правительство и все лица, приближенные его величеству, будут творениями Распутина? Единственная возможность спастись — убить этого негодяя. Но не найдет-ся в России ни одного человека, который осмелился бы это сделать. Был бы я не так стар, я бы взял это на себя.

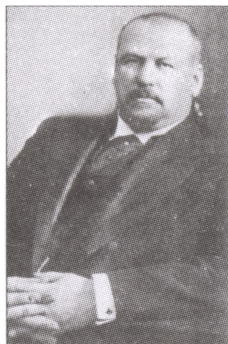
Эти слова были произнесены в присутствии Феликса Юсупова, весьма богатого, красивого и эlegantного молодого человека. Двадцатидевятилетний князь приходился близким родственником Николаю II — он был женат на его племяннице, княжне Ирине.

Фраза Родзянко потрясла Феликса Юсупова. Мысль об убийстве Распутина не давала ему покоя. Было ли это единственным средством, способным спасти Россию? Позднее он расскажет:

— Несколько раз, среди ночи, мои изнуренные нервы внезапно пробуждали меня, и я уже не мог ни успокоиться, ни снова заснуть...

Понемногу идея убийства полностью завладела им. Устранение Распутина — это его, Юсупова, долг. Его товарищи на фронте сражаются с немцами. Он же, устранив одного-единственного человека, «врага презренного, подлого и циничного», спасет императорский трон и Россию.

Таков исходный пункт общепризнанной версии убийства Распутина. Именно

М. В. Родзянко

так Робер Оссейн, Клод Дессайи и я обрисовали ситуацию в фильме «Я убил Распутина», основываясь на воспоминаниях князя Феликса Юсупова.

К нашему удивлению, версия, предложенная доктором Лазовером, в корне отличается от общепринятой. Чтобы покончить с Распутиным, сэру Самуэлю Хоару была предоставлена помощница — леди Сибилла Грей, очаровательная англичанка, близко знакомая с супругой великого князя Николая. Именно ей предназначено было спланировать операцию. Ее предупредили, что организацию убийства должен взять на себя член императорской семьи, чтобы «избежать преследования полиции в случае разоблачения». Первым именем, названным леди Сибиллой, было имя великого князя Дмитрия Павловича. Но подумав, она вспомнила про его неразлучного друга, Феликса Юсупова. Феликс играл на гитаре и пел цыганские песни, которые обожал Распутин.

«Таким образом, без его ведома, князь Феликс Юсупов был предназначен для окончательного решения», — сообщает нам доктор Лазовер.

В этом случае восклицание председателя Думы Родзянко, свидетелем которого оказался Юсупов, можно считать приманкой, на которую Феликс с готовностью «клюнул».

Абсолютно точно известно, что первым посвященным в решение Юсупова, был великий князь Дмитрий Павлович, двоюрод-

ный брат царя. Дмитрий загорелся идеей. Так же как и капитан Сухотин, друг Феликса, недавно раненный на фронте и приехавший на поправку в Санкт-Петербург. Так же как и пятидесятилетний депутат Пуришкевич, яростный противник Распутина, пламенный, жестокий, сторонник абсолютной власти, готовый решительно на все ради победы самодержавия: в 1905 г. именно он был вдохновителем и организатором страшных еврейских погромов. Для такого человека, как Пуришкевич, уничтожить Распутина означало спасти царя и самодержавие. Именно Пуришкевич предложил выбрать яд в качестве орудия смерти. Он также предложил содействие друга, доктора Станисласа де Лазовера, врача своего санитарного поезда.

Благодаря фанатичной поклоннице старца, госпоже Головиной, и ее дочери, князь Юсупов смог войти в ближайшее окружение Распутина. Феликс придумал себе болезнь, которую Распутин взялся лечить. Это был замечательный способ продолжать свои визиты, не вызывая подозрения старца. Однажды Феликс пригласил Григория провести вечер у него во дворце на Мойке. По этому случаю он собирался ему представить свою жену Ирину, племянницу царя. Племянница царя! Польщенный, Распутин тотчас принял приглашение, не зная, что Ирина в это время находилась в Крыму.

29 декабря 1916 г., около 11 часов вечера, в гостиной подвального этаже двор-

В. М. Пуришкевич

ца на Мойке все было готово. Пуришкевич и Юсупов рассказывали, как Лазовер наполнил цианистым калием пирожные — любимые пирожные Распутина. Какова была доза? Достаточная для того, чтобы убить двадцать человек. Помимо этого, доктор бросил кристаллы цианистого калия в рюмки, которые должны были преподнести Распутину. Доктор Лазовер вспоминает, как один из заговорщиков спросил у него, не может ли Бадмаев — «тибетский» маг, тесно связанный с Распутиным, — дать старцу какое-нибудь противоядие, чтобы защитить его организм от действия ядов. «Противоядия, — ответил Лазовер, — эффективны только в случае приема их непосредственно до или после отравленной пищи».

Затем доктор «растворил несколько кристаллов яда в пробирке. Он выбрал две рюмки и отставил их в сторону». И предупредил:

— Налейте этот раствор в рюмки не раньше, чем через двадцать минут после того, как мы с князем поедим за Распутиным. В открытой посуде яд быстро теряет свои свойства...

«Мы с князем»? Лазовер не оговорился. Он должен был сыграть роль шофера Юсупова. Он поведет машину, отправленную за Распутиным.

Почти наступила полночь. Пока все шло по плану. Лазовер, переодетый шофером, отвез Юсупова к Распутину, и они все вместе ехали во дворец на Мойке. Ав-

томобиль въехал на заснеженный двор. Оставшиеся в доме заговорщики Дмитрий, Пуришкевич и Сухотин ждали в комнате первого этажа. Было решено, что Юсупов будет действовать в одиночку: присутствие третьего лица могло бы вызвать подозрения у Распутина. А в этом случае его реакция могла быть непредсказуемой. Бесспорно, это был опасный человек. Очень опасный. Но Феликсу он доверял. Этот мужлан, этот колосс, этот покоритель женщин, испытывал к молодому изнеженному аристократу необъяснимую привязанность.

Старец и князь спустились по узкой лестнице, ведущей в подвальное помещение дворца на Мойке. Они вошли в небольшой, роскошно обставленный сводчатый кабинет. Распутин, как всегда непринужденно, скинул свою шубу и с любопытством стал рассматривать меблировку. Потом сел. Завязалась беседа. Юсупов предложил старцу вино и чай — тот отказался. Он прищурил свои маленькие хитрые глазки:

— Я защищен от дурного глаза, Феликс, — сказал он. — Несколько раз меня пытались убить, но Господь всегда расстраивал эти заговоры. Плохо придется тому, кто поднимет на меня руку.

Почему он сказал это?

Феликс протянул тарелку с пирожными Распутину. Откажется ли он и на этот раз? Нет. Он очень любил эти пирожные. Он взял одно и тут же съел его. Потом следующее. Пирожные, буквально начинен-

ные цианистым калием. С ужасом Феликс ждал реакции, которая должна была вот-вот наступить. Цианистый калий убивает в считанные минуты.

Ничего не произошло. Старец, казалось, прекрасно себя чувствовал. Пирожные вызвали у него только жажду. Он попросил вина. Феликс поспешно наполнил одну из отравленных рюмок. Распутин поднес рюмку к губам. «Он пил медленно, — рассказывает князь, — маленькими глотками, дегустируя вино так, как это умеют делать лишь знатоки. Его лицо не изменилось. Только, время от времени, он подносил к шее руку, как будто ему трудно было глотать. Он поднялся и сделал несколько шагов. Когда я спросил, что с ним, он ответил:

— Да ничего, просто щекотание в горле.

Так продолжалось несколько тягостных минут.

— Хороший портвейн, налей мне еще, — сказал он.

Распутин выпил еще одну рюмку с ядом. Никакого результата. Но он так напряженно смотрел на хозяина, что князь растерялся. Он не мог овладеть собой и бросил взгляд на настенные часы: они показывали 2 часа 30 минут. Около двух с половиной часов продолжалась эта мучительная сцена.

Здесь возникает самый интересный вопрос. Почему яд не подействовал? Первое объяснение, которое пытались дать на

этот вопрос, предполагает, что Распутин не был отравлен.

На это обвинение — а это именно обвинение — попытался ответить доктор Лазовер:

«Многие историки подозревают меня в том, что я просто не положил яд в пирожные и вино. Последний начальник императорской Охранки, генерал Васильев, говорит об этом даже в своих „Воспоминаниях“. Эти подозрения просто нелепы. Я добавлял яд в присутствии Пуришкевича, Юсупова, Дмитрия Павловича и Сухотина. Этот яд дал мне Юсупов, также в их присутствии, чтобы я сразу подмешал его, предварительно разделив на дозы. Следовательно, не может быть никаких сомнений».

Следовательно что мы имеем три согласующихся между собой, свидетельства: Пуришкевича, Юсупова и Лазовера. Таким образом, можно смело отбросить эту гипотезу.

Второе предположение: действительно ли во флаконе, переданном Юсуповым, были кристаллы цианистого калия? Сам князь получил этот флакон от некоего студента, друга Маклакова, влиятельного члена Государственной Думы и известного противника Распутина. Доктор Лазовер сообщает по этому поводу:

«Приехав на фронт (22 декабря), мы с Пуришкевичем решили проверить остаток яда (этот остаток был взят у Юсупова; он находился в герметично закрытом флаконе, переданном студентом). Мы попробо-

вали дать яд раненой лошади. Эффект был почти молниеносным...»

Молниеносным для лошади? Безопасный для Распутина? Тайна становилась все более непроницаемой. Я решил спросить об этом у специалиста, не имеющего никакого отношения к делу, своего друга доктора Поля Ганьера, который по роду своей работы хорошо знал медицину, так необходимую иногда историку. Вот что он мне ответил:

«Первое. Очевидно, сам Распутин обладал сопротивляемостью ядам. Случай, достаточно редкий, но все же не исключительный.

Второе. Пирожные были посыпаны сахаром. Сахар преобразует цианистый калий в почти безвредный состав, менее токсичный и не смертельный. Эта реакция хорошо известна химикам, и, следовательно, случай с Распутиным становится менее таинственным».

Таким образом, кое-что проясняется. Дадим слово доктору Лазоверу:

«Я должен, — говорит он, — подчеркнуть:

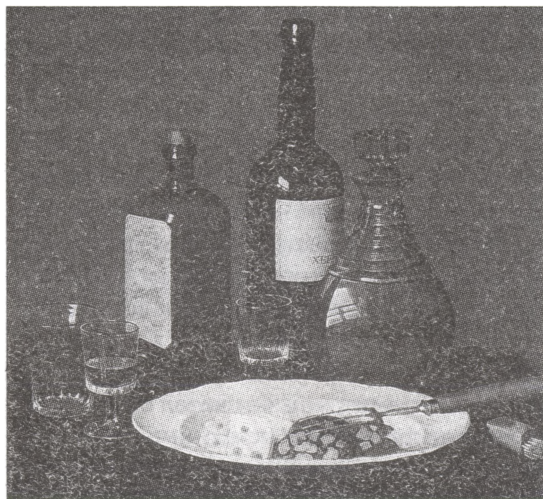
Первое. Юсупов хранил в пробирке значительную часть яда, полученного от студента, друга Маклакова. В тот день Юсупов все время показывал эту пробирку своим друзьям. Однако яд состоял из смеси цианистого калия и активного вещества, экстракта из растения „strychnos toxifera“, из которого получают яд „кураре“... Эта смесь должна была достаточно

быстро разложиться под действием света и влажности... Как известно, день 16 декабря 1916 г. был достаточно теплым в Петрограде. Термометр показывал минус три по Цельсию, и столица была окутана туманом. Влажность воздуха была очень высокой. Доставая пробирку из своего кармана, Юсупов впустил в нее влажный воздух...

Второе. Васильев утверждал, что доктор Бадмаев (тибетский медик, друг Распутина) применял специальную методику противоядия, давая Григорию различные яды в микроскопических дозах, чтобы приучить его организм к цианистому калию. Тот же Бадмаев давал Распутину „таинственный порошок“, нейтрализующий „кураре“ (этот яд был очень популярен в Петрограде). Надо заметить, что Васильев никогда не изучал токсикологию, иначе он должен был бы знать, что „таинственный порошок“ был не чем иным, как... обычной поваренной солью, которая, как знает каждый школьник, является солью натрия соляной кислоты — NaCl ». Однако именно хлор является классическим противоядием «кураре».

Таким образом, сочетание различных факторов могло привести к тому, что яд оказался неэффективным. Похоже, тайна проясняется.

Два часа Юсупов находился в комнате вместе с Распутиным. Два часа он ожидал действия яда.

Натюрморт. Худ. Волков

Нервное напряжение достигло предела. Князь пробормотал какое-то неясное извинение, поднялся к своим друзьям и сообщил им, что яд не действует. Было решено, что Юсупов убьет Распутина из револьвера. Он снова спустился в подвал. Распутин оставался на своем месте. Князю показалось, что он тяжелее стал дышать.

— Вы себя плохо чувствуете? — рискнул спросить Феликс.

— Да, что-то с головой и небольшое жжение в желудке. Налей мне еще рюмочку. Это пойдет мне на пользу.

Он, действительно, выпил еще рюмку вина. Отравленного вина. И... это взбодрило его. Он поднялся, сделал несколько шагов,

внимательно разглядел большое распятие на стене, которое ему понравилось. Юсупов подошел к нему со спины, медленно поднял свой револьвер и выстрелил. И тогда, — рассказывает князь, — Распутин испустил «дикий вопль» и рухнул на большую медвежью шкуру, расстеленную на полу.

На звук выстрела прибежали остальные заговорщики. Они ворвались в комнату. Лазовер бросился к Распутину и констатировал, «что пульс еще бьется». Он послушал хрипы и повернулся к своим друзьям:

— Он агонизирует, — сказал он. — Это последняя фаза комы.

И действительно, скоро дыхание прекратилось. Никакого сомнения: Распутин мертв. Пять человек положили его на диван, обитый красной кожей, и закрыли ему глаза.

Дальше действовали по заранее составленному плану. Чтобы сбить со следа полицию, которая могла следить за машиной Юсупова, было решено, что Сухотин наденет на себя шубу и шапку Распутина. Ночью его силуэт вполне напоминал силуэт старца. Лазовер снова сыграет роль шофера. Юсупов должен был сопровождать лже-Распутину к нему домой. Измотанный за последние часы, он в последний момент пробормотал, что не поедет. Его заменил Дмитрий: он был с Феликсом одного роста и комплекции.

Таким образом, Дмитрий, Сухотин и Лазовер сели в машину князя. Автомобиль тронулся с места и исчез в темноте.

Пуришкевич и Юсупов остались вдвоем во дворце. Понемногу Юсупов пришел в себя. Его мысли постоянно возвращались к оставленному в подвале труп. К этому человеку, который любил его и доверял ему. «Неожиданно, я почувствовал беспокойство, — рассказывал он, — и непреодолимый порыв заставил меня спуститься в подвал, где лежало тело убитого». Феликс захотел еще раз увидеть труп Распутина. Он должен был его увидеть.

Войдя в подвал, он приблизился к Распутину. И вдруг князь с ужасом заметил, как Григорий открыл один глаз, потом — другой. Он почувствовал на себе полный ненависти взгляд. Неожиданно резким движением Распутин вскочил на ноги и бросился на Юсупова, пытаясь задушить его. «Это существо, — рассказывает князь, — это существо, умиравшее от яда, простреленное пулей в области сердца, это тело, которое, силы зла оживили, чтобы отомстить за себя, было настолько мерзким и отвратительным, что я не могу без ужаса вспоминать эту сцену».

Феликсу удалось высвободиться из объятий Распутина, он бросился к лестнице и крикнул Пуришкевичу:

— Скорее, скорее, спускайтесь! Он еще жив!

Пуришкевич бросился к князю и, ошеломленный, услышал звук грузных, быстрых шагов, направлявшихся к выходу. Стремглав он сбежал по лестнице. «То, что я увидел внизу, — рассказывал он, — мог-

ло бы показаться кошмаром, если бы это не было ужасной действительностью. Григорий Распутин, которого я видел агонизирующим на полу гостиной, через полчаса бежал изо всех сил, пошатываясь, по пушистому снегу двора в направлении чугунной ограды, отделявшей нас от улицы...»

Пуришкевич достал свой револьвер, выстрелил по удалявшейся фигуре, но не попал. Выстрелил второй раз — и снова мимо. Третья пуля попала Распутину в спину, и он остановился. Но продолжал стоять на ногах. Еще один выстрел в голову — и, покачнувшись, Распутин рухнул на снег.

Из дома выбежал князь. Как в бреду, он подошел к распростертому телу Распутина и ударил его дубинкой по голове. На снег брызнула кровь...

Как и предполагалось, попетляв по городу, чтобы сбить со следа полицейских, Дмитрий, Сухотин и Лазовер сменили машину. Они вернулись во дворец на Мойке за телом Распутина. Здесь они узнали о бессмысленности этой предосторожности: шум выстрелов уже привлек внимание полицейских. Пуришкевич попытался договориться с ними. Они пообещали молчать, но когда стало известно об убийстве Распутина, один из них проговорился. Для заговорщиков это было катастрофой.

Но надо было закончить начатую игру. Труп завернули в широкое полотнище и втащили в машину. Машина поехала к ок-

Смерть Григория Распутина

раине города. У Петровского моста она остановилась. Внизу, на реке, чернела прорубь. В нее бросили, раскачав, тяжелое тело Распутина.

Был ли он еще жив, когда над ним сомкнулись темные холодные воды реки?

Когда труп вытащили на берег, на нем видны были «многочисленные следы ран». «Руки и ноги были стянуты грубой веревкой». Дочь Распутина в своих «Воспоминаниях» утверждает даже, что «ему были нанесены отвратительные увечья». Но вот что кажется совершенно невероятным: полиция констатировала, что ему удалось «наполовину высвободить одну руку» и что «его легкие были наполнены водой». Это означает, что Распутин умер, лишь утонув в воде.

«Когда я умру, — говорил Распутин, — Россия окажется во власти дьявола!»

12 марта 1917 г. разразилась революция. 15 марта царь отрекся от престола. 21

марта все члены императорской семьи были официально объявлены заключенными в Царскосельском дворце, летней резиденции царя в окрестностях Петрограда.

23 марта, около 9 часов вечера, группа вооруженных солдат под командованием офицера инженерных войск ворвалась в Царскосельскую часовню, где императрица Александра приказала похоронить того, кого звала своим Другом.

Открыв могилу, солдаты достали гроб, погрузили его на машину и отвезли в Парголовский лес, в нескольких верстах к северу от Петрограда. В лесу, на поляне, гроб открыли. Орудя палками, солдаты перекинули труп в деревянное корыто, облили его бензином и подожгли. Несколько часов горел этот «погребальный» костер.

Наступило утро, и от «божьего человека», некогда могущественного «царя над царями», не осталось ничего, кроме пепла, черневшего на заснеженной лесной поляне.

Послесловие

«Вы умрете в ледяных водах». — «Нет, вы ошибаетесь, я не умру»

Человек с холодными глубоко посаженными глазами пристально всматривался в глаза пророка. Это была битва харак-

теров — точнее битва между человеком, обладающим сильной волей и гипнотическими способностями, и человеком, который был просто убежден, что его пророчества сбудутся.

Парапсихолог повторил: «Я вижу, что вы умрете страшной смертью во дворце. Вам будут угрожать ядом, ножом, пистолетом. Но я вижу холодные воды Невы, смыкающиеся над вами».

Второй мужчина бросил презрительный взгляд на пророка. «Это смешно, — сказал он самоуверенно. — Меня называют спасителем России. Я Творец судьбы».

Эти события происходили в январе 1905 г. Парапсихологом был граф Луи Гамон, он предсказал судьбу Григорию Распутину. Пожалуй, история начала XX в. не знает более эксцентричного героя.

История Распутина и пророчества его смерти рассказаны в нескольких биографиях старца и в автобиографии графа Гамона «Исповедь пророка».

Конец американского Распутина

Крифилд Франц Эдмунд вошел в историю как лжепророк и эксцентричный, безумный мессия. В 1903 г. его уволили из Армии спасения в Корвейлсе (штат Орегон, США), и Крифилд подался в леса Орегона, где провел несколько месяцев в полном одиночестве.

Когда он вновь появился на людях, его волосы ниспадали до плеч, а лицо украшала огромная всклооченная борода. Подобно знаменитому в то время на другом конце света Григорию Распутину, его американский двойник обладал поразительным даром очаровывать женщин.

Крифилд, взяв себе имя Иешуа Второй, принялся проповедовать свое «учение» в Корвейлсе, и у него сразу появилось несколько десятков последователей. Однако вскоре все мужчины его покинули, но в сетях «пророка» остались их жены и дочери. Во время своих проповедей Крифилд умудрялся вводить женщин в настоящий экстаз: дамы срывали с себя одежду и начинали голыми кататься по полу с криками и стонами.

Неудивительно, что многие мужчины, чьи жены и дочери принимали участие в подобных безумствах, заявили протест, благодаря чему кое-кто одумался и вернулся в семьи. Крифилд перебрался на остров Кайгер, где продолжил свои оргии.

Крифилд прекратил свою «подвижническую» деятельность и даже женился, но вскоре его потянуло на старое, он бросил жену и подался в Портленд к одной из своих последовательниц. Когда же ее муж застал лжепророка обнаженным во время исполнения «божественного действия», он потребовал арестовать Крифилда за прелюбодеяние.

Три месяца «мессия» прятался в подвале, но вскоре был пойман и отсидел 15 месяцев в тюрьме. Он написал бывшей жене, успевшей с ним развестись, и попросил снова выйти за него замуж. Она согласилась, и в Сиятле они встретились. Брат его супруги до того уверовал в Крифилда, что продал свой дом, все ценные вещи и вместе с женой переехал в «Сад Эдема», который лжепророк организовал возле Нью-порта.

Туда же потянулись и его бывшие последовательницы из Корвейлса. За одной из женщин к Крифилду поехал муж. В кармане обманутого супруга лежал только что купленный револьвер. Увидев «пророка» в окружении паствы, он выхватил револьвер и 5 раз нажал на курок, но выстрелов не последовало. Озадаченный мститель осмотрел револьвер и понял, что

Землетрясение в Сан-Франциско в 1906 г.

ему продали не те патроны, а вот ученики Крифилда окончательно уверовали в бессмертие Иешуа.

Однако сам «мессия» прекрасно понимал, что оставаться в «Саду Эдема» стало опасно, ведь, в отличие от своих последователей, он отнюдь не считал себя бессмертным. Крифилд и его жена Мауди исчезли.

Кроме незадачливого мстителя с нестандартными патронами, по следу аже-пророка шел и Джордж Мичел, брат Эстер, «любимой ученицы» Крифилда. Джордж здраво рассудил, что парочка наверняка скрылась в Сизтле. 7 мая 1906 г. ему удалось напасть на их след. Мичел нашел Кри-

филда в аптеке — Мауди взвешивалась, а лжепророк разглядывал витрину. Мичел подошел к нему, приставил к его уху пистолет и выстрелил. Когда «бессмертный» Иешуа рухнул как подкошенный, Мауди набросилась на Джорджа с кулаками и проклятиями.

Любопытно, что она всерьез верила, что через 3 дня ее муж воскреснет, правда, чуда так и не произошло. А вот на суде над Митчелом действительно случилось чудо: когда он заявил, что лжепророк лишил девственности обеих его сестер, сердца присяжных дрогнули, и Джорджа оправдали.

12 июля 1906 г. на вокзале Кинг-стрит к Митчелу подошла его сестра Эстер. Она вытащила из пальто маленький револьвер, приставила к уху брата и выстрелила. Оказалось, Эстер подготовила это убийство вместе с Мауди. Обеих женщин арестовали, но еще до суда Мауди отравилась стрихнином, а Эстер признали невменяемой и поместили в психиатрическую лечебницу, где через 3 года в возрасте 20 лет она умерла.

Так закончилась история с американским Распутиным. Однако был в жизни Крифилда один довольно любопытный случай. Покидая 17 апреля 1906 г. Сизтл, он проклял Сан-Франциско и всех его жителей, а на следующий день здесь произошло страшное землетрясение. Было это совпадением или Крифилд все же обладал даром ясновидения?

Безумный эльф и повелитель звуков...

К числу уникальных биографий, которые, не отличаясь авантурным сюжетом, вполне похожи на фантастический роман, относится и жизнь гениального русского композитора Александра Николаевича Скрябина (1872-1915).

Он родился и умер в Москве, но, как и положено великому пианисту, объездил с концертами полмира, — рассказывает кандидат искусствоведения Андрей Бандура. — Написал много хорошей музыки, которую играют и слушают и теперь. Был дважды женат, много болел, мучился от сплетен и интриг завистников и недоброжелателей и т. д. Но все это происходило как бы на заднем плане. На первом были духовные поиски и неразрывно связанная с ними музыка.

Собственно говоря, духовные поиски Александра Николаевича и велись через музыку. Он постиг ее духовную суть, ее магию (в прямом смысле слова).

У него было много идей, но почти все реализовались совсем не так, как ему представлялось. Вспомнит ли молодежь

*Ночной концерт Жана-Мишеля Жарра
на Воробьевых горах в Москве*

в грохоте огней дискотеки, что первым соединил музыку со светом именно он еще в 1910 г.? И что так активно разрекламированные шоу Ж.-М. Жарра — явление вторичное, а первым был Скрябин со своей «Поэмой огня» для оркестра, фортепиано, хора, органа и световой клавиатуры?

Конечно, в те далекие годы ни о какой подобной клавиатуре никто, кроме Скрябина, всерьез не думал. Электрики Дворянского собрания заявили, что кабель не выдержит напряжения, и премьера прошла без световой симфонии. Композитор

ее так и не увидел — но не расстроился, поскольку был поглощен другими планами. Светомузыка занимала в них совсем небольшую часть — он мечтал о грандиозном синтезе, в котором объединятся не только все существующие искусства, но и новые, фантастические, еще не созданные. Это была бы симфония вкусов и запахов, прикосновений и взглядов, музыка становилась бы светом, а танцы — «воображаемыми звуками».

Все это великолепие следовало исполнить всего один раз, уже не в Москве, а в Индии — в специально построенном храме с «текучей архитектурой». Этот храм, по замыслу Скрябина, должен был вместить всех жителей Земли, причем не как зрителей, а как полноправных участников-исполнителей! Начало этой мистерии было бы концом физического мира: все присутствующие, мечтал Скрябин, растворятся в художественном экстазе и станут единым гигантским сознанием, освобожденным из плена материи. В этом — смысл всей человеческой истории и смысл существования самого Скрябина — создателя и организатора «Последнего Свершения». ...И времен.

Композитор считал, что именно он стал наследником затерянных во мраке тысячелетий тайных знаний о звуковой магии. Легендарный Орфей и жрецы погибших цивилизаций умели когда-то силой музыкальных заклинаний повелевать природными стихиями, управлять пространством и временем. Это знание пришло к Скряби-

ну, как он сам говорил, «через музыку». Сочиняя, он чувствовал себя Богом, создающим новую Вселенную. Может быть, это ощущали и другие композиторы, но только Александр Николаевич сумел посмотреть на себя «со стороны» и сознательно проанализировать собственный творческий процесс.

Скрябин создает новую философскую картину мира и пытается реализовать свои знания на практике. С этого момента (ему было тогда 33 года) он находит собственный композиторский стиль; из-под его пера вырываются все новые и новые фантастические звуковые пейзажи.

«Когда он начинал играть, из него как будто выделялся свет, его окружал воздух колдовства — чудилось, что не человек это, а лесной дух», — таким увидел Скрябина поэт К. Бальмонт. Если даже сделать скидку на причуды поэтического воображения, то чем объяснить свидетельства людей, далеких от мистики?

Скрябин считал, что все это «не сложно»: «Это почти уже не музыка, не мелодия, а разговор, это заклинание звуками... Это все нельзя так играть просто, тут надо колдовать играя». Он пояснял, что действует на звук своим «астральным телом», когда он уже оторвался от рояля и летит в зал. Но никто, даже пианисты, которым Скрябин в Петербурге специально показывал этот «фокус», не смогли добиться подобного эффекта.

А. Н. Скрябин

Как же после этого было не поверить в его способность совершить художественное чудо? Тем более что рассказывал он о своей «Мистерии» так же, как и играл отрывки из нее: как бы гипнотизируя собеседника, таинственно понизив голос.

«Когда он рисовал картины какого-то вселенского действия, в котором будет участвовать чуть ли не все человечество, я и все, кто его слушал, невольно подчинялись силе его фанатической веры. Его убежденность действовала гипнотически», — свидетельствует Бальмонт. И продолжает:

«Его психологическая убежденность совершала чудо. Как-то гипнотически действовала она на окружающих и покоряла их психику. Я знаю многих из этих вполне «неверующих», которые мне гово-

рили, что когда скончался Скрябин, то они поймали себя на странном чувстве разрушения каких-то надежд... Где-то в глубине души их гнездились зародыши веры в великую «Мистерию»...

Действительно, хотя сам композитор сказал как-то, что «гений — это гипнотизер», главным средством убеждения была для него все-таки музыка. Она, по Скрябину, «самая сильная, самая действенная магия, только магия утонченная, изысканная, которая ведет не к таким грубым результатам, как сон или гипноз, а к конструированию определенных утонченных состояний психики, которые могут быть самыми разнообразными. Музыкой можно вызвать и гипноз, и транс, и экстаз. Музыка есть звуковое заклинание».

*Я к жизни призываю вас,
скрытые стремленья!
Вы, утонувшие в темных глубинах
духа творящего,
Вы, боязливые жизни зародыши,
Вам дерзновенья я приношу!*

«Существа, живущие в астрале, — по мнению Скрябина — также испытывают власть музыки, также послушны ее чарам и заклинаниям». Композитор не только «выходит на связь» с параллельными мирами, но и, как кажется некоторым его друзьям, даже умудряется там жить.

Таинственные обитатели пьес и сонат

«Свои ощущения он передавал не только звуками, но еще своеобразной и оригинальной мимикой и жестами, которые большею частью были очень странны, как-то несколько кошмарны, «сонны» по своим настроениям, галлюцинаторны... Во всех этих жестах было одно общее — масса эротизма — все они были, в сущности, вариантами ласкательных жестов, словно он все время ласкал какую-то воображаемую субстанцию и она жила под его ласками, изменяя обличье, как Протей», — пишет Бальмонт.

В пьесе «Загадка» обитало живое существо: «не то женщина, не то насекомое». Пятую сонату он видел как «светящуюся сферу» вне времени и пространства; пьесу «Гирлянды» — как «какие-то хрустально-кристальные и в то же время радужные образования, которые росли, группировались, тонкие и эфемерные, хрупкие и «стеклянные», рвались и бились, чтобы вновь расти и возникать...» В Шестой сонате «он любил наигрывать вторую тему и мрачные тревожные набаты, во время которых он сам делал какое-то «испуганное» лицо и даже жестами выражал некоторое содрогание, как бы в лицезрении неких кошмарных призраков». «Когда я засыпаю, — говорил композитор, — я ловлю свое сознание на созерцании множества призраков... Среди

них есть очень страшные, фантастические, такие, которые я бы сам никогда не мог сочинить... И все это показывается на каком-то темно-рыжем фоне и меняется с изумительной быстротой... При этом я там познакомился с некоторыми из этих существ: они попадались мне по нескольку раз, всякий раз более или менее одинаковые...»

Звуковое марево его последних творений открывало все новые и новые тайны...

«Вам не кажется, — спросил он как-то, — что музыка заколдовывает время, может, его вовсе остановить?..»

Окончательно остановиться время должно было в «Мистерии», но уже делая первые эскизы к ней, композитор понял, как это возможно. С «космической» точки зрения человека на самом деле окружает некая аморфная масса — хаос. Все, что он видит в нем, — его собственные мысли и желания, которые чаще всего враждебны ему самому. Ценность имеет только способность создавать нечто новое — то, чего еще нет в мире человеческих представлений. Мы по-настоящему живем только тогда, когда занимаемся творчеством; все другие моменты — бессмысленное прозябание. Пространство и время — это одно и то же, только увиденное с разных точек зрения. И то, и другое — иллюзия. Ни один предмет физического мира, по Скрябину, не представляет опасности для духа и даже для тела — если только правильно его воспринять.

Композитора часто видели работающим на солнцепеке или же просто гуляющим под июльским солнцем в черном костюме. «Он не только любил работать на солнце, но мог не моргая смотреть на него, когда оно стояло в зените, а потом легко читал мелкий шрифт».

В повседневной жизни Александр Николаевич не пытался никого удивить, но это получалось само собой. Канадский пианист А. Лалиберте, узнав, что Скрябин дает концерты в Нью-Йорке, безуспешно пытался встретиться с ним. Опечаленный и уставший, он шел по улице и вдруг услышал возглас: «Что же вы не идете? Я жду вас!» Перед ним был сам Скрябин, ни разу до того не видевший своего будущего ученика.

В преддверии испытаний

В 18-летнем возрасте композитор, провожая домой свою соученицу, Е. Гнесину, точно описал черты своего будущего композиторского стиля, хотя еще 15 лет он будет работать «под поздних романтиков».

В «Мистерии» требовалось «вспомнить-пережить» всю историю человечества, в т. ч. и ту, которая ныне прочно забыта. Скрябин рассказывает о событиях из жизни первой «астральной» расы, «потом рожден-

*Александр
Скрябин.
Худ. А. Головин*

ных», лемурийцев и атлантов, но никто не догадался это записать. Он говорит и о будущем: «Будут большие испытания, будут страшные минуты... Потому что нам придется пройти полную материализацию: наступит эра, когда все духовные интересы угаснут, когда вся мистика улетучится, кроме как в небольшом очаге. Наступит время страшной прозы, полного погружения в материальный план, полной утраты всякой духовности. Это будет век машин, электричества, которые заполонят все, век меркантильных интересов...»

Ясновидение в пространстве и времени Скрябин тоже пояснил очень, с его точки зрения, просто: «Мечта есть процесс, совершающийся в будущем времени. Неосуществившаяся мечта есть неузнанный издали предмет». Этим предметом для него оказалась «Мистерия», и не только она...

14 апреля 1912 г. А. Н. Скрябин зашел в особняк профессора Грушки на Арбате, чтобы снять квартиру на три года. Жить этому титану-эльфу оставалось ровно столько же. Знал ли он об этом? Хозяйка предложила заключить бессрочный договор, на что композитор ответил: «Через 3 года я здесь жить не буду, уеду в Индию».

Все эти годы он очень спешил, боясь не успеть завершить уже не «Мистерию», а «Предварительное Действо» — ее «безопасную модель». «Я теперь должен так много писать, — говорил он друзьям. — У меня такое чувство, что я не имею права

отдохнуть... Кто-то стоит надо мною и твердит, что ты должен работать!.. Иначе я не успею... Так много, так страшно много надо сделать!.. А время идет!»

Он торопился к вечности — это казалось странным. Станным (и даже смешным) представлялось и другое — необычайная безгливость этого титана духа. Он панически боялся инфекций — даже письма брал только в перчатках. Знал ли тогда кто-нибудь, кроме Скрябина, диагноз его будущей смертельной болезни: «заражение крови от инфекции»?

Он хотел быть новым мессией, освобождающим дух от власти материи, — неслыханная дерзость! Но стоит вспомнить, что родился Скрябин в канун Рождества, 6 января, а умер на второй день Пасхи...

Музыка «Предварительного Действа» утрачена, но, к счастью, не полностью. В числе последних записанных Скрябиным пяти прелюдий соч. 74 2-я и 4-я имеют несомненное сходство с услышанными им «гармониями смерти». Прелюдию № 2 сам Скрябин называл «астральной пустыней» и говорил, что «в ней такое впечатление, точно она вечно звучит, миллионы лет»; 4-я же изображала «экстаз в мире белых лучей», т. е. саму Смерть. Композитор рискнул исполнить ее публично единственный раз в жизни, на своем последнем концерте в Петрограде 2 апреля 1915 г. У многих слушателей возникло тогда жутковатое ощущение присутствия подкрадывающейся к Скрябину смерти.

И действительно, вернувшись в Москву, через 12 дней после рокового концерта гениальный композитор умирает в возрасте 43 лет от странной и внешне незначительной причины. Сохранившаяся история болезни изобилует многочисленными нестыковками и противоречиями...

Догадывался ли Скрябин об опасностях, подстерегавших его на жизненном пути? Ответ мы читаем в заключительных строках стихотворения Бальмонта «Великий обреченный»:

*Проснуться в Небо, грезя на Земле,
Рассыпав вихри искр в пронзенной
мгле,
В горенье жертвы был он неослабен.
И так он вился в пламенном жерле,
Что в Смерть проснулся, с блеском
на челе,
Безумный эльф, зазыв, звенящий
Скрябин.*

Роковые предвидения Михаила Булгакова

Если обычный писатель идет по следам событий, то у Михаила Булгакова — автора знаменитого романа «Мастер и Маргарита», создателя «Собачьего сердца», «Белой гвардии» и т. д. — сплошь да рядом происходило наоборот: сперва события описывали, а уж потом это случалось в действительности. А как именно случалось, решил проследить писатель Руслан Киреев в книге «Новеллы о любви», выпущенной недавно издательством «Центрполиграф». Вот что, в частности, он рассказывает:

«Загорелось как-то необыкновенно, быстро и сильно, как не бывает даже при бензине. Сейчас же задымились обои, загорелась сорванная гардина на полу и начали тлеть рамы в разбитых окнах».

Это — из романа «Мастер и Маргарита», сцена пожара в квартире Берлиоза, которую минуту спустя Воланд со свитой навсегда покинут, вылетев в окно. Эпизод написан, вернее, продиктован жене Елене Сергеевне в ночь с 22 на 23 января 1934 года. О чем в ее дневнике есть соответствующая запись.

*Михаил
Булгаков*

Дальше Елена Сергеевна рассказывает, что отправилась в кухню приготовить что-нибудь перекусить. В кухне кипятилось на керосинке белье, домработница, пребывающая не в духе, «рванула таз с керосинки, та полетела со стола, в угол, где стоял бидон и четверть с керосином — не закрытые. Вспыхнул огонь».

Примчавшийся на женские крики Булгаков, «в одной рубаше, босой... застал уже кухню в огне».

Конечно, это — случай исключительный: еще, как говорится, не просохли чернила, а увиденное мысленным взором автора воплотилось в реальность. Обычно между предсказанием, которое он делал — устно ли, в книгах ли своих, — и его воплощением проходило довольно много времени.

Ну ладно роман: там автор — хозяин-барин и, объяснив, к примеру, что рукописи не горят, с помощью всемогущего Воланда восстанавливает сгинувший в огне шедевр. Но ведь нечто подобное имело место и в жизни.

7 мая 1926 года brave, в коже и португезах молодчики из ОГПУ при обыске изъяли у Булгакова вместе с рукописью «Собачье сердце» три тетради дневников. Вмешался Горький, и через два года тетради вернулись к владельцу, но тот, дабы никто не смог больше их прочесть, бросил оскверненные дневники в огонь.

Однако прочли! Спустя несколько десятилетий в архивах ОГПУ были обнару-

жены обстоятельнейшие выписки из тех сожженных пламенем тетрадок.

Предсказал Булгаков и собственный конец. Мало что год назвал, но и привел обстоятельства смерти, до которой было еще добрых полдюжины лет и которую тогда ничто не предвещало.

«Имей в виду, предупредил он жену, — я буду очень тяжело умирать, — дай мне клятву, что ты не отдашь меня в больницу, а я умру у тебя на руках».

Она дала: муж ее, знала, был человеком мнительным. Однако на всякий случай регулярно заставляла его показываться врачам.

Врачи ничего не находили. Исследования, даже самые тщательные, не выявляли отклонений. Между тем назначенный Булгаковым год приближался, и, когда наступил, писатель «стал говорить в легком, шутовском тоне о том, что вот — последний год, последняя пьеса и т. д. Но т. к. здоровье его было в прекрасном проверенном состоянии, то все эти слова никак не могли восприниматься серьезно». Однако предупреждение о кончине сбылось. Ясным сентябрьским днем чета Булгаковых отправилась в Ленинград, и там, на Невском проспекте, солнце стало вдруг меркнуть в глазах Михаила Афанасьевича. Писатель почувствовал, что спешит. Тут же нашли профессора, профессор осмотрел больного и приказал немедленно возвращаться домой: «Ваше дело плохо».

В Москве медицинские светила подтвердили диагноз ленинградского коллеги.

Один из них потребовал срочной госпитализации, но Булгаков, будучи сам врачом, понимал, что никакая госпитализация его не спасет. «Я никуда не поеду от нее». И напомнил о данной клятве.

Доктор не настаивал. «Это вопрос трех дней», — шепнул он в прихожей обезумевшей от горя женщине.

«Но Миша прожил после этого 7 месяцев, как он говорил: потому что верю тебе».

Любовь, субстанция духовная, оказалась сильнее физических законов — она попраля их, она отвоевала у небытия целых двести дней.

...Начался их роман внезапно. Первая встреча произошла на Масленицу, у общих знакомых, куда Елена Сергеевна, узнав, что «будет знаменитый Булгаков», отправилась без колебаний. «Уж очень мне нравился он как писатель».

Эта 35-летняя женщина была замужем, растила двоих сыновей и имела все основания гордиться супругом — крупным военачальником, доктором наук, профессором. Евгений Александрович Шиловский — так звали этого синеглазого красавца — был всего на четыре года старше ее и жену свою боготворил.

К знакомым на блины она тем не менее явилась одна — Шиловский был в командировке.

«Сидели мы рядом... у меня развязались какие-то завязочки на рукаве... я сказала, чтобы он завязал мне. И он потом уверял

всегда, что тут и было колдовство, тут-то я его и привязала на всю жизнь».

А он — ее. Назавтра после блинов отправились кататься на лыжах, потом был театр, был актерский клуб, была бильярдная, где она страстно «болела» за своего нового друга — и так изо дня в день, из вечера в вечер, пока наконец бедняжка не взмолилась: она устала, ей надо отдохнуть, надо отоспаться — пусть он сегодня не звонит. (Муж все еще не вернулся из командировки.)

Булгаков обещал. А в три ночи затре- звонил телефон. «Оденьтесь и выйдите на крыльцо», — повелительно прозвучал в трубке голос, который она мгновенно узна- нала.

Она подчинилась — оделась и тихонеч- ко вышла.

Ярко светила луна, Булгаков, весь бе- лый в ее свете, стоял у крыльца. Не говоря ни слова, лишь прикладывая палец к гу- бам — «Тс-с!», повел ее на Патриаршие пруды, потом поднялся с нею на третий этаж стоящего поблизости дома, позво- нил, и им открыл «роскошный старик, вы- соченного роста, красивый, с бородицей, в белой поддевке, в высоких сапогах».

Гостей ждал у пылающего камина бога- то и изысканно сервированный стол. Сидели до утра, живописный старик попросил раз- решения поцеловать даму в щечку, дама позволила, и он, целуя, прошептал заворо- женно: «Ведьма! Ведьма! Приколдовала».

Елена Сергеевна так и не узнает никог- да, что это была за таинственная квартира

*Евгений
Александрович
Шиловский
с сыном
Евгением*

у Патриарших, что это был за старик; на все ее расспросы следовал неизменный ответ, что и квартира, и старик, и та лунная ночь — все это ей, дескать, приснилось. Тем не менее, даря ей, к тому времени ставшей уже его женой, свою книжицу — книжица называлась «Дьяволиада», написал: «Ты совершишь со мной мой последний полет».

Но пока что она жена чужая, да и у Булгакова есть супруга — вторая. Ее звали Любовь Евгеньевна. Приветливая, веселая женщина, она занималась конным спортом и давала смешные клички окружающим. Именно с ее легкой руки близкие называли Булгакова Маккой... Вообще, во всей этой истории не было плохих людей, все четверо уважали друг друга, что делало неизбежный разрыв еще болезненнее.

Летом Елена Сергеевна с мужем уехали в Ессентуки — то была первая ее разлука с Булгаковым. Он писал ей письма, он сорвал, засушил и отправил ей розу, он послал ей... свои глаза. Не фотографию, а аккуратно вырезанные из нее глаза.

Елена Сергеевна самокритично признавала, что осторожность ее граничит с трусостью. С трусостью и ненадежностью. Так и подписала однажды — Трусикова-Ненадежная — ответную свою телеграмму в Крым, куда он, уехав на гастроли с театром, звал ее и даже приглядел местечко в пансионате.

Она не поехала. Лучше, решила, по-прежнему встречаться в Москве — огромный город укроет их куда надежнее.

И все-таки муж узнал. Разразился скандал. Есть даже свидетельства, что Шиловский, человек военный, выхватывал из кобуры пистолет...

«Мне было очень трудно уйти из дома именно из-за того, что муж был очень хорошим человеком, из-за того, что у нас была такая дружная семья. В первый раз я смалодушествовала и осталась, и я не видела Булгакова 20 месяцев, давши слово, что не приму ни одного письма, не подойду ни разу к телефону, не выйду одна на улицу».

Она свято держала слово, а потом произошла нечаянная, неожиданная для обоих встреча... И она решилась.

К тому времени у знаменитого драматурга Булгакова, пьесы которого ставили в Лондоне и Париже (за что, впрочем, он не получал ни гроша), дела обстояли плохо. Печатание романа «Белая гвардия» было прервано, новые драматические сочинения, с восторгом принимаемые друзьями, не доходили до сцены, вечно не хватало денег, не ладилось с квартирой... Понимала ли все это Елена Сергеевна? Еще как понимала! И тем не менее, как пишет она впоследствии брату, «я порвала всю эту налаженную, внешне такую беспечную, счастливую жизнь и ушла к Михаилу Афанасьевичу на бедность, на риск, на неизвестность».

Сохранилось письмо Булгакова к Шиловскому:

«Дорогой Евгений Александрович, я виделся с Еленой Сергеевной по ее вызову, и мы объяснились с нею. Мы любим друг друга так же, как и раньше. И мы хотим по...»

На этом письмо обрывается. Но прочитав недописанное слово позволяет другая записка Булгакова, набросанная тогда же, в сентябре 1932 года, прямо на одном из заседаний во МХАТе.

Записке, адресованной режиссеру В. Сахновскому, предпослан гриф: «Секретно. Срочно». И далее сообщается, что без пятнадцати четыре ее автор должен быть в другом месте. «...Я венчаюсь в загсе. Отпустите меня через 10 минут».

Как реагировал на все это бывший муж? Бывший муж нашел в себе силы достойно вынести удар. Он даже взял на себя труд сообщить о переменах родителям бросившей его женщины — те в то время жили в Риге.

«Дорогие Александра Александровна и Сергей Маркович!

Когда вы получите это письмо, мы с Еленой Сергеевной уже не будем мужем и женой. Мне хочется, чтобы Вы правильно поняли то, что произошло. Я ни в чем не обвиняю Елену Сергеевну и считаю, что она поступила правильно и честно... Раз у Люси родилось серьезное и глубокое чувство к другому человеку — она поступила правильно, что не пожертвовала им».

Младшего сына Елена Сергеевна взяла с собой, старший, Женя, которому уже исполнилось десять, остался с отцом, но постоянно бывал у матери и очень сдружился с ее новым мужем. Бесконечно готов был слушать главы «Мастера и Маргариты» — автор читал их гостям часто, и читал великолепно.

За несколько дней до его смерти она, перекрестившись, дала клятву, что напечатает роман. Напечатает, хотя даже самые заядлые оптимисты утверждали, что если чудо такое и произойдет, то не раньше как через сто лет.

Клятву эту она сдержала. Как и ту, давнишнюю, вытребованную им в счастливый день их воссоединения: он умер у нее на руках, причем «на руках» едва ли не в прямом смысле слова.

«Ноги ему не служили. Мое место было — подушка на полу около его кровати. Он держал руку все время — до последней секунды».

Она даже исполнила то, что не обещала, ибо понятия не имела о неких его пророческих, как оказалось, словах: он написал их старинному другу Павлу Попову в самом начале 1932 года. Речь в письме шла об инсценировке «Мертвых душ», которую сделал Булгаков и за которую испытывал перед их создателем своего рода неловкость. Ему даже, как явствует из письма, приснился Гоголь. «...Ко мне ночью вбежал хорошо знакомый человек с острым носом, с большими сумасшедши-

*Елена
Сергеевна
Булгакова*

ми глазами. Воскликнул: „Что это значит?!“»

Оправдываясь, автор инсценировки что-то бормотал в ответ. А потом в письме следует обращенная уже к самому Гоголю пророческая фраза: «Укрой меня своей чугунною шинелью!»

И Гоголь укрыл. Укрыл в самом прямом смысле слова.

На могиле Бугакова долго не было памятника. «И вот однажды, — писала Елена Сергеевна, — когда я по обыкновению зашла в мастерскую при кладбище на Новодевичьем, я увидела глубоко запрятавшуюся в яме какую-то глыбу гранитную. Директор мастерской на мой вопрос объяснил, что это — голгофа, снятая с могилы Гоголя, когда ему поставили новый памятник. По моей просьбе, при помощи экскаватора, подняли эту глыбу, подвезли к могиле Миши и водрузили».

Там она стоит до сих пор. А рядом, под той же тяжелой гоголевской «шинелью», похоронена та, кто, как и предсказывал он, совершила с ним его последний полет...

Полет этот продолжается и поныне...

Взлет и падение Эрика Хануссена

6 апреля 1933 г., еще задолго до начала представления, у кассы знаменитого берлинского мюзик-холла «Скала» появилась табличка: «Все билеты проданы». Впрочем, никого эта табличка не удивила, т. к. во время выступления знаменитого на всю страну ясновидца и гипнотизера Эрика Яна Хануссена, именуемого еще «Пророком третьей империи», попасть в мюзик-холл было крайне трудно. Аншлаг на его сеансах — дело обычное.

Удивило посетителей другое: невероятная паника среди дирекции этого весьма солидного заведения. Приближалось время выступления знаменитого мага и волшебника, а его огромного серого «мерседес-бенца» у подъезда не было. В роскошном особняке на Литценбургштрассе, где совсем недавно справил новоселье Хануссен, никто не отвечал на бесконечные телефонные звонки. Даже Исмет-Ага, руководитель секретариата Хануссена, не подходил к телефону. Такого никогда не бывало — либо Исмет-Ага, либо его заместитель Франц всегда были у телефона...

Не появился Эрик Ян Хануссен и на следующий день. А 8 апреля в центральном органе национал-социалистской рабочей партии Германии «Фелькишер беобахтер» было опубликовано сообщение, которое повергло в изумление всех читателей газеты. Они узнали, что 44-летний гипнотизер и ясновидец «убит злоумышленниками». Его тело, изрешеченное пулями, найдено в глухой части леса, окружавшего пригород Берлина — Потсдам.

Что же произошло в этом аккуратном, ухоженном, необыкновенно чистом лесу? Для ответа на этот вопрос надо восстановить в памяти некоторые факты из жизни этого человека.

...Когда началась Первая мировая война и в Австро-Венгрии объявили мобилизацию, на призывном пункте появился худощавый паренек Герман Штайншнайдер. Первое время он ничем не выделялся среди таких же молодых людей, но чем ближе подходил день отправки на фронт, тем сильнее беспокоился Герман. И тогда произошло нечто неожиданное: у Германа открылось весьма редкое качество гипнотизера! Его первые опыты прошли удачно, и вскоре состоялся первый сеанс в офицерском клубе. И тогда у командира призывного пункта родилась гениальная мысль: использовать редкие способности Германа Штайншнайдера и проводить регулярное гипнотическое «облучение» призывников для поднятия их патриотического духа. Молодой гипнотизер энергично под-

держал эту идею и с головой ушел в систематическую, гипнотическую обработку призывников.

Но, по-видимому, из-за того, что путь до передовой занимал не один день, гипнотические чары Штайншнайдера довольно быстро «испарялись», и когда молодые солдаты появлялись на передовой, они без промедления сдавались русским в плен. В особенности в ходе знаменитого Брусиловского наступления. Тем не менее Герман продолжал свою патриотическую работу глубоко в тылу, постоянно совершенствуя приемы и методы гипноза.

После войны он переменил имя и фамилию на Эрика Яна Хануссена и появился в Вене, где сразу же обратил внимание посетителей цирка на свой необычный номер. В самом деле, представьте себе худую, тщедушную женщину — его партнершу, которая в гипнотическом состоянии легко поднимала огромные, тяжеленные гири! У зрителей этот номер пользовался огромным успехом. А вот у личного врага Хануссена — силача Брайберта он вызывал возмущение. И тогда, не выдержав, он публично разоблачил шарлатана, наглядно продемонстрировав изумленным зрителям... пустые гири!

Кончилось дело тем, что Хануссен распрощался с цирком и поспешно исчез из Вены. Вскоре он объявляется в Праге, где вновь берется за гипноз и преподавание оккультных наук. Немного поправив свои дела, Хануссен неожиданно попадает под

*Австрийские
рекруты*

суд. Против него было выдвинуто обвинение в 34 мошеннических деяниях. На этот раз Хануссен сделал ловкий ход. Он обратился к суду с просьбой провести научную экспертизу его «выдающихся способностей». Пусть ученые вынесут вердикт — мошенник он или честный человек. Ну что же, экспертиза так экспертиза. Суд пошел ему навстречу: пригласили ученых, которым Хануссен продемонстрировал весь свой репертуар. Двое ученых заявили, что он мошенник чистой воды, а двое других колебались. Судья пришел к выводу, что Хануссена нужно освободить из-под стражи и даже выдать ему свидетельство, косвенно подтверждающее его уникальные способности.

Имея в кармане столь ценный документ, он направился на покорение столицы Германии. Осенью 1925 г. на последние деньги Хануссен снял особняк и широко оповестил жителей Берлина, что здесь, на Курфюрстердамм, открывается центр гипноза, телепатии, астрологии и оккультных наук. Прошло несколько месяцев, и Хануссен стал знаменитостью. Деньги потекли рекой. И тогда «великий маг» начинает издавать газету — «Хануссен цайтунг» (ее тираж вскоре достиг 150 000 экземпляров), а затем и журнал для узкого круга читателей — «Иной мир». Ошеломляющий успех позволил ясновидцу купить типографию и там печатать газету и журнал. Кроме того, он приобрел феодальный замок, несколько роскошных

автомобилей, скаковых лошадей и, наконец, яхту на озере Ванзее...

Случаен ли взлет Хануссена? Нет. Ведь именно тогда в стране сложилась весьма трудная обстановка: поражение на фронте, позорное Версальское соглашение, поставившее на колени целый народ, чудовищные экономические трудности в сочетании с особым характером немцев привели к тому, что люди потянулись к мистицизму. И, как следствие, — многочисленные астрологи, прорицатели, гипнотизеры, шарлатаны всех мастей. А на политической арене — фашисты во главе с Гитлером, мистические заклинания и пророчества которого нашли благоприятный отклик не только среди деклассированных элементов, но и у бюргеров-националистов. Неудивительно, что массовые сеансы гипнотического транса, чрезвычайно эффектно устраиваемые Хануссеном, вызвали широкий отклик в стране, привлекли внимание нацистов.

Немецкие левые обвиняли Хануссена в шарлатанстве, но эти нападки были для оракула как нельзя кстати — лучшей рекламой в глазах нацистов трудно себе представить. Ведь его преследуют коммунисты за преданность идеалам «национального возрождения», т. е. именно за то, что так мило сердцу гитлеровцев. И чем больше набирало силу движение национал-социалистов, тем больше апломб и уверенности появлялось у Хануссена.

Нужно, однако, учесть еще одно обстоятельство. Борец за национальное

возрождение уверял, что он может «читать чужие мысли». Его сеансы телепатии привлекли внимание не только бюргеров и экзальтированных берлинских представительниц высшего света, но и... гестаповцев. Они очень заинтересовались умением Хануссена «заглядывать под черепную коробку» своего собеседника. Отметим, однако, что Хануссен не случайно выделялся среди всех прочих мошенников, так расплодившихся в Германии той поры.

Будет несправедливо, если мы не найдем в его характере каких-нибудь особых черт, кроме отменных коммерческих способностей и умения обводить вокруг пальца всех и каждого. Он был очень тонким психологом. Хануссен чрезвычайно внимательно следил за развитием событий на политической арене Германии. Ему приносили все крупные газеты Германии, и он их штудировал, в особенности аналитические статьи, а также материалы, посвященные закулисной жизни многих политических деятелей. Его помощники (а их, по данным парижского журнала «Лю» за апрель 1933 г., было не менее 12 — толковых, образованных молодых людей) шныряли по Берлину и вынюхивали все слухи и сплетни, заводили знакомства, пытаясь проникнуть в семьи высокопоставленных гитлеровцев, не представляясь, конечно, что они работают на Хануссена.

Всего этого было достаточно, чтобы умный человек, каким безусловно являлся

Хануссен, мог сделать более или менее правильные выводы о том, как дальше будут развиваться события, прежде всего в политической сфере, чье положение пошатнулось, а кто идет вверх по служебной лестнице. И еще: он очень хорошо знал психологию малообразованных людей, среди которых так долго вращался. А ведь именно эти маргиналы и составляли основную массу штурмовиков и эсесовцев. Многие из них бывали в салоне Хануссена, и слава о нем двигалась, так сказать, снизу вверх, к нацистским бонзам. Разговоры о необыкновенных способностях Хануссена достигли ушей окружения всемогущего Генриха Гиммлера.

Зная наклонность своего шефа к мистицизму, его веру в предсказателей и гипнотизеров, они посоветовали ему посетить салон Хануссена. Гиммлер был потрясен уникальными способностями оракула.

Весьма возможно, что по подсказке Гиммлера ясновидца представили Гитлеру, и в течение нескольких лет этот человек с весьма темным прошлым был его персональным астрологом. Говорили, что Хануссен настолько сблизился с будущим фюрером, что они были на «ты». Этому можно поверить, ибо, во-первых, Хануссен был, как Гитлер, из Австрии и говорил с соответствующим акцентом, а во-вторых, и это самое важное, только с близким человеком главарь нацистов мог репетировать свои выступления, и прежде всего отрабатывать жестикуляцию. Как свиде-

тельствует Джон Толанд в своей книге «Гитлер», Хануссен при первой же встрече с будущим фюрером якобы сказал ему: «Если вы серьезно хотите заниматься политикой, герр Гитлер, почему же вы не учитесь искусству выступать?» Он начал обучать будущего фюрера языку наиболее выразительных жестов, которым он сам овладел и проверил в ходе выступлений перед массовой аудиторией, чтобы особенно сильно подчеркнуть значимость произнесенных им пророческих слов. С тех пор они довольно часто встречались. Подхалимы из ведомства, проверяющего чистоту расы того или иного нациста, видя такую близость Хануссена к Гитлеру, поспешили объявить Хануссена арийцем, хотя имелись серьезные основания сомневаться в этом...

В конце 1932 г. смерть любимой матери, неудачи в политике оказали крайне отрицательное воздействие на психическое состояние Гитлера. «Я потерял всякую надежду, — писал он вдове любимого им композитора Вагнера. — И как только я пойму, что все потеряно, Вы знаете, что я сделаю...» Будущее выглядело настолько мрачным, что по совету друзей он снова обратился к Хануссену. Тот поспешил составить гороскоп, из которого следовало, что после полосы препятствий восхождение к власти начнется 30 января 1933 г. Как известно, Адольф Гитлер, не имевший даже среднего образования, именно тогда стал канцлером Германии!

До этого фюрер довольно прохладно относился ко всякого рода предсказателям: «Какое отношение ко мне имеют бабы и звезды!» Кстати, к тому времени, когда Гитлер пришел к власти (т. е. после 30 января 1933 г.), у многих фашистских бонз были свои астрологи. Так, у Гиммлера — Вильгельм Вульф, у заместителя Гитлера Гесса свой — Карл Хаусхоффер.

Когда фашисты пришли к власти, положение Хануссена настолько укрепилось, что казалось, ничто не способно столкнуть предсказателя с вершины его славы. Тем более что 26 февраля 1933 г. он поразил всех своей прозорливостью. В этот день Хануссен пригласил к себе в новый дом на новоселье избранное общество, которое стало свидетелем сеанса предсказания. Потушили свет, в луче красного прожектора возник Хануссен и после долгой паузы начал произносить странные слова. Вначале их трудно было разобрать, но потом голос его стал крепнуть и зрители слышали: «Я вижу большой зал. На его стене висят портреты знаменитых людей, вершивших судьбами Германии. Это канцлеры?.. Да! Но что я вижу? Я... Я вижу пламя... ужасное пламя... Пожар... Он возгорается... Преступники совершили поджог... Они хотят ввергнуть Германию в бездну... Они хотят помешать победе Гитлера! Германию спасет только железный кулак». Через день, в ночь с 27 на 28 февраля 1933 г., загорелся рейхстаг...

*Публичное
выступление
А. Гитлера*

Итак, предсказание сбылось, и да здравствует ясновидец! История с пророчеством Хануссена о пожаре в рейхстаге произвела в Берлине ошеломляющее впечатление. Все только и говорили об удивительном успехе предсказателя. Однако нашлись люди, отнюдь не из низших слоев общества, у которых возникли серьезные сомнения в том — предсказание это или... осведомленность? Говорили, что его дружок полицей — президент Потсдама граф Гельддорф, перед сеансом незаметно передал Хануссену какую-то записку. Может быть, в ней содержалась необходимая для того информация о предстоящем поджоге? Особое беспокойство проявили в гестапо. Если Хануссен такой уж ясновидец, то, неровен час, он сможет предсказать нечто совсем уж нежелательное. Если же это результат его осведомленности, то еще хуже...

Гестапо заинтересовалось личностью ясновидца, а также обстоятельствами его появления в Берлине. Впрочем, это неудивительно, ибо Хануссен оказался в непосредственной близости к фюреру, а что он за человек, откуда — толком никто не знал. Вскоре обнаружилось, что пророк попал в национал-социалистскую партию по подложным документам. Существует версия, что в гороскопе, который Хануссен составил для Гитлера в конце 1932 г. и где указывалось, что 30 января 1933 г. он станет канцлером, в его заключительных строках имелся намек на то, что через оп-

Горящий рейхстаг. 27 февраля 1933

ределенное время Гитлера постигнет трагический конец. Это могло, стоить головы прорицателю. Правда, практически никто из тех, кто ссылался на гороскоп, его не видел, и поэтому такая версия выглядит недостаточно обоснованной. Однако это можно предугадать исходя из того, что потом произошло с Хануссеном.

Наконец, известно точно, что к ясно-видцу подослали гестаповского провокатора, который потом донес: Хануссен собирает секретное досье на главарей «третьего рейха». Он намерен в скором

времени удрать в Прагу и там опубликовать все эти материалы вместе с подлинной историей «поджога» рейхстага.

Это уже было слишком. Вечером 5 апреля 1933 г. в особняк Хануссена нагрянули вооруженные гестаповцы и увезли его в неизвестном направлении. Все? Нет, еще не конец. Хануссен сумел каким-то совершенно невероятным образом выкрутиться из этого, казалось бы, безнадёжного положения и остаться живым, хотя и с большими синяками. Он укрылся в одной частной клинике на окраине Берлина, спрятавшись в подсобном помещении. Но кто-то об этом донес, и на другой день опять появились гестаповцы. Хануссена выволокли из подвала клиники и увезли. Но теперь великому проходимцу выкрутиться не удалось. Его тело, изрешеченное пулями, нашли в лесу близ Потсдама.

Так закатилась звезда одного из талантливых проходимцев «третьего рейха».

Заклученная

Александра Метелина

— В послевоенные годы на необъятных просторах Сибири было раскидано множество исправительных лагерей, в которых отбывали свои сроки уголовные преступники и политзаключенные. Разные это были люди... Кто-то из них сохранился в памяти Ивана Павловича Сафронова, служившего тогда в охране одного из исправительно-трудовых лагерей, кто-то — нет. Но одну женщину он не забудет никогда, — рассказывает С. Кожушко.

Лагерь стоял на высоком берегу реки Лены. Кругом топи, тайга, лесоповалы. Сроки отбывали большие: по восемнадцать — двадцать пять лет. Направо от ворот стояли мужские бараки, налево, за высоким забором из колючей проволоки — женские. Как-то в начале пятидесят второго года в отряд, которым руководил лейтенант Сафронов, поступила новенькая — Александра Метелина. Изучая ее личное дело, Сафронов наткнулся на расплывчатую формулировку приговора Астраханского областного суда: «За распространение слухов, подрывающих советский

Вышка охранника

государственный строй». Описание материалов уголовного дела отсутствовало, не было упоминаний о близких и дальних родственниках, роде предыдущих занятий, и характеристика осужденной выглядела отпиской. Заинтересовало Ивана Павловича и то обстоятельство, что государственный обвинитель просил у суда назначить подсудимой меру наказания в виде принудительного лечения в психиатрической больнице, однако суд почему-то приговорил Метелину к десяти годам исправительных работ с последующей двадцатилетней высылкой в одно из казахстанских поселений. Словом, просмотрев несколько раз дело заключенной, Сафонов так и не понял, в чем состояла ее вина. Александра была невзрачной и тихой тридцатилетней женщиной с некрасивыми чертами лица. В отряде женщины-заключенные сразу дали ей кличку Мышка. Мышка быстро заняла свою нишу в слож-

ной иерархии лагеря. Она не лезла ни в какие разборки, добросовестно выполняла любую порученную работу и довольно скоро заработала репутацию человека не от мира сего. Зечки снисходительно улыбались ей вслед и крутили пальцем у виска. Сафронов, молодой еще лейтенант, помня, что «в тихом омуте черти водятся», решил внимательнее присмотреться к новенькой, дабы та чего-нибудь не учудила. Вызвал на беседу. Но Метелина была крайне немногословна, и составить о ней хотя бы приблизительное мнение Сафронову не удалось.

Вскоре произошел трагический случай: во время работ по транспортировке леса из-за несоблюдения начальством лагеря мер безопасности огромной сосной придавило одного из заключенных. Полученные травмы оказались очень серьезными — у мужчины был раздроблен таз, разорвана селезенка, началось сильное внутреннее кровотечение. Пострадавшего доставили в лагерный лазарет, но врачи лишь развели руками — ничего сделать не сможем.

Тем временем весть о несчастном случае облетела весь лагерь. Среди заключенных стало нарастать недовольство — подобное уже случалось, и не раз. Возникла реальная угроза бунта. И тут к Сафронову обратилась Метелина с просьбой разрешить ей оказать помощь пострадавшему.

Иван Павлович доложил руководству... После недолгих колебаний Сафронову

было поручено сопроводить заключенную в палату лагерной больницы. Там Александру, пожелавшую побыть наедине с травмированным заключенным, закрыли в зарешеченной комнате. Через полтора часа она появилась, уставшая, но радостная. Попросила не тревожить больного сутки. Сафронов заглянул в палату. На кровати, обмотанный кровавыми бинтами, спал пострадавший...

А в женском бараке уже знали о случившемся. Метелиной сразу выделили лучшее место — у окна на нижнем ярусе кровати. Начальник лагеря, которому врачи доложили о том, что кризис в состоянии заключенного, придавленного сосной, миновал, распорядился освободить Метелину от работ на несколько дней...

Сафронов опять вызвал Александру к себе под предлогом благодарности за оказанную помощь. И снова Мышка не пошла на «разговор по душам»...

«Не уезжайте! Паром перевернется»

Лагерная жизнь текла своим чередом. Наступила весна 1953 г. В начале марта в лагерь прибыла большая партия «политических». Работы у офицеров прибавилось. Сафронову пришлось даже уплотнить женский барак. Вскоре одна из новеньких, прославившаяся «стукачкой», до-

Похороны Иосифа Сталина

верительно сообщила Ивану Павловичу о том, что Метелина прошлым вечером после отбоя во всеуслышание сказала: «А этот усатый завтра умрет». Сообразив, что речь шла о товарище Сталине, Сафонов пообещал разобраться и попросил впредь также докладывать ему обо всем подозрительном, что происходит в бараке... А ранним утром следующего дня начальник лагеря сообщил всем офицерам, что из управления пришла телефонограмма: «Умер вождь советского народа товарищ Сталин. Объявлен траур. Принять меры к недопущению беспорядков во вверенном подразделении».

Услышав эту новость, Сафонов вздрогнул. Выходило, что заключенная его

отряда действительно обладает неординарными способностями. После совещания Иван Павлович в третий раз вызвал к себе Метелину и стал расспрашивать о ее даре. Какое-то время Александра упорно молчала, а затем вдруг тихой скороговоркой выпалила: «Вам нельзя уезжать. Паром перевернется. Погибнут все. А вы хороший человек».

От этих слов Сафронова, что называется, пробил холодный пот. Действительно, через пару месяцев он планировал уехать в отпуск в Красноярск, на свою свадьбу. Кроме начальника лагеря, подписывавшего отпускные документы, об этом никто не знал. Муть успокоившись, Иван Павлович попытался продолжить беседу, но Мышка снова ушла в себя... В отпуск Сафронов поехал гораздо позже — только через пол года. Невеста (теперь уже молодая жена) устроила Ивану грандиозный скандал по поводу его «опоздания». Тогда же он, к своему ужасу, узнал, что в середине мая под Красноярском затонул паром, перевозивший пассажиров через Енисей. Сафронов ничего не стал рассказывать супруге, а лишь в мыслях поблагодарил спасительницу...

О чем знала Мышка

Вскоре слухи о необычном даре Метелиной распространились по всему лагерю. Втайне от начальства к ней стали обращаться заключенные, надеясь узнать

что-то о потерянных близких, о верности жены или мужа, о здоровье детей, оставленных на воле, о грядущей участи. И все, о чем говорила Александра, сбывалось. Только о дате и причине смерти обращавшегося к ней молчала. Но если беды можно было избежать, она прилагала все силы, чтобы предостеречь человека. Как-то раз предупредила начальника лагерной больницы, чтобы тот ни в коем случае не выпускал маленького сына играть на льду Лены. И действительно, в указанный срок на реке неожиданно начался такой ледоход, что грохот от сталкивающихся льдин был слышен за десятки километров. Соседку по бараку, у которой нестерпимо разболелся зуб, Александра предостерегла от посещения лагерного стоматолога и помогла ей справиться с болью. Точно предсказала дату родов у дочери начальника лагеря, сообщив, что роды будут очень тяжелыми и молодую женщину следует заранее отвезти в районный центр. А однажды она вбежала в здание лесопилки и с силой оттолкнула от станка работавшего за ним заключенного. В следующую секунду отлетевшая фреза впиалась в бревенчатую стену.

Сафронов окончательно убедился в том, насколько необычный человек находится в его отряде. Как-то в середине 1953 г. он снова решил побеседовать с Мышкой, которая к тому времени стала живой легендой лагеря. Поводом для разговора стало то, что жена Ивана Павло-

Колючая проволока

вича несколько лет не могла забеременеть. Александра на удивление охотно пошла на контакт: сразу сказала, что им нужно на юг съездить, на море, а так — все хорошо. И тут Иван Павлович принялся расспрашивать Метелину о ее даре. В этот раз, попросив никому о разговоре не рассказывать, Александра открыла Сафонову свою тайну. Услышанное поразило его...

А поведала Метелина о том, что она... из другого времени! Тогда все будет иначе, и люди будут обладать такими способностями, какие в XX в. никому и не снились. Будет это очень не скоро. Человечеству предстоит пройти через изнурительную череду катаклизмов, болез-

ней и войн. Но, очистившись, оно станет ближе к Богу, за что тот и вознаградит щедро.

Мышка принялась рассказывать Сафронову о событиях, живым свидетелем которых позже он на самом деле стал: о Карибском кризисе и убийстве Д. Кеннеди, о кукурузных полях и афганской войне, о появлении Интернета и полетах в космос, о крахе советского Союза и долгой череде внутренних конфликтов, о катастрофических изменениях климата и облика Земли, о ранее неизвестных смертельных болезнях, и о том, как человек будет пытаться справиться с обрушившимися на его голову бедами...

Ивану Павловичу временами казалось, что Метелина бредит. Надежный, знакомый, привычный мир Сафронова рушился под словами тихой Мышки. Теперь-то он понял, за что была осуждена эта женщина...

Завершая повествование, Метелина успокоила Ивана Павловича, сказав, что ни он, ни его дети и внуки не доживут до тех страшных испытаний, которые выпадут человечеству. А на вопрос, отчего же и как она очутилась в его времени, ответила коротко: «В назидание вам и в наказание мне». А рассказала это она потому, что искупила свою вину и со дня на день ожидает амнистии, после чего вернется в свой мир...

И действительно, на следующей неделе пришли документы о реабилитации и вое-

становлении во всех правах гражданки Метелиной Александры Сергеевны. Из лагеря она уезжала счастливая и немного грустная. Прощаясь, поцеловала Сафронова в щеку, сказав тихое «спасибо»...

Летом Иван Павлович с женой уехал отдыхать на Черное море. Через год, как и обещала Мышка, у него родилась дочь.

СОДЕРЖАНИЕ

«В сем созвездии, якобы в зеркале...»	5
Вещие сны Екатерины I	10
След вещуньи	14
Пророчества чухонских старцев	24
Чудеса блаженной Ксении	35
Синдром Кассандры, или Земной круг монаха Авеля	45
Великое служение Серафима Саровского	135
Этьен Боттино, заглянувший за горизонт	143
Кочкарев, опасный прорицатель.....	153
Предвиденья божьего человека.....	157
Пифия с улицы Турнон	168
Сотворение будущего	191
Замечательный дар Хейро	204
Альбер Робидо — художник и провидец	209
Распутин: святой или дьявол?	223

Конец американского Распутина	270
Безумный эльф и повелитель звуков.....	274
Роковые предвидения	
Михаила Булгакова	286
Взлет и падение Эрика Хануссена	296
Заклученная Александра Метелина	308

Научно-популярное издание

Николай Николаевич Непомнящий

ВЕЛИКАЯ КНИГА ПРОРОКОВ

Книга 3

Пророчества Нового времени

Зав. редакцией *Д. Кондахсазова*

Ведущий редактор *Е. Штейнберг*

Редактор *Н. Лошкарева*

Художественный редактор *А. Сильянова*

Младшие редакторы *А. Чурбанова, Д. Галкина*

Корректор *Т. Чернышева*

Подписано в печать 17.01.06 г. Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура «Корина».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Доп. тираж 7000 экз

Изд. № 05-7769. Заказ № 4626003.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС Образование»

129075, Москва, Звездный бульвар, 23А, стр. 10

«ОЛМА-ПРЕСС Образование» входит
в группу компаний ЗАО «ОЛМА МЕДИА ГРУПП»

Отпечатано с готовых монтажей

на ФГУИПП «Нижеполиграф».

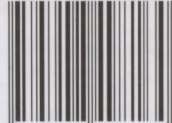
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

**ОЛМА
ПРЕСС**

ISBN 5-94849-816-6

9 785948 498164